

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная
ЕВРОПА

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

4 (104) июль-август 2021 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР
член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария),
РОГОВ С.М. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
С.А. ЗАБЕЛИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ, Р.О. ОРЕСТОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю., МИРОНЕНКО В.И.,
НОВАК-ФАР А. (Польша), НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю.,
РИЧЧЕРИ М. (Италия), РУБИНСКИЙ Ю.И., СМИРНОВ В.А.,
ФЛОГАИТИС С. (Греция), ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL

EST. JANUARY 2000

CONTENTS

ZHURKIN V. Stepping into the Tenth Decade (part three) • **GROMYKO A.** Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism • **SHISHELINA L.** The 30th Anniversary of Visegrad: Achievements and Prospects • **CHETVERIKOVA A.** The Visegrad Four in Times of Crisis • **MAMEDOVA A.** UK-China Relations: the U.S. Factor • **BELOV V.** The Coronavirus Crisis versus Social and Market Economy of Germany • **ANDREEVA E., RATNER A., SOBOLEV A.** Impact of Renewable Energy Development in Germany on Russian Energy Export • **KOPYTIN I., POPADKO A.** Hydrogen Strategies of the Largest European Energy Companies • **BULATOV A., HABARTA A., SERGEEV E.** The Role of European Global Cities in the Inflow of FDI and Labor Migrants • **SOLDATENKO D.** Industrial Intellectual Property as the EU's Innovative Development Factor • **EGOROV A., PETROVSKY A.** COVID-19 Shock: EU Member's Social Policy • **ERMOLIEVA E., KUDEJAROVA N.** Spain in a Multidimensional Crisis: a Social Projection of Demographic Trends • **VELIKAYA N., TATAROV R.** Eternal Allies and Non-Permanent Interests: Pendulum of New Populism in Republic of Moldova • **SHCHERBAK I.** EU's Crisis Response Strategy in Light of Global Challenges • **MUDROV S.** The Orthodox Church, Elections and Protests in Belarus • **SHUMILIN A.** The Trump Era: The Talk-Show that Shook the World • **SKRIPKA I.** Electronic Media and Social Networks in Politics: European Experience

INHALT

ZHURKIN W. Kurz nach neun. Teil 3 • **GROMYKO A.** EU Subjektivität – zwischen Atlantismus und Eurocentrismus • **SCHISCHELINA L.** Visegrad-Gruppe ist 30: Erfolge und Aussichten • **TSCHEVERIKOVA A.** Visegrad-Vier in Krisenzeiten • **MAMEDOVA A.** UK-China Beziehungen: US-Faktor • **BELOV V.** Corona-Krise gegen Sozial- und Marktwirtschaft in Deutschland • **ANDREEVA E., RATNER A., SOBOLEV A.** Auswirkung von Ausbau erneuerbaren Energien in Deutschland auf russischen Energieexport • **KOPYTIN I., POPADKO A.** Wasserstoffstrategien von größten europäischen Energiekonzernen • **BULATOV A., GABARTA A., SERGEEV E.** Rolle der europäischen Weltstädten auf Zufluss der FDI und Arbeitsmigranten • **SOLDATENKO D.** Industrielles Eigentum als Faktor der innovativen Entwicklung in EU • **EGOROVA A., PETROVSKJI A.** Schock der COVID-19: Sozialpolitik von EU-Mitgliedstaaten • **ERMOLEVA E., KUDEJAROVA N.** Spanien in der multidimensionalen Krise: soziale Projektion der demografischen Trends • **VELIKAYA N., TATAROV R.** Ständige Alliierten und unbeständige Interessen: Pendel von neuen Populismus in der Moldau-Republik • **SCHERBAK I.** EU Krisenreaktionsstrategien angesichts der globalen Herausforderungen • **MUDROV S.** Orthodoxe Kirche, Wahlen und Proteste in Belarus • **SCHUMILIN A.** Trump Zeit: Talkshow, die die Welt erschütterte • **SKRIPKA I.** Elektronischen Medien und Soziale Netzwerke in Politik: europäische Erfahrung

Учредители: Российская академия наук, Институт Европы РАН
Издатель: Институт Европы РАН

Свидетельство о регистрации в Министерстве по делам печати РФ
№ 77-1582 от 10 февраля 2000 г.

© Российская академия наук

© Институт Европы РАН

© Редакция журнала «Современная Европа» (составитель)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Журкин В.В. В начале десятого (часть третья) 5

Громыко Ал.А. Субъектность Евросоюза – между атлантизмом
и европоцентризмом 10

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

Шишелина Л.Н. К 30-летию Вишеградской группы: достижения
и перспективы 26

Четверикова А.С. Вишеградская «четверка» в периоды кризисов 37

Мамедова А.О. Фактор США в отношениях Британии и Китая 47

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Белов В.Б. Коронакризис versus социальное рыночное хозяйство
и экономическое пространство Германии 58

Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Соболев А.О. Влияние развития
возобновляемых источников энергии в Германии
на российский экспорт энергоносителей 71

Копытин И.А., Попадько А.М. Водородные стратегии крупнейших
европейских энергетических компаний83

Булатов А.С., Габарта А.А., Сергеев Е.А. Роль глобальных городов
Европы в притоке иностранных капиталов и трудовых
мигрантов95

Солдатенко Д.М. Промышленная интеллектуальная собственность
как фактор инновационного развития ЕС 107

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

Егоров А.И., Петровский А.М. Шок COVID-19: социальная политика
стран ЕС 119

- Ермольева Э.Г., Кудеярова Н.Ю.* Испания в многомерном кризисе:
социальная проекция демографических тенденций 129

ПАРТИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

- Великая Н.М., Татаров Р.А.* Неизменные союзники и непостоянные
интересы: «маятник» нового популизма в Республике
Молдова 140

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

- Щербак И.Н.* Стратегия кризисного реагирования Евросоюза в условиях
глобальных вызовов 151

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

- Мудров С.А.* Православная церковь, выборы и протесты
в Белоруссии 161

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

- Шумилин А.И.* Эпоха Трампа: «ток-шоу», которое потрясло мир 172

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Скрипка И.Р.* Электронные СМИ и социальные сети в политике:
европейский опыт 184

IN MEMORIAM

- Памяти А.О. Лапшина 194

- К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ** 196

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

Виталий ЖУРКИН

В НАЧАЛЕ ДЕСЯТОГО (часть третья)¹

Основатель и почетный директор Института Европы РАН академик В.В. Журкин продолжает делиться своими воспоминаниями и размышлениями в беседе с проф. О.В. Буториной.

Буторина О.В.: Как начался Ваш путь в большой науке?

Журкин В.В.: Весной 1968 года я пришел в старинный особняк в Хлебном переулке недалеко от Арбатской площади, где чуть раньше разместился только что созданный новый академический Институт по США. Так он именовался первое время и впоследствии превратился в широко известный Институт США и Канады.

После короткой беседы с тогда еще доктором наук и будущим академиком Георгием Аркадьевичем Арбатовым я был назначен заведующим несуществующего Отдела региональных проблем внешней политики США. Приглашение поступить в Институт Георгий Аркадьевич прислал мне в Индию, где я работал советником посольства СССР, и мой срок там приближался к концу. Я часто потом называл эти весенние дни началом моей настоящей жизни, которая длится уже более полувека. И это не метафора. За годы своей журналистской, а затем дипломатической жизни я всегда мечтал о научной работе. Точнее говоря, не только мечтал, но и в чем-то готовился к ней. Участвовал в научных семинарах, дискуссиях. В МГИМО сдал экзамены на кандидатский минимум историка. Публиковался, пусть и немного, в коллективных работах ИМЭМО, в журнале «Мировая экономика и международные отношения». Работая в посольстве, по воскресеньям и вечерам писал кандидатскую диссертацию о политике США в Южной Азии. Делал это то дома, то в библиотеке знаменитого особняка Сапру Хаус – резиденции Индийского совета по международным делам. Диссертацию я защитил вскоре после прихода в Институт США.

– Какой была академическая атмосфера того времени?

– В самом институте быстро сформировалась своя культура научной жизни. Приходили каждый день рано, расходились вечером. Много спорили, строили планы. А нас – научных работников – довольно долго было всего дюжины полторы. Когда в 1987 г. меня назначили директором-организатором созданного только на

© Журкин Виталий Владимирович, академик РАН, почетный директор Института Европы РАН.

Буторина Ольга Витальевна, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заместитель директора Института Европы РАН по научной работе.

¹ См.: Журкин В.В. В начале десятого (часть первая). Современная Европа. 2019. № 2. С. 5–17.
См.: Журкин В.В. В начале десятого (часть вторая). Современная Европа. 2019. № 3. С. 5–12.

бумаге Института Европы, вначале было то же самое. Наш региональный отдел довольно долго состоял из трёх ученых. Работали без бюрократии, на равных. Позже Владимир Петрович Лукин ушел в большую политику и на государственную службу. Его знают многие у нас и за рубежом. Блестящий европеист Юрий Павлович Давыдов – к несчастью рано ушел из жизни, – хотя и сегодня многие помнят его. Меня же довольно скоро избрали заместителем директора академика Арбатова, и в этом кресле я просидел почти два десятилетия.

Житейские нравы были свободными. Как-то на вечере я в шутку сказал, что большие дипломаты любят бросать рюмки или стаканы с водой об стену. И тут же в стену нашего конференц-зала полетела упомянутая посуда. Молодые были, веселые. Потом мы не раз об этом вспоминали.

Главным, конечно, было другое: институт сравнительно быстро оформился как крупный исследовательский центр, признанный в стране и за рубежом. Одним из важнейших направлений по инициативе Георгия Арбатова стало исследование проблем глобальной стратегической стабильности, ограничения и сокращения вооружений. Мы нередко вспоминаем эти легендарные времена с научным руководителем Института США и Канады РАН академиком Сергеем Михайловичем Роговым, пришедшим в те ранние годы в ИСКРАН молодым сотрудником. Помним и тех, кто первыми вступили на этот путь, – прежде всего, генерал-лейтенанта Михаила Абрамовича Мильштейна. Традиции фундаментально соблюдаются в институте и сейчас не только Роговым, но и выдающимся профессионалом и ученым, генерал-полковником Виктором Ивановичем Есиным, другими их коллегами. В первоначальные же времена многое приходилось начинать, что называется, с нуля. И тем не менее экспертная репутация тогдашнего ИСКРАНа довольно быстро была признана в Европе и в Америке, потом в Китае, Японии, в других странах.

– Расскажите об экспертной составляющей Вашей работы.

– Активное участие мы принимали в международных экспертных встречах, среди которых быстро выделились Дартмутские конференции, названные по имени первой из них, проходившей в известном Дартмутском колледже, одном из знаменитых американских университетских центров. На конференциях обсуждался широкий круг проблем как двусторонних, так и глобальных. Одним из постоянных сопредседателей был академик Георгий Арбатов. Мы вместе с генералом Мильштейном и заместителем директора института, будущим академиком Андреем Афанасьевичем Кокошиным, который в 90-е стал заместителем министра обороны России, а позднее вновь вернулся в нашу Академию, участвовали обычно в группе по контролю над вооружениями.

Дартмутские конференции были наиболее заметным, но не единственным каналом общественного взаимодействия двух стран. Активную роль играло в нем сотрудничество Ассоциаций содействия ООН, в работе которых я также принимал участие вместе со своими друзьями, профессором Григорием Иосифовичем Морозовым, крупнейшим специалистом по международным организациям и автором многих работ, членом-корреспондентом РАН Олегом Николаевичем Быковым и многими другими. Особый вклад в сотрудничество по проблемам ограничения и сокращения вооружений, прежде всего ядерных, международной безопасности в целом, внесла тогда Российская академия наук, создав наш вариант американской академической ор-

ганизации под названием СИСАК (Committee for International Security and Arms Control – CISAC). Соответствующая организация была сформирована и в нашей Академии. Тон в обеих задавали физики и представители других естественных наук. Нашу организацию много лет возглавлял выдающийся ученый, одно время президент Всемирной ассоциации физиков Юрий Андреевич Осипьян. Исследователи из сферы общественных наук были представлены двумя заместителями председателей. От США это был профессор Мэрилендского университета, руководитель их известного центра международной безопасности Джон Стайнбруннер. С нашей стороны был я.

Одно время шли немалые споры на тему, в какой мере эти дискуссии помогали формированию систем ограничения и сокращения вооружений. В конце концов сформировался консенсус, и сами договоры были выработаны на государственном уровне. Но дискуссии ученых содействовали формированию позитивного климата, помогали оттачивать некоторые идеи. Как справедливо отмечал в своих мемуарах многолетний активный участник этих дискуссий Евгений Максимович Примаков, наиболее важное в этих встречах ученых потом докладывалось «на самый верх» и в США, и у нас.

– Случались ли необычные, особо запомнившиеся ситуации?

– Можно многое вспомнить об этих заседаниях. Но запоминаются какие-то очень необычные детали. Вот одна из них. Мы готовили соображения о взаимном ограничении вооруженных сил в Европе. Под занавес американского коллегу – бывшего министра сухопутных войск (в США кроме главного министра обороны есть еще три по видам вооруженных сил) Стэнли Резора – и меня с вечера попросили отредактировать наши предложения, чтобы в них все было абсолютно равноправно. Мы поработали, и я сказал: все равноправно. Но Стэнли возразил: да, но оно не выглядит как полностью равноправное; а все «должно быть не только равным, но и подчеркнуто выглядеть как равное»¹. Сказано – сделано. Почему-то на годы это засело в голове. Я многим переговорщикам эти слова цитировал.

– Вам довелось прокладывать дорогу новой для нашей страны дисциплине – политологии. Можете рассказать, как это происходило?

– Другая сфера. На протяжении 80-х многие из нас поднимали вопрос о необходимости «легализовать» в нашей стране политологию, политические науки. Ответ «сверху» был один: у нас есть марксизм-ленинизм, это и есть главная политическая наука. И точка. Но время требовало перемен. Наконец, на исходе восьмидесятых было все-таки принято решение узаконить политологию в нашей стране. В ВАКе был создан соответствующий отдел, и мне предложили его возглавить. Собрались вместе достойнейшие люди, настоящие новаторы: профессор Владимир Барановский (будущий академик), Игорь Бестужев-Лада, известный футуролог, не менее известный социолог Александр Галкин, Виктор Кременюк (будущий член-корреспондент), Александр Салмин, многие другие. Решили первым делом составить программу изучения политологии, что и было выполнено. Эта первая отечественная программа была опубликована в журнале «Советское государство и право» и получила известность во многих университетах. Позже ее сменила фундаментальная программа, сделанная по всем правилам и отодвинувшая нашу. Но мы были первыми.

¹ It should not be simply equal. It should also look equal.

– Как первому директору Института Европы РАН, что Вам кажется важным вспомнить о его учреждении, формировании, начальных этапах становления?

– Решение руководства Академии наук и государства состоялось как событие довольно обыденное. И тому были свои причины. Потребность в таком научном центре давно была осознана, назрела и созрела. Все континенты мира давно имели у нас такие изучавшие их академические институты. Кроме Европы.

Поэтому, когда два выдающихся академика (оба бывшие директора ИМЭМО) и крупные государственные деятели Евгений Максимович Примаков и Александр Николаевич Яковлев внесли в Академию и высшие органы власти такое предложение, оно было немедленно принято. Включая и меня в качестве директора-организатора. Решение я получил в последних числах декабря 1987 года. А некоторое время спустя пришла новая бумага из Академии: список десяти штатных единиц, которые были выделены институту, чтобы начать его формирование. Первые два замдиректора пришли из «братских» институтов. Владимир Никитович Шенаев из ИМЭМО, где он работал чуть ли не с самого начала. Он много лет и сил вложил в развитие нашего института, возглавляя экономическое направление. Был избран от института членом-корреспондентом РАН. Его по сей день вспоминают добрым словом и у нас, и в ИМЭМО.

Сергей Александрович Караганов пришел из ИСКРАНа – Института США и Канады РАН. Он тоже сыграл огромную роль в развертывании Института Европы. Позже он возглавил созданный им с коллегами важный российский центр – Совет по внешней и оборонной политике. В последние полтора десятилетия он также руководит факультетом мировой экономики и мировой политики «Вышки». В Институт Европы потянулись видные европейцы, хорошо известные в стране. Такие как Юрий Антонович Борко и Юрий Ильич Рубинский. Кстати, оба, работая в институте, перешли 90-летний рубеж.

Довольно быстро двинулась в институт талантливая молодежь. В основном из МГИМО и ИМЭМО. Из первого пришла экономист Ольга Витальевна Буторина, ныне замдиректора и член-корреспондент РАН. Из второго – другой замдиректора – германист Владислав Борисович Белов. Многолетний заместитель директора, член-корреспондент РАН Михаил Григорьевич Носов пришел к нам из Института США и Канады и по сей день успешно выступает с новыми идеями.

Особо следует вспомнить тех, кто покинул нас, проведя многие годы своей жизни в Институте Европы. Академик Иван Дмитриевич Иванов – выдающийся экономист и дипломат (в прошлом – замминистра иностранных дел). Член-корреспондент РАН Валентин Петрович Фёдоров, также экономист Германии, занимавший крупные государственные посты (после распада СССР он был первым губернатором Сахалина, где его помнят до сих пор, позже – председателем правительства в Якутии, был крупной фигурой и в Москве). Член-корреспондент Тимур Тимофеевич Тимофеев – видная фигура нашей Академии, работавший в последние годы у нас, а до этого – многолетний директор знаменитого Института международного рабочего движения АН СССР. Подобно Фёдорову, из государственных структур пришли и другие. В частности, Александр Юрьевич Бочевер и Дмитрий Александрович Данилов. Бочевер – ветеран войны, сыграл большую роль в решении крупных организационных проблем. Работал до последнего дня своей долгой жизни, скончался в конце 2020 г., перейдя 97-летний рубеж. Данилов уже тридцать лет успешно возглавляет военно-политическое направление в деятельности Института.

А.Ю. Бочеввер был не единственным ветераном. Много лет отдел кадров возглавлял Константин Кузьмич Александров, бывший во время войны связистом. С первого до последнего дня прошел войну в составе кавалерийского корпуса Борис Михайлович Пичугин, блестящий экономист-международник, доктор наук. Были и другие ветераны. К 75-летию Победы на сайте института сделали специальный раздел, а в журнале «Современная Европа» появилась серия очерков о тех, кто приближал победу на фронте и в тылу.

Первая проблема, с которой столкнулся институт, была элементарная: негде было работать. А времена были бурные – знаменитые девяностые... Нас выручил тогда (по просьбе руководства Академии) директор Института Дальнего Востока академик Михаил Леонтьевич Титаренко, выделивший нам пол-этажа в своем современном здании недалеко от ИМЭМО. Да еще добавил небольшой конференц-зал, который нам очень пригодился. Первые месяцы были временем острых дискуссий о направлениях работы. Первая из них, длившаяся долго, была о том, с чего начинать: с исследований интеграционных процессов или с изучения отдельных стран. Победило первое, с тех пор интеграция – в центре внимания.

Программу же изучения отдельных стран успешно запустили при втором директоре Николае Петровиче Шмелёве. Тогда же была начата серия коллективных монографий Института Европы РАН под предложенным им названием «Старый Свет – новые времена». Данная серия успешно продолжается и сейчас.

К нашему удивлению и удовлетворению создание института привлекло внимание за рубежом. Довольно быстро возникли контакты и обмен с Королевским институтом международных отношений в Лондоне (Чэтем-хаусом), Французским институтом международных отношений (Ифри), с исследовательскими институтами и центрами в Италии, Австрии, Швейцарии, Скандинавских странах. Инициатива исходила то с нашей, то с их стороны. Эти обмены успешно шли все годы, продолжают и сейчас, несмотря на пандемию. Например, с Королевским институтом международных отношений Бельгии (Эгмонт), с немецкими Фондами Розы Люксембург, Эберта, Зайделя, с итальянским мозговым центром «Юриспес».

Позже мы добились – с немалым трудом! – выделения институту нынешнего здания в историческом центре Москвы. Трудились над этим все, но особенно большую роль сыграл Александр Бочеввер. Борьба за здание бала отдельной и самостоятельной эпопеей, о которой в институте до сих пор ходят легенды.

И, наконец, о том, с чего следовало бы начать повествование. Институт с самого начала жил и работал как новаторский центр, с упором на объективный анализ явлений и процессов. С самого начала была создана четкая внутренняя последовательность. Когда мне исполнилось семьдесят лет, директором был избран академик Николай Петрович Шмелёв. После его смерти директором стал член-корреспондент РАН Алексей Анатольевич Громько, успешно продолжающий традиции и одновременно вносящий свои новаторские идеи в жизнь института.

Говоря о людях института, я не смог упомянуть всех глубокоуважаемых мною сотрудников – и заслуженных, и молодых. Жалею об этом, но понимаю, что нельзя превратить воспоминания в штатное расписание. Тем не менее все будут рано или поздно названы в истории Института Европы РАН, которая – я верю – обязательно будет написана.

УДК 327

Алексей ГРОМЫКО

СУБЪЕКТНОСТЬ ЕВРОСОЮЗА – МЕЖДУ АТЛАНТИЗМОМ И ЕВРОПОЦЕНТРИЗМОМ

Статья поступила в редакцию 02.06.2021

Аннотация. В центре исследования – современный дискурс на тему субъектности Евросоюза, который ведётся евроатлантистами и европочвенниками как по концептуальным, так и по прикладным вопросам. Сталкиваются два мировоззрения о желательной идентичности ЕС либо как части возрождённого западнцентризма, либо как умеренного европоцентризма. Большое внимание уделено успехам и неудачам в реализации принципа стратегической автономии, роли в этом Германии и Франции. Субъектность ЕС представлена как многоскоростное движение, характерное для всей истории европейской интеграции. Рассмотрено продвижение этого принципа в военно-политической области вплоть до разработки идеи собственного гарантированного ядерного сдерживания. Приводятся примеры стремления к самостоятельности ЕС в сфере цифрового и торгового суверенитета, включая положения дел вокруг Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в отношении Ирана и «Северного потока 2». Показано, что приход в Белый дом Дж. Байдена не снизил противоречия между США и Европой по многим направлениям. Последние события, связанные с Афганистаном и военным соглашением между Британией, США и Австралией (AUKUS), служат дополнительным подтверждением этого тезиса.

Ключевые слова: субъектность ЕС, евроатлантисты, европочвенники, европоцентризм, стратегическая автономия, Германия, Франция, цифровые платформы, экстерриториальные санкции.

После избрания Дж. Байдена в ноябре 2020 г. президентом Соединённых Штатов в Европейском союзе наступил новый этап дискурса европейских атлантистов и европочвенников. Первые являются сторонниками возрождения западнцентричного мира во главе с Соединёнными Штатами, который, как они полагают, оставит позади «историческую осечку» трампа. Вторые – сторонники умеренного европоцентризма, при котором ЕС находился бы среди мировых лидеров, обладая стратегической автономией от других центров силы, включая США. При этом каждая из этих двух категорий взглядов на взаимоотношения США и ЕС не соотносится линейно с феноменами евроскептицизма и еврооптимизма. Другими словами, евро-

© *Громько Алексей Анатольевич* – член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Автор благодарит профессора О.В. Буторину за рекомендации, высказанные в ходе его работы над статьёй.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025>

атлантисты не обязательно должны быть жёсткими евроскептиками, а европочвенники – последовательными еврооптимистами.

Британские евроскептики, добившиеся брекзита, действительно, всегда были убеждёнными атлантистами. Но в ряде восточноевропейских стран сильный проамериканский уклон сочетается со стремлением получить максимальные выгоды от членства в ЕС, несмотря на все внутренние разногласия с Брюсселем. Немецкие «зелёные» являются и европочвенниками, выступая за создание европейской армии и за вывод из Германии американского ядерного оружия, и одновременно – еврооптимистами, ратуя во многом за европейский федерализм. Но, скажем, в Италии или Франции популярность идеи стратегической автономии Евросоюза соседствует с сильными евроскептическими настроениями. Несмотря на все отличия между перечисленными взглядами, большинство их носителей являются представителями различных течений либерального политического истеблишмента, о феномене которого мы писали ранее [Громыко, 2018: 5–16].

Вариативность будущего ЕС зависит от дальнейшего хода масштабных трансформаций. В ряде последних отечественных работ феномен государства-нации, «возвращения государства», в том числе в составе Европейского союза, исследуется с точки зрения «суверенизма», «нового национализма», появления новых типов национальной идентичности. Ставятся вопросы о перспективах европейской цивилизации, её корнях и дальнейшей эволюции [Государство в политической науке... 2020]. Даётся обновлённый взгляд на концепцию «Большой Европы» в свете подъёма «Большой Евразии» [Будущее Большой Европы. Перспективы... 2020]. Предметом исследования становится тема вызовов регулированию военно-политического соперничества в Европе, её стратегической маргинализации [История, 2020: 207-219]. Продолжается изучение стратегической автономии ЕС [Стратегическая автономия ЕС... 2020], в том числе его военно-политический потенциал рассматривается в контексте евроатлантической безопасности [Щербак, 2021: 34–40; Актуальные проблемы Европы, 2020, «Европейская оборона» в контексте... 2020]. Предпринимается анализ последствий президентства Д. Трампа на европейском направлении [Трансформация политики США при Д. Трампе... 2020: 466–534; Шумилин, 2020: 14–21].

Обострение дискурса евроатлантистов и европочвенников происходит в результате того, что предметом споров являются не только вопросы, связанные с большой политикой, экономикой, безопасностью, но и мировоззренческие сюжеты. В европеистике уже привычно использование понятия «нарратив». Применяют его широко и в ЕС, генерируя представления о ключевой роли ценностных различий между «демократиями» и «авторитарными режимами», между «непредсказуемыми государствами» и теми, кто ратует за «мир, основанный на правилах». В этом смысле нарратив выступает как часть идеологической борьбы. Однако осязаемое онтологическое противостояние происходит и внутри самого либерального политического истеблишмента, которое может быть не менее серьёзным, чем его идейные расхождения с движениями «нового популизма».

Категория «цивилизация» активно применяется в современной российской европеистике в рассуждениях о Большой Европе, Европе от Лиссабона или даже от Ванкувера до Владивостока, о европейском континентализме, европейской цивилизации между тремя океанами (Атлантическим, Северным Ледовитым и Тихим).

Суть таких аналитических построений заключается в представлениях о России как о неотъемлемой части этого огромного культурно-исторического пространства, которое, тем не менее, взаимосвязано общими цивилизационными характеристиками [Европа между трёх океанов, 2019; Большая Европа: идеи, реальность, перспективы, 2014; Россия в многообразии цивилизаций, 2011]. Основы данных подходов были отражены в ряде рубежных политических деклараций, например, в Парижской хартии для новой Европы, принятой в ноябре 1990 г. на исходе холодной войны.

В рамках Евросоюза развивался собственный дискурс о европейской цивилизации с той принципиальной разницей, что, как правило, под ней подразумевается пространство в границах ЕС. Отсюда следует и свойственная его общественной мысли и политической практике традиция использовать понятия «ЕС» и «Европа» в качестве синонимов¹. В начале 2000-х гг. широкую популярность получила концепция «европейской мечты» [Rifkin, 2004] (лидирующей роли ЕС в мире XXI века), которая сегодня встречается редко, как и концепция «Большой Европы» (европейская цивилизация от Атлантики до Тихого океана). Апологетическая часть «европейской мечты» ушла в прошлое, но поиски смыслов существования ЕС, европейской идентичности, европейского суверенитета продолжились [Boniface, 2020]. В последние годы эти поиски ведутся на базе принципа «стратегической автономии» – центрального для Глобальной стратегии ЕС, обнародованной в июне 2016 г. Интегрирование данного принципа в Общую политику безопасности и обороны ЕС придало ей качественно новую динамику².

Среди евроатлантистов широко распространены неолиберальные, постмодернистские, внеисторические трактовки идентичности Евросоюза³. Они с большим скепсисом смотрят на рассуждения о европейской цивилизации как в её расширительном толковании (Большая Европа), так и в усечённом (Малая Европа). Связано это с тем, что в обоих случаях размывается нарратив западной цивилизации, а значит США и Европа признаются отличными субъектами мировой истории не только в политическом и в социально-экономическом отношении, но и в культурно-ценностном. Тем более, евроатлантисты считают принципиальным изъяном расширенного толкования европейского пространства включённость в него России, что ещё больше, в их глазах, вредит представлениям о евроатлантическом единстве.

Не удивительно, что объектом критики евроатлантистов постоянно становятся Франция и, в частности, президент Э. Макрон, который вслед за генералом де Голлем склонен рассуждать о Европе в расширительном толковании, доводя её границы не только до Уральских гор, но и до российского Дальнего Востока. В последние годы Макрон продолжал говорить о Европе от Лиссабона до Владивостока, в том числе на совместной пресс-конференция с В.В. Путиным в августе 2019 г.⁴,

¹ В российской европеистике известна характеристика Евросоюза как «Малой Европы».

² Новейший обзор ОПБО, см. [The Common Security...].

³ Например, см. [Balfour].

⁴ Президенты России и Франции сделали заявления для прессы и ответили на вопросы журналистов. 19.08.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61336> (дата обращения: 27.06.2021)

рассуждал в похожем ключе на цивилизационную тематику в выступлении перед дипломатическим корпусом Франции¹ и в интервью журналу «Экономист»². Не раз о Большой Европе положительно высказывалась канцлер А. Меркель, другие немецкие и европейские политики. Демонстрацией сохранения в политическом мышлении Парижа и Берлина панъевропейского измерения стало их совместное предложение в преддверии саммита ЕС 24-25 июня 2021 г. организовать встречу лидеров стран-членов объединения с президентом России. Категории «Большая Европа», «пространство от Атлантики до Тихого океана» многократно использовал В.В. Путин, в том числе в статье, опубликованной 22 июня 2021 г. в газете «Ди Цайт»³.

Современный дискурс стратегической автономии

Несмотря на достаточно популярную точку зрения, что евроатлантизм возвращает свои позиции в соревновании со своими идейными противниками после прихода к власти в США Дж. Байдена, она отражает реалии лишь частично. Действительно, США по ряду вопросов вернулись к многосторонним механизмам принятия решений, к риторике трансатлантической солидарности, отказавшись от наиболее эксцентричных действий Д. Трампа. Однако иные магистральные направления американской внешней политики, отражающие изменения в их стратегических приоритетах, остаются неизменными.

Для значительной части европейских политиков и мозговых центров уже в конце 2020 г. было достаточно очевидно, что уход Трампа не означал возвращения трансатлантических отношений к прежним временам [Biscop, Gromyko]. О том, что место Европы снижается в списке приоритетов Вашингтона, не раз говорили ведущие лица ЕС, включая Меркель и Макрона. Меняется мир, и вместе с ним меняются Европа и США. Очевидно, что американское общество остаётся глубоко разделённым по расовому и партийному признакам, а политическая система во многом дисфункциональна. Мало кто возьмётся предсказать исход следующих президентских выборов. В этно-демографическом балансе европейская составляющая в населении США снижается. Геостратегически Китай, Юго-Восточная Азия, а не Европа будут всё больше поглощать внимание Вашингтона в предстоящие годы и десятилетия. Накопившиеся проблемы в развитии ЕС и США, усугублённые пандемией, будут и дальше заставлять их заниматься в первую очередь внутренними проблемами.

С учётом брежжита в категории государств «первой лиги» Евросоюза остались Франция и Германия. В отсутствии Лондона решение большинства ключевых вопросов о будущем объединения вновь, как когда-то, зависит от динамики в германо-французской связке. Париж и Берлин действуют как в тандеме, так и в столкновении мнений. Двусторонний Ахенский договор, заключённый в январе

¹ Discours à la Conférence des Ambassadeurs. 27.08.2019. URL: <https://youtu.be/QOFCvflAGvE> (дата обращения: 27.06.2021)

² Emmanuel Macron in his own words. 07.11.2019. URL: <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-in-his-own-words-english> (дата обращения: 27.06.2021)

³ Статья Владимира Путина «Быть открытыми, несмотря на прошлое». 22.06.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65899> (дата обращения: 27.06.2021)

2019 г., продемонстрировал центростремительный потенциал тандема. В то же время франко-германские разногласия, например, по вопросу «обобществления долгов» в ЕС, долгое время были точкой взаимной напряжённости. Важно отметить, что Ахенским договором его подписанты обозначили дальнейшие ориентиры для ЕС, значительно усилив статью о взаимной помощи по сравнению как со статьёй 42(7) Лиссабонского договора, так и со статьёй 5 Североатлантического договора.

В дискурсе о становлении военно-политической субъектности ЕС упор на действия его стран-членов представляется обоснованным, ведь сфера обороны и безопасности остаётся наиболее опекаемой и оберегаемой с точки зрения национального суверенитета. Следовательно, инициативность или бездействие национальных государств, их готовность потратить политический капитал или занять выжидательную позицию, политическое лидерство или стремление переложить ответственность на других будут определять будущее стратегической автономии ЕС.

Среди европейских интеллектуалов, особенно в самой Германии, разгорелось соревнование по «перетягиванию каната» – должна ли она стать главным проводником усиления самостоятельности ЕС на международной арене или, напротив, – главной опорой США в Европе в свете ребалансировки стратегических приоритетов Вашингтона. Учитывая по традиции особую позицию Парижа в отношении своего международного статуса, воззрения президента Э. Макрона, сохранение сильных голлистских внешнеполитических традиций, главным объектом интереса атлантистов стала Германия. На верхнем политическом уровне наиболее рельефным воплощением столкновения мнений о взаимоотношениях ЕС и США в сфере обороны и безопасности служат высказывания министра обороны ФРГ и публичное несогласие с ней президента Франции. А. Крамп-Карренбауэр не раз критически отзывалась о принципе стратегической автономии, в то время как Э. Макрон позволял себе говорить о «смерти мозга» НАТО.

Европейские атлантисты рассчитывают на новую трансатлантическую сделку ЕС и США, в которой Германия должна сыграть ведущую роль. Они не отрицают, что Вашингтон будет и дальше сосредотачиваться на азиатском регионе, но предпочитают обозначать этот процесс термином «благожелательное игнорирование» [Fix, Keil, 2021: 2] вместо «стратегическая расстыковка». То, что атлантисты предлагают Германии, можно охарактеризовать как почётное первое место в геополитической тени «вернувшихся в Европу» Соединённых Штатов. Платой за это должна стать своеобразная трактовка понятия «германского лидерства» – жёсткий подход к России, Китаю, рост военных расходов, отказ от проекта «Северный поток 2». Другими словами, в данной интерпретации успех в обретении лидерства зависит от того, насколько удачно Берлин встроится в новые внешнеполитические приоритеты США. Эту точку зрения можно рассматривать как ответвление представлений атлантистов о том, что Общая политика безопасности и обороны ЕС должна развиваться строго в русле философии «европейской опоры НАТО».

В каком направлении пойдут развитие внешней политики Германии и её представления о собственных и европейских интересах, будет во многом зависеть от общественного мнения. На последнее, в свою очередь, окажут влияние результаты выборов в бундестаг в сентябре 2021 г. и дальнейшая работа с общественным мнe-

нием нового коалиционного правительства и нового канцлера¹. Немцы разделены по вопросам и внешней политики, и взаимоотношений с США. Согласно данным фонда Кёрбера, 82% немцев считают, что Германия должна занять нейтральную позицию в случае холодной войны между США и Китаем; 51% – что Германия и Европа должны стать более независимыми от США; 43% – что главным внешнеполитическим партнёром Германия является Франция (только 23% говорят то же о США) [Berlin Pulse].

Совсем иной взгляд на желательное будущее ЕС как субъекта международных отношений предлагает современное европочвенничество. Его сторонники, оперируя теми же предпосылками, что и евроатлантисты, например, о необходимости увеличения оборонных расходов, о пересмотре культуры военной сдержанности Германии, приходят к прямо противоположным выводам. Со времени выхода Глобальной стратегии ЕС в июне 2016 г. дискурс о стратегической автономии продвинулся далеко вперёд и продолжился после прихода в Белый дом Дж. Байдена. Саммиты НАТО и Евросоюза в июне 2021 г., при всей их трансатлантической риторике, не застопорили эту тенденцию, хотя приглушили голоса сторонников самостоятельности ЕС.

Концепция стратегической автономии за последние годы приобрела множество составляющих: оборонную, промышленную, технологическую, цифровую, инфраструктурную, информационную и др. (согласно лексике европочвенников – «инструменты объединённого суверенитета»). Выделение в новом семилетнем бюджете ЕС значительно меньших средств, чем ожидалось, на программы Общей политики безопасности и обороны стало фактором торможения дискуссий о военно-политической самостоятельности, что, однако, компенсируется развитием элементов автономии в других сферах. Одновременно все больше стран-членов НАТО, одновременно входящих в ЕС, увеличивают оборонные расходы в соответствии с решениями саммита Альянса в 2014 г. в Уэльсе и требованиями Вашингтона. Но в этом есть и скрытая повестка европейцев. Меркантильные резоны США в политике «двух процентов» очевидны – нарастить продажи продукции американского ВПК в Европе. Однако это не означает, что в будущем свои возросшие военные расходы европейцы не смогут использовать для создания более интегрированного рынка вооружений в самом ЕС.

Развитие дискурса о стратегической автономии постоянно подпитывалось в последние годы высказываниями на самом высоком уровне. Например, в мае 2018 г. А. Меркель заявила на церемонии вручения премии Карла Великого президенту Франции, что ожидать от Соединённых Штатов безусловной военной защиты больше не приходится, и что Европа должна взять решение судьбоносных вопросов в собственные руки. В следующем году там же, в Ахене, Париж и Берлин учредили двусторонний совет по обороне и безопасности в рамках нового договора. В то же время канцлер Германии не раз перемежала свои высказывания в пользу оборонного союза ЕС тезисами о необходимости в обозримом будущем полагаться в области безопасности на трансатлантические механизмы, о снижении роли ЕС в мире, как она это сделала в интервью газете «Файненшл Таймс» в январе 2020 г. [Merkel,

¹ О прогнозах внешней политики Германии в зависимости от состава следующей правящей коалиции см.: [Белов, 2021].

9 January 2020; Данилов, 2020: 17–23] Политическим тяжеловесом, последовательно выступающим за укрепление роли Германии в вопросах оборонной политики, является председатель бундестага В. Шойбле.

Постоянные импульсы в поддержку принципа стратегической автономии исходили из Франции, которая осталась единственной ядерной державой – членом ЕС после выхода из его состава Британии. Речь идёт об «инициативе по вмешательству» 2017 года, о жёсткой критике НАТО после обострения отношений Франции с Турцией в 2019 году. Особенно следует отметить ряд тезисов в речи Э. Макрона в феврале 2020 г. в Военной школе Парижа, в состав которой входят Военная академия и Высшая школа офицеров Генерального штаба¹. Это выступление представляет наиболее полное изложение взглядов президента Франции по вопросам стратегической стабильности, включая аспект военно-политической субъектности ЕС.

В мировой политике, по мнению Макрона, складывается новая иерархия сил, что влечёт за собой развёртывание неограниченного стратегического противоборства. Главным структурным элементом международных отношений становится соперничество США и Китая. В этих условиях ЕС должен выйти из привычной комфортной зоны (опоры исключительно на оборонные гарантии США) и развивать собственные возможности по противодействию угрозам с юга и востока. Президент Франции говорит об оборонном потенциале ЕС как о европейской опоре НАТО, но одновременно называет Североатлантический альянс и ОПБО двумя опорами европейской коллективной обороны. Трудно сказать, руководствовался ли сам Макрон, комбинируя эти переплетающиеся, но не совпадающие концепции, историей, но в евроатлантическом дискурсе одним из первых проблематику симметричности в отношениях США и ЕС затронул Дж. Кеннеди в 1962 г.² Выступая 4 июля в Филадельфии по случаю Дня независимости, американский президент заявил, что США воспринимают «объединённую Европу» как равного партнёра, а не соперника, и что она может сыграть значительную роль в «совместной обороне». Более того, Кеннеди предложил задуматься о заключении сторонами своей собственной Декларации независимости как основы формирования атлантического партнёрства.

Тезис в речи Макрона в Военной школе, который привлек наибольшее внимание специалистов, касался ядерного оружия. Изложение его логики состояло в следующем. Жизненно важные интересы Франции в области безопасности имеют прежде всего европейское измерение. Париж заинтересован в стратегическом диалоге с теми партнёрами в ЕС, которые желают в нём участвовать. Сутью диалога является роль французского ядерного потенциала сдерживания в укреплении коллективной обороны. Заинтересованным странам ЕС предлагается рассмотреть вопрос о формах участия в военных учениях стратегических сил Пятой Республики. Такое взаимодействие будет вносить свою лепту в развитие общей стратегической культуры Евросоюза. Добавим к этому, что как во Франции, так и в Германии,

¹ E. Macron. Speech of the President of the Republic on the Defence and Deterrence Strategy. 7 February 2020. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2020/02/07/speech-of-the-president-of-the-republic-on-the-defense-and-deterrence-strategy> (дата обращения: 20.06.2021)

² Address at Independence Hall, Philadelphia, Pennsylvania, July 4, 1962. JFK Library. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/philadelphia-pa-19620704> (дата обращения: 20.06.2021)

формирование общей стратегической культуры считается среди сторонников создания оборонного союза ЕС одной из ключевых предпосылок.

И вновь, сказанное Макроном в феврале 2020 г. было «хорошо забытым старым». Ещё в 1994 г. в Белой книге по вопросам обороны и национальной безопасности Франции – документ, в котором, как и в ряде других стран, формулируются доктринальные установки в военной сфере, – говорилось, что отсутствие европейского ядерного потенциала сделало бы невозможным европейскую оборонную автономию¹. Суть этой мысли состояла в том, что военная автономия, тем более суверенитет, не достижимы без наличия собственного военного потенциала, как обычного, так и ядерного. Тогда, в 1994 г., под стратегическим потенциалом понимались возможности Франции и Британии. Теперь же, после брежневита, Франция продолжила продвигать те же идеи, но имея в виду только свои ядерные средства. Кроме того, Париж ясно давал понять, что категория «европейская оборонная автономия» применима к рассуждениям о Евросоюзе, но не о европейском измерении НАТО. Напомним, что при Н. Саркози страна возобновила своё членство в военных структурах Альянса, из которых её вывел в 1966 г. генерал де Голль, но Франция не вернулась в Группу ядерного планирования блока.

В ЕС выступление Макрона, особенно возвращение к теме использования ядерного потенциала Франции для формирования общей стратегической культуры, получило сильный резонанс. И понятно почему – ведь при всех подвижках в вопросах стратегической автономии крайне медленное вызревание военно-политической субъектности ЕС остаётся его ахиллесовой пятой. Но и для апологетов оборонного союза очевидно, что необходимо найти формулу, которая позволила бы примирить традиционные представления европейских союзников США о натоцентричности безопасности с необходимостью создания своего собственного потенциала «жесткой силы», другими словами – как обрести стратегическую автономию, не разрушая НАТО и не антагонизируя Вашингтон.

Для решения этой задачи в кругах европочвенников выдвигается формула, которую можно рассматривать как частный случай концепции «двухъядерного Запада», – равенство суверенитетов в рамках НАТО, то есть симметричная взаимозависимость ЕС и США в военно-политической сфере. Задачей минимум для достижения такой симметричности является интеграция военно-промышленных комплексов стран-членов ЕС с параллельным выходом на общую «стратегическую культуру» и создание наднациональных оперативных военных структур и единое военное планирование [Громько, 2019: 6–28]; задачей максимум – европеизация ядерных сил Франции при сохранении ядерной кнопки в руках её президента² (концепция «интегрированного сдерживания»)³. Фактически, в случае достижения этой цели

¹ Livre blanc sur la defense et la securite nationale 1994. P. 56. URL: <https://drive.google.com/file/d/1NFkeJomQTQw-YSHiVjusc0kITTCLdXNW/view> (дата обращения: 20.06.2021)

² В противном случае Франция нарушила бы Договор о нераспространении ядерного оружия. По этой же причине США сохраняют полный суверенитет над своим ядерным арсеналом, несмотря на деятельность Группы ядерного планирования НАТО.

³ Одно из наиболее полных изложений взглядов на концепцию «интегрированного сдерживания» см. [Lübke-meier].

Париж занял бы место Вашингтона в качестве ядерного гаранта безопасности ЕС, но с одной существенной разницей.

Доктринально США осуществляют в отношении европейских союзников функцию «расширенного сдерживания» (extended deterrence), которую никогда не брали на себя Франция или Британия. Речь идёт о ядерном сдерживании, вынесенном за территорию самой ядерной державы. Но «расширенное сдерживание» для защиты союзников не является гарантированным в отличие от «первостепенного сдерживания» (primary/homeland deterrence), применяемого для защиты своей собственной территории. Поэтому всегда в военном планировании США только межконтинентальные ядерные баллистические ракеты считались стратегическими, в отличие, например, от собственных «Першинг II» или от советских ядерных ракет средней и меньшей дальности, которые угрожали европейским союзникам Вашингтона в 1980-е гг. Теоретически, в случае замены американского ядерного зонтика на французский, ЕС получил бы впервые в истории потенциал гарантированного (первостепенного) сдерживания.

Торговые и цифровые аспекты европоцентризма

Интересы ЕС, его стран-членов расходятся с США по широкому кругу вопросов далеко за рамками военно-политической сферы. Одна из дилемм, с которой новый американский президент и его команда оказались у власти, заключалась в том, как совместить предвыборные заявления Дж. Байдена о стремлении восстановить отношения с европейскими союзниками и продолжение жёсткой линии в отношении России. Вновь, как при Д. Трампе, в центре этой коллизии оказалась Германия и подводный газопровод «Северный поток 2» (СП2).

Начало президентства Дж. Байдена не предвещало Берлину существенных подвижек в этом вопросе. В конце января 2021 г., через несколько дней после инаугурации Байдена, министерство экономики Германии получило уведомление от американской стороны о новом раунде санкций против «Северного потока 2». В ответ Берлин в очередной раз заявил о коммерческом характере проекта как о своей неизменной позиции. И в очередной раз ряд европейских компаний, участвовавших в проекте, были выдвинуты из него под угрозой экстерриториальных (вторичных) санкций, в том числе Цюрихская страховая группа (Zurich Insurance Group). Незадолго перед саммитом В.В. Путина и Дж. Байдена в Женеве США пошли на некоторое ослабление санкционного давления на СП2. Однако вскоре на встрече в Вашингтоне между У. Шерман, заместителем госсекретаря США, и М. Бергером, статс-секретарём МИД Германии, политическая позиция американцев, направленная против СП2, была подтверждена.

В целом политика экстерриториальных санкций США, длительное и агрессивное давление Вашингтона на европейский бизнес в последние годы привели к тому, что Еврокомиссия приняла решение о подготовке специального доклада, посвящённого защите финансовых и экономических структур ЕС от внешних угроз, в первую очередь с помощью укрепления роли евро и дедолларизации. Выход доклада ожидается к концу 2021 г. Изначальной мотивацией для реальных действий Брюсселя по защите интересов европейского бизнеса перед лицом американских санкций стало поведение США после их выхода в 2018 г. из Совместного всеобъемлющего плана действий – международного соглашения, заключённого постоян-

ными членами Совета Безопасности ООН и Германией с Ираном тремя годами ранее и ограничивающего ядерную программу Тегерана. Однако с большим трудом созданный в 2019 г. на базе «блокирующего регламента» ЕС механизм поддержки торговых обменов (Instrument for Supporting Trade Exchanges, INSTEX) для защиты интересов европейских компаний, торгующих с Ираном, имел в основном символическое значение и способствовал совершению лишь одной сделки (в марте 2020 г. для доставки в Иран медицинского оборудования по лечению больных COVID-19).

Обращало на себя внимание и то, что запустили работу INSTEX Франция, Германия и Британия, а не ЕС в целом. В то же время перспективность такого рода защитных мер продемонстрировало последовавшее подключение к механизму поддержки торговых обменов ещё шести стран (Бельгия, Дания, Финляндия, Нидерланды, Швеция, а также Норвегия). Признание неспособности европейцев на нынешнем этапе противостоять санкционному давлению США и низкой эффективности INSTEX содержалось в докладе главного мозгового центра законодательного органа ЕС – Исследовательской службы Европарламента (European Parliamentary Research Service). Среди рекомендаций авторов документа значится дальнейшее укрепление инструментов защиты европейских торговых операций [Suzana Anghel, 2020: 3, 11].

Из экспертных докладов и аналитических выкладок [Tooze, A., Odendahl, 2018] намерения защищать евро и финансовую систему ЕС от геополитического давления и недобросовестной конкуренции, в том числе со стороны США, стали перемещаться в официальные документы. Этому активно способствовали три фактора. Во-первых, со временем обозначились плюсы и слабые места в деятельности INSTEX. Во-вторых, в последние годы систематический характер приняло противодействие США проекту «Северный поток 2», что вызывало в ряде стран ЕС, особенно в Германии, всё более сильное неприятие и накладывалось на раздражение из-за выхода США из «ядерной сделки» с Ираном. В-третьих, несмотря на смену Администрации в Вашингтоне, Евросоюз продолжал по нескольким направлениям работу, направленную на продвижение принципа «стратегической автономии» – центрального в Глобальной стратегии ЕС 2016 года.

Призывы к укреплению роли евро как составляющей сильного и самостоятельного Евросоюза стали постоянно звучать в годы пребывания на посту председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера [Juncker, 2018; Towards a stronger international... 5 December 2018; European Council, Statement of the Euro Summit, 14 December 2018]. Об использовании финансовых рычагов во внешней политике США высказались и представители руководства Европейского центрального банка. Например, Бенуа Кёре, член правления ЕЦБ, заявил в феврале 2019 г.: ««В сложившейся ситуации быть эмитентом мировой резервной валюты означает обладать международными прерогативами, в частности превращать в инструмент принуждения доступ к финансовым и платёжным системам. ... Сдвиги в системе глобального управления укрепили точку зрения, что ЕС становится более уязвимым к внешним монетарным воздействиям, которые используются не в его интересах, а порой и против них»¹.

¹ Cœuré Benoît. The euro's global role in a changing world: a monetary policy perspective. Speech at the Council on Foreign Relations, New York City, 15 February 2019. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2019/html/ecb.sp190215~15c89d887b.en.htm> (дата обращения: 21.06.2021)

Также выявлена сильная корреляция международных позиций определённой валюты и военной мощи её эмитента. Так, в валютных резервах государств, которые полагаются на гарантии безопасности США, доллар занимает непропорционально высокую долю. С учётом этого идею оборонного союза ЕС также можно охарактеризовать как одну из предпосылок превращения евро в мировую резервную валюту, равную доллару.

На официальном уровне в Евросоюзе дискуссий о распространении практики защиты торговых отношений с Ираном на торговые отношения с Россией не было, хотя в экспертной среде такие идеи высказывались. В январе 2021 г. Еврокомиссия выступила с коммюнике, посвящённом экономической и финансовой системе Евросоюза. В нём США напрямую не называются, однако по сути именно борьбе с экстерриториальным характером американских санкций посвящена часть документа. Например, сказано, что ЕС должен разработать меры по защите европейских операторов в случае, если «третья страна принуждает базирующуюся в ЕС инфраструктуру финансовых рынков ЕС подчиняться её односторонним санкциям». Также в коммюнике содержится намёк на INSTEX и его возможные вариации в контексте пассажа о необходимости рассмотреть различные модели защиты европейского бизнеса [Communication from the Commission... 19.1.21. P. 13].

Таким образом, возникает ситуация, когда разногласия между европейцами и США по отличным на первый взгляд сюжетам, как иранская ядерная сделка и строительство СП2, предстают взаимосвязанными сторонами одного процесса – стратегической расстыковки, имеющей свою политическую и экономическую подоплёку. Причём объективные интересы торговой, валютной, энергетической безопасности Евросоюза говорят об искусственности попыток Вашингтона предложить европейцам новую, а фактически перелицованную картину мира, разделённого на «демократии» и «авторитарные режимы». Более того, заручиться солидарностью европейцев с таким ценностным упрощенчеством предлагается за их же счёт, будь то торговые отношения с Тегераном или Россией.

На деле речь идёт о много большем, нежели чем о сугубо коммерческих соображениях. В случае с защитой интересов европейцев в отношении Ирана Евросоюз одновременно отстаивает СВПД, смысл которого – в предотвращении дальнейшего расползания ядерного оружия по планете. В случае с защитой интересов ряда стран-членов ЕС в отношении СП2 – на кону во многом перспективы «озеленения» экономики ЕС, как и предотвращение нарастания геополитической конфронтации с Россией. А это вопрос большой политики и безопасности, выходящий далеко за рамки торгового меркантилизма.

Другим примером структурного дрейфа США и ЕС в разные стороны служит сфера цифровой экономики. Обстоятельства, связанные с избранием Дж. Байдена, не только не изменили отношение европейцев к американским цифровым гигантам, но, напротив, привели к росту обеспокоенности их деятельностью из-за сопутствующих проблем монополизма и нечистоплотного использования персональных данных. Особенную настороженность в ЕС вызвало то, как крупнейшие американские интернет-компании и технологические платформы проявили себя на пике политического кризиса в США в январе 2021 г. Решение руководства «Фейсбук» и «Твиттер» заблокировать аккаунты Д. Трампа без каких-либо судебных постановлений

произвело в ЕС сильное отрицательное впечатление, несмотря на всё неприятие бывшего американского президента.

В развернувшейся на эту тему широкой полемике большое внимание привлекло открытое письмо Матиаса Дёпфнера на имя У. фон дер Ляйен и её встречный ответ. Генеральный директор «Axel Springer SE» – одного из крупнейших европейских медиаконцернов – заявил, что от американских цифровых гигантов (и вскользь – их китайских аналогов) исходит большая опасность, чем от COVID-19, и обвинил их в «поведенческом таргетировании» и «надзирательском капитализме». По его мнению, блокируя аккаунты Трампа, соответствующие компании поставили себя выше закона и демократических институтов¹. В своём ответе председатель Еврокомиссии согласилась с необходимостью сдерживать власть интернет-компаний и противодействовать тёмной стороне социальных сетей, приведя, правда, в пример «штурм Капитолия» в Вашингтоне 6 января 2021 г. Но даже она, будучи последовательной сторонницей евроатлантизма, посчитала блокировку аккаунтов Трампа нарушением права на свободу мнения².

В январе 2021 г. действия интернет-компаний, направленные против Трампа, как и закрытие тысяч аккаунтов и сайтов его единомышленников, были на руку Демократической партии. Поэтому заметной реакции демократов на обеспокоенность европейцев по поводу «цифрового самосуда» в США не последовало. По иронии судьбы именно Трамп ранее отстаивал интересы американских IT-гигантов, угрожая Евросоюзу новой торговой войной в случае обложения их новыми налогами. Но теперь, в отличие от времён бывшего президента-республиканца, по обе стороны Атлантики тема цифрового налога [Билотта, 2020: 30–47] получила развитие, тем более что она укладывается в более широкую повестку Белого дома по лоббированию глобального корпоративного налога.

В июне 2021 г. в палате представителей конгресса США была обнародована серия законопроектов, направленных на изменение бизнес-модели технологических компаний³. Работа по их подготовке основывалась на результатах длительного исследования, проведённого группой по антимонопольному регулированию Юридического комитета палаты представителей. В итоговом докладе содержался вывод, что компании «Гугл», «Амазон», «Фейсбук» и «Эппл» (GAFA) занимают монопольное положение на рынке и злоупотребляют им, нанося ущерб принципу свободной конкуренции⁴. Параллельно с этим ЕС наращивал усилия по борьбе со зло-

¹ Totale Transparenz endet immer totalitär. URL: www.welt.de/wirtschaft/article225103061/Mathias-Doepfner-Totale-Transparenz-endet-immer-totalitaer.html (дата обращения: 17.06.2021)

² Wir müssen die Macht der Internetkonzerne demokratisch einhegen. URL: www.welt.de/kommentare/article225210905/Von-der-Leyen-Wir-muessen-die-Macht-der-Internetkonzerne-einhegen.html (дата обращения: 17.06.2021)

³ House lawmakers introduce Big Tech bills that could break up Amazon, Google and others. URL: <https://www.cnn.com/2021/06/11/tech/house-tech-antitrust-bills/index.html> (дата обращения: 17.06.2021)

⁴ Investigation of competition in digital markets. URL: https://judiciary.house.gov/uploadedfiles/competition_in_digital_markets.pdf (дата обращения: 17.06.2021)

употреблениями IT-компаний в русле Общего регламента по защите данных, вступившего в силу в 2018 г. (General Data Protection Regulation). В том же июне 2021 г. Европейский суд постановил, что технологические компании, базирующиеся в одной стране Евросоюза, могут привлекаться к ответственности национальным ведомством по защите персональных данных другой страны-члена ЕС¹. Это решение закрывало одну из лазеек в законодательстве ЕС, которой пользовались «титаны Кремниевой долины».

Как и в приведённом выше примере, связанном с «иранской ядерной сделкой» и СП2, в сфере цифровой экономики количество противоречий между политическими и экономическими агентами по обе стороны Атлантики не уменьшается. Определённое движение в США к урезанию прав и доходов цифровых гигантов также прослеживается, но вряд ли выйдет за рамки соображений налогообложения. Для ЕС же это вопрос иного порядка, связанный с правами и свободами человека, а также с защитой конкурентоспособности единого рынка.

* * *

Развитие субъектности Евросоюза всегда в его истории происходило в многоскопном режиме, среди вариаций которого присутствует и «задняя передача». Успехи, перемежающиеся с регрессом, приходили в сферах торговли, экономики, свободы передвижения, валюты, постепенной интеграции кредитно-денежной и фискальной политики. Президентство Д. Трампа, брекзит, пандемия COVID-19 обнажили дефекты в конструкции ЕС, но одновременно подтолкнули его дальнейшую интеграцию по вопросам промышленной политики, цифровой экономики, торгового и валютного суверенитета, перераспределения внутренних ресурсов («трансфертный союз»).

Общая внешняя и оборонная политика, до сих пор являясь наименьшим общим знаменателем, остаётся уязвимым местом в функционировании ЕС. Здесь в наибольшей мере проявляются противоречия между евроатлантистами и европочвенниками, стагнирует становление внешнеполитической и оборонной субъектности. В то же время принцип стратегической автономии, при всех трудностях его воплощения в жизнь, придал качественно новую динамику этому процессу, обеспечив его неким целеполаганием и стимулировав формирование общей стратегической культуры. Как никогда высока роль Франции и Германии в том, будут ли преодолены названные проблемы.

Пестрота национальных идентичностей, разнообразие исторического опыта и географического расположения стран-членов, соседство стратегических навыков одних с провинциализмом других мешают Евросоюзу проводить сбалансированную, последовательную и предсказуемую внешнюю политику, в том числе в отношении России и Китая. Действия Брюсселя, как и ряда стран-членов ЕС, порой импульсивны, иррациональны и агрессивны, что лишь приводит к усугублению проблем на мировой арене.

¹ Court of Justice of the European Union. PRESS RELEASE No 103/21. Luxembourg, 15 June 2021. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2021-06/cp210103en.pdf> (дата обращения: 17.06.2021)

Манера и обстоятельства вывода американских войск из Афганистана стали очередным болезненным напоминанием, что чрезмерная зависимость от США в вопросах международной безопасности чревата ущемлением интересов европейцев и всё чаще – их унижением. События в Кабуле продемонстрировали, что отличий между внешней политикой Трампа и Байдена не так много, как казалось в первые месяцы 2021 г., и что Вашингтон всё меньше интересуется мнение его союзников. Встаёт вопрос о том, что выберут европейцы после очередного горького афганского урока – продолжить курс на стратегическую автономию или, проглотив обиду, в связке с США и дальше нагнетать напряжённость в отношениях с Россией и Китаем.

Будущее структуры международных отношений сильно зависит от того, самостоятельное или соподчинённое место в ней займёт ЕС, внесёт ли он вклад в становление устойчивой многосторонности и согласованного полицентризма или будет плыть по течению набирающего обороты жёсткого и во многом спровоцированного «двухъядерным Западом» соперничества ведущих центров силы.

Список литературы

Актуальные проблемы Европы (2020), № 4.

Белов В.Б. (2021) Основные кандидаты на пост канцлера Германии определены: неопределённость остаётся. *Журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»*, № 11. <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2021/an241.pdf> (дата обращения: 19.06.2021)

Билотта Н. (2020) Что стоит за цифровым налогом: вызовы борьбы Европейского союза за технологический суверенитет. *Вестник международных организаций*, Том 15, № 4. Высшая школа экономики. Москва, Россия. С. 30–47.

Большая Европа: идеи, реальность, перспективы (2014) Под ред. Громько Ал.А., Фёдоров В.П. Институт Европы РАН, Изд. «Весь мир», Москва, Россия. 704 с.

Будущее Большой Европы. Перспективы развития макрорегиона (2020). Под ред. Ведерникова М.В., Ивановой А.К. ИЕ РАН, Изд. «Нестор-История», Москва, Россия. 316 с.

Государство в политической науке и социальной реальности XXI века (2020) Отв. ред. Семененко И.С. Изд. «Весь мир», Москва, Россия. 384 с.

Громько Ал.А. (2019) Дилеммы Европейского оборонного союза. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12, № 2. С. 6–28.

Громько Ал.А. (2018) Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики. *Современная Европа*, № 4. С. 5–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420180516>

Данилов Д.А. (2020) «Европейская ответственность» в геополитической картине А. Меркель. *Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН*, № 1. С. 17–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120201723>

Европа между трёх океанов. (2019) Под ред. Громько Ал.А., Фёдоров В.П. Институт Европы РАН, Изд. «Весь мир», Москва, Россия. 608 с.

«Европейская оборона» в контексте евро-атлантической безопасности. (2020) ИНИОН РАН, Москва, Россия.

Истомин И.А. (2020) Вызовы регулированию военно-политического соперничества в Европе. Глава 9. В: Будущее мировой политики: технологии, конфликты, институты. Под ред. Сушенцова А.А. и др. Изд. «Весь мир», Москва, Россия. С. 207–219.

Россия в многообразии цивилизаций. (2011) Под ред. Шмелёва В.П. Институт Европы РАН, Изд. «Весь мир», Москва, Россия. 896 с.

Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией. (2020) Под ред. Арбатовой Н.К., Кокеева А.М. Изд. «Весь мир», Москва, Россия. 368 с.

Трансформация политики США при Д. Трампе на европейском направлении. (2020) Часть 6. В: Феномен Трампа. Под ред. Кузнецова А.В. ИНИОН, Москва, Россия. С. 466–534.

Шумилин А.И. (2020) Евроатлантическая солидарность после Трампа. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 6. С. 14–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620201421>

Щербак И.Н. (2021) Стратегическая автономия Евросоюза на перепутье. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 2. С. 34–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran20213440>

References

- Aktual'nye problemy Evropy (2020) [Topical Problems of Europe], No 4. (in Russ.).
- Balfour R., Against a European Civilization: Narratives About the European Union. Carnegie Europe, 6 April 2021. URL: <https://carnegieeurope.eu/2021/04/06/against-european-civilization-narratives-about-european-union-pub-84229> (accessed: 21.06.2021).
- Berlin Pulse 2020/2021. German Foreign Policy in Perspective. Körber-Stiftung, November 2020. URL: https://www.koerber-stiftung.de/fileadmin/user_upload/koerber-stiftung/redaktion/the-berlin-pulse/pdf/2020/The-Berlin-Pulse_2020-21.pdf (accessed: 21.06.2021).
- Belov V.B. (2021) Osnovnye kandidaty na post kanclera Germanii opredeleny: neopredelyonnost' ostayotsya [The main candidates for the post of German Chancellor have been identified: uncertainty remains]. *Zhurnal «Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN»*, No 11. <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2021/an241.pdf> (accessed: 19.06.2021) (in Russ.).
- Bilotta N. (2020) Chto stoit za cifrovym nalogom: vyzovy bor'by Evropejskogo soyuza za tekhnologicheskij suverenitet [What's Behind the Digital Tax: Challenges in the European Union's Struggle for Technological Sovereignty]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, Vol. 15, No 4. Vysshaya shkola ekonomiki. Moscow, Russia, pp. 30–47. (in Russ.).
- Biscop S., Gromyko A.I., ed. Biden's World? Views from the United States, China, Russia, and the European Union. Egmont, Security Policy Brief, No 132, December 2020. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/stories/structura/gromyko/2020/spb1.pdf> (accessed: 21.06.2021).
- Bol'shaya Evropa: idei, real'nost', perspektivy (2014) [Greater Europe: Ideas, Reality, Prospects]. Pod red. Gromyko A.I.A., Fyodorov V.P. Institut Evropy RAN, Izd. «Ves' mir», Moscow, Russia. 704 p. (in Russ.).
- Boniface P. (2020) Géopolitique du Covid-19. Ce que nous révèle la crise du coronavirus. Préface de Reselyne Bachelot. Éditions Eurolles, Paris, 2020.
- Budushchee Bol'shoj Evropy. Perspektivy razvitiya makroregiona (2020) [The future of Greater Europe. Prospects for the development of the macroregion]. Pod red. Vedernikova M.V., Ivanovoj A.K. IE RAN, Izd. «Nestor-Istoriya», Moscow, Russia. 316 p. (in Russ.).
- Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Central Bank, the European Economic and Social Committee of the Regions. (2021) The European economic and financial system: fostering openness, strength and resilience. European Commission, Com(2021) 32 final, 19.1.21. P. 13.
- Danilov D.A. (2020) “Evropejskaya otvetstvennost'” v geopoliticheskoy kartine A. Merkel' [“European responsibility” in the geopolitical picture A. Merkel']. *Nauchno-analiticheskij Vestnik IE RAN*, No 1, pp. 17–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120201723> (in Russ.).
- European Council, Statement of the Euro Summit, 14 December 2018.
- Evropa mezhdru tryoh okeanov. (2019) [Europe between three oceans]. Pod red. Gromyko A.I.A., Fyodorov V.P. Institut Evropy RAN, Izd. «Ves' mir», Moscow, Russia. 608 p. (in Russ.).
- «Evropejskaya oborona» v kontekste evro-atlanticheskoy bezopasnosti. (2020) [“European defense” in the context of Euro-Atlantic security]. INION RAN, Moscow, Russia. (in Russ.).
- Fix L., Keil S. (2021) Germany's Last Chance to Partner with the United States in Leadership? The German Marshall Fund. Policy Brief, March 2021. P. 2.
- Gosudarstvo v politicheskoy nauke i social'noj real'nosti XXI veka (2020) [State in political science and social reality of the XXI century]. Otv. red. Semenenko I.S. Izd. «Ves' mir», Moscow, Russia. 384 p. (in Russ.).
- Gromyko A.I.A. (2019) Dilemmy Evropejskogo oboronogo soyuza [Dilemmas of the European Defense Union]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 12, No 2, pp. 6–28. (in Russ.).
- Gromyko A.I.A. (2018) Raskolotyj Zapad: posledstviya dlya Evroatlantiki [The Broken West: Implications for the Euro-Atlantic]. *Sovremennaya Evropa*, No 4, pp. 5–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420180516> (in Russ.).
- Istomin I.A. (2020) Vyzovy regulirovaniyu voenno-politicheskogo sopernichestva v Evrope [Challenges to the regulation of military-political rivalry in Europe]. Glava 9. V: Budushchee mirovoj politiki: tekhnologii, konflikty, instituty. Pod red. Sushencova A.A. i dr. Izd. «Ves' mir», Moscow, Russia, pp. 207–219. (in Russ.).
- Juncker, The Hour of European Sovereignty, State of the Union Address 2018.

Lübckemeier E. Standing on Our Own Feet? Opportunities and Risks of European Self-Defence. SWP Research Paper 1. February 2021. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2021RP01_EuropeanSelfDefence.pdf (accessed: 21.06.2021).

Merkel A. (2020) Europe is no longer at the centre of world events. Financial Times, 9 January 2020.

Rifkin J. (2004) The European Dream. Tarcher/Penguin, 2004. 448 p.

Rossiya v mnogoobrazii civilizacij. (2011) [Russia in a variety of civilizations]. Pod red. Shmelyova V.P. Institut Evropy RAN, Izd. «Ves' mir», Moscow, Russia. 896 p. (in Russ.).

Shcherbak I.N. (2021) Strategicheskaya avtonomiya Evrosoyuza na pereput'e [Strategic autonomy of the European Union at a crossroads]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, No 2, pp. 34–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220213440> (in Russ.).

Shumilin A.I. (2020) Evroatlanticheskaya solidarnost' posle Trampa [Post-Trump Euro-Atlantic Solidarity]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, No 6, pp. 14–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620201421> (in Russ.).

Strategicheskaya avtonomiya ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiej. (2020) [Strategic autonomy of the EU and prospects for cooperation with Russia]. Pod red. Arbatovoj N.K., Kokeeva A.M. Izd. «Vest mir», Moscow, Russia. 368 p. (in Russ.).

Suzana Anghel. (2020) Strategic Sovereignty for Europe // EPRS Ideas Paper “Towards a More Resilient EU”. European Parliament, September 2020. P. 3, 11.

The Common Security and Defence Policy of the European Union. Handbook on CSDP. 4th edition. The Federal Ministry of Defence of the Republic of Austria. 2021. URL: <https://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2021/06/CSDP-HANDBOO-4th-edition.pdf> (accessed: 21.06.2021).

Tooze, A., Odendahl. (2018) Can the euro rival the dollar? CER Insight, Centre for European Reform, 4 December 2018. <https://www.cer.eu/insights/can-euro-rival-dollar> (accessed: 21.06.2021).

Towards a stronger international role of the euro, European Commission Contribution to the European Council and the Euro Summit, 5 December 2018.

Transformaciya politiki SSHA pri D. Trampe na evropejskom napravlenii. (2020) [Transformation of US policy under D. Trump in the European direction]. Chast' 6. V: Fenomen Trampa. Pod red. Kuznecova A.V. INION, Moscow, Russia, pp. 466–534. (in Russ.).

Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism

Received 02.06.2021

Author: Gromyko A., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. In the centre of the study – the contemporary discourse on the subjectivity of the European Union, conducted by euro-atlantists and euro-autonomists in the field of both conceptual and applied issues. We witness a collision of two views about a desirable type of the EU's identity as a part of the revived Western-centric world or as a moderate Eurocentrism. A significant attention is paid to the principle of strategic autonomy and the role of Germany and France in its implementation. The subjectivity of the EU is treated as a multi-speed process, intrinsic to the history of the European integration. The author explores the Eurocentric tendencies in the military-political sphere including deliberations on the primary deterrence. The EU's aspirations towards digital and trade sovereignty are highlighted drawing examples of the JCAP and Nord Stream 2. The article demonstrates that J. Biden's victory in the presidential election in November 2020 has not reduced the EU – US contradictions on a range of important issues. The recent events in Afghanistan and the signing of AUKUS have become a stark reminder that the principle of strategic autonomy of the EU should be treated by Brussels as the basis for the common security and defense policy.

Key words: EU subjectivity, euro-atlantists, euro-autonomists, Eurocentrism, strategic autonomy, Germany, France, digital platforms, exterritorial sanctions.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025>

УДК 327

Любовь ШИШЕЛИНА

К 30-ЛЕТИЮ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья поступила в редакцию 03.05.2021

Аннотация. В статье проанализированы основы политического фундамента Вишеградской группы, на котором она, преодолевая сложные времена, неуклонно шла к успеху, во многом достигнув его во втором десятилетии XXI века. Среди наиболее существенных факторов выделены критическое отношение к реальности, способность к поиску внутрирегиональных/международных компромиссов, умеренная роль бюрократии. В целом можно говорить о четком понимании своего положения и задач в Европе. Цели группы видоизменялись на протяжении трех десятилетий и эволюционировали от «возвращения в Европу», слияния с «евроатлантической цивилизацией» до возможности передачи своего опыта и оказания помощи соседним государствам Восточной Европы и Западных Балкан. В группе существуют противоречия, но тем не менее критических предпосылок для реализации давних пророчеств о неминуемом и скором ее распаде до сих пор не появилось. Противоречия и критический подход, а также преодоление этих обстоятельств зачастую являются движущим мотором объединения. Несмотря на критику некоторых отставных политиков, группа является сплоченной и заинтересованной в своем дальнейшем развитии.

Ключевые слова. Центральная Европа, Вишеградская группа, Вишеградская Европа, Венгрия, Словакия, Польша, Чехия.

После распада двухполярного мира, исчезновения СССР и опиравшейся на него социалистической системы на европейском пространстве возникли две структуры, сохранившиеся до сих пор. Это Вишеградская группа как наследница предыдущей восточно/центральноевропейской интеграции и Европейский союз как наследник Европейского экономического сообщества и идей объединения Европы. Вишеградская группа в феврале 2021 г. отметила 30-летие. ЕС отметит аналогичную дату в ноябре 2023 г., т.е. на два с лишним года позже. Таким образом, Вишеградскую четверку (В4) с полным основанием можно считать старейшей структурой постби-

полярной Европы. В чем причина или, вернее сказать, секрет ее успеха? Что сближает входящие в нее страны и что представляется критическим моментом в их отношениях? В этой статье мы остановимся на политических моментах, поскольку об успехах экономики В4 писалось уже достаточно много.

Критический настрой как повод к сплочению

Некоторые политики и эксперты придерживаются мнения, что наиболее убедительным поводом к сближению для группы государств можно считать определение общей внешней угрозы и сплочение во имя противостояния ей. История Европы действительно знает немало таких поводов к объединению, которые тем не менее не стали ни условием прочности отношений, ни их длительности. Другой побудительный мотив – стремление не допустить возникновения конфликтов и перерастания их в войны [Nemeth, 2001]. В истории Вишеградской группы можно проследить и то и другое, поскольку причиной для первой встречи королей Венгрии, Богемии и Польши в Вишеграде в 1335 г. были обозначившиеся в регионе и вокруг него угрозы. «Центральная Европа в первой половине XIV в. была действительно очень турбулентным местом... Текущие процессы сопровождались постоянными военными действиями, перегруппировками альянсов для достижения различных целей. В этом контексте встречу в верхах в 1335 г. следует понимать как попытку найти взаимоприемлемый *modus vivendi*» [Вагнер, 2014].

Во времена Австро-Венгерской империи в центре Европы чаще спланивались против гегемонов: одни народы против австрийцев и немцев, другие – против венгров. Так, после Первой мировой войны сложилась Малая Антанта, но, не имея продолжительной поддержки Запада, ее члены вскоре стали искать пути к региональному примирению, просуществовав едва пару десятилетий. После Второй мировой войны СССР объединил народы коммунистическими идеалами, политической и экономической интеграцией, заглушив на время противоречия, возникшие после раздела единого пространства бывшей империи на несколько государств. Народам Центральной Европы в этот период приходилось мириться с двумя последствиями внешнего вмешательства в регион – новыми границами (а де-факто теми же посттрианонскими), не соответствовавшими этнокультурному принципу, и распространенной на регион социалистической/коммунистической общественно-экономической системой. Большую угрозу они – как можно судить сегодня – все же видели в коммунистической системе, весьма неорганично [Niederhauser, 2001] внедренной в регион, изменившей его традиции и быт и посягнувшей на изменение сознания. Другие проблемы на какое-то время отступили. Потому на этапе до бархатных революций регион спланивался общей диссидентской тенденцией, какой и считается, собственно, вишеградская идея, «вишеградское родство» [Kiss, 2016], сближавшее оппозиционеров Венгрии, Чехословакии и Польши. И хотя сами создавшие структуру бывшие диссиденты относятся к ней порой критически, никто не посягает на ее былую оппозиционную роль [Трансформационные, 2021].

Таким образом, критический настрой стал важным элементом фундамента «четверки», сохраняется он и сегодня, о чем свидетельствуют демарши то в полном составе «четверки», то в различных комбинациях против установок Брюсселя. Один из последних состоялся в конце 2020 г. во время обсуждения бюджета Евро-

пейского союза, когда Польша и Венгрия наложили вето на начало процесса распределения средств, не согласившись – как они это трактуют – с вмешательством ЕС во внутренние дела их государств [Шишелина, 2020]. Чехия и Словакия не поддержали своих коллег по «четверке», но и не осудили. Тот же настрой, но в отношении Москвы, объединил политиков в дни «апрельского» российско-чешского кризиса в 2021 г., когда все единогласно поддержали позицию Праги¹.

Специфика ситуации заключается в том, что в отличие от 1970–1980-х гг. в рамках ЕС у стран нет очевидного врага, кроме виртуального понятия о нормах Европейского союза, когда речь идет об отношениях с Брюсселем, и понимания современной демократии, когда речь идет об отношениях с Москвой. Выясняя отношения с Евросоюзом, они не помышляют ни о выходе из него, ни о каких-либо иных формах отдаления. И не из-за того, что это практически невыполнимо, поскольку вне ЕС не существует привлекательной альтернативы, но, прежде всего, потому что одинокое существование в сегодняшнем мире попросту невозможно.

Причиной нынешних разногласий с Брюсселем в большинстве случаев служит произошедший семнадцать лет назад ускоренный прием этих стран в ЕС, когда они не успели полностью перестроить свою общественно-политическую систему, а ныне вынуждены соблюдать общие принципы и нормы ЕС, которые все еще расходятся с национальными представлениями. Не секрет, что у региона есть своя специфика, традиции, и, будучи небольшими государствами, успевшими просуществовать в условиях полной независимости не так много времени, они особенно настороженно относятся к любым попыткам внешнего регулирования их законодательства, правил и норм [Йенсен, 2018].

Таким образом, возникнув как диссидентский проект внутри находившегося на последнем этапе своего существования советского блока, Вишеградская группа продолжает оставаться отчасти диссидентским проектом и внутри ЕС. Если идея диссидентства исчезнет, исчезнет и необходимость совместных действий, и вот тогда сбудутся циркулирующие уже не менее десятилетия предсказания о скором распаде этой новой для Центральной Европы формы взаимодействия государств.

Взаимоотношения в регионе на фоне становления новой государственности

Выйдя из прежней – коммунистической – системы и начав строительство новых обществ, в Центральной Европе очень быстро осознали, что теперь на поверхности оказался, среди прочих, и национальный вопрос. Ранее сдерживавшийся «скрепами братских уз» и довлеющим «авторитетом старшего брата», отныне он оказался в руках самих народов региона. Конкуренция на такой основе, как правило, дополняется глубокими историческими копаниями: кто раньше обосновался на данной территории, кто внес больший вклад в ее развитие, наконец, кто был на светлой стороне истории с точки зрения общечеловеческих, гуманитарных ценностей [Transregional, 2017]. Страшно представить, что могло бы случиться в регионе, не будь вишеградского взаимодействия, которое в формате «клуба сплоченных общей судьбой» удержало регион от межнациональных распрей, которые захлестнули Югославию, и что

¹ Orbán Viktor: Csehország mellett vagyunk / Magyar Hírlap, 26.04.2021. URL: Orbán Viktor: Csehország mellett vagyunk (magyarhirlap.hu) (дата обращения: 26.04.2021)

предсказывали ему в конце 1980-х многие политики и эксперты. В нивелирование разногласий на этой почве большую лепту внес основанный в 2000 г. Вишеградский фонд. В этом свете идея его создания – как площадки для сближения молодежи, деятелей искусств, ученых, то есть тех, кто создает национальное и региональное в категориях идеологии и мысли, – была действительно гениальной. Главной задачей было прервать вертикализацию внутренних экзальтаций и перевести дискуссию в горизонтальную трансрегиональную связь/сеть вместо работающих на созидание будущего исследовательских коллективов. Фонд финансируется правительствами четырех стран и получает дотации из разных – порой неожиданных – адресов. Так, одним из бенефициаров фонда числится... Южная Корея.

Пиковое для этой области взаимодействия событие произошло в 2012 г., когда в Праге, председательствовавшей в тот момент в В4, состоялась первая из серии региональных научных конференций «Мой герой, твой враг». Открывая конференцию, чешский дипломат и историк Петр Вагнер – в то время директор Вишеградского фонда – сказал, что до последнего момента не был уверен в том, удастся ли собрать ведущих историков стран региона для совместного обсуждения вопросов, для одних представляющих предмет гордости, а для других – скорби. «Довольно провокационное название конференции "Мой герой, твой враг" было основано на том, что успешный политик в одной стране или важное и знаменательное событие в ее истории может вызывать неоднозначную реакцию в соседней стране или странах. Особенно внутри такого тесного пространства, как Центральная Европа». Конференция собиралась не один год, дискуссия прошла несколько этапов, прежде чем на свет появилась книга, эпиграфом к которой стал девиз самого проекта: «*Выслушать, чтобы понять*». Не полемизировать без устали, а именно понять и принять как данность другую точку зрения. Это второй столп вишеградского взаимодействия. «Нравится нам это или нет, но история оказала свое влияние на наше настоящее, и такой диалог может помочь нам лучше понять, как все происходило. В то же время необходимо быть готовыми к тому, что этот диалог вовсе не обречен на взаимоприемлемый результат, поскольку в разных обществах имеются свои обоснования происходящего... Относительность исторических объяснений, фальсификация истории или ее неправильное использование могут оказать очень негативное влияние на отношения между народами, что мы, к сожалению, можем видеть и в современном мире» [Vágner, 2017].

Наблюдая за рождающимися в регионе идеями, сопровождающимися сегодня новое национальное становление, необходимо понимать, что в новых экономических, социальных и международных условиях здесь формируется и новая идеология. Работая над этой задачей, каждая нация стремится к созданию для будущих поколений *наиболее позитивного образа*, что порой вступает в противоречие с другими параллельно формирующимися по соседству государственными идеологиями. И вот здесь, как считают центральноевропейцы, необходимо то самое понимание.

Как видим, эта работа проводилась не зря. На юбилейном краковском саммите 2021 г. была высоко оценена деятельность Вишеградского фонда, за два десятилетия своего существования реализовавшего более шести тысяч проектов в Центральной Европе, регионе Восточного партнерства и в балканских странах. На этой основе принято решение довести в 2022 г. объем совместного финансирования фонда до десяти миллионов евро [Declaration, 2021].

Структурные особенности – отсутствие бюрократии

В Центральной Европе широко отмечалось 30-летие вывода советских войск и прекращение деятельности СЭВ и Варшавского договора. Членство в двух жестких структурах, ориентированных на один руководящий и направляющий центр – Москву – обусловило характер новой интеграции, на который только и могли согласиться ее участники. Это полное отсутствие какой-либо бюрократической структуры, преобладания какого бы то ни было из государств-членов. «Чтобы даже секретарши не было», – такое требование выдвинул во время создания Вишеградской тройки видный политик Гражданского форума и тогда министр финансов Чехословакии Вацлав Клаус. Вишеградский фонд – это единственная структура, которая имеет адрес и телефон. И постоянных сотрудников в нем немногим более полтора десятка. Таким образом, отсутствие бюрократии можно считать третьим столпом, на котором прочно держится и преодолевает многие противоречия вишеградское содружество. Лидеры стран, специальные уполномоченные в рамках МИД четырех государств определяют взаимодействие с годичным сменным председательством.

На круглом столе в редакции журнала *Visegrad / Insight* собравшем в юбилейные дни политиков, экспертов, творческую интеллигенцию четырех стран, словацкий дипломат Магдалена Вашарева, тем не менее, высказала разочарование тем, что сигналы, посланные Западу тридцать лет назад о намерениях этой части Европы, не были услышаны и правильно оценены. А речь идет о регионе с чрезвычайно сложной судьбой, где отношения часто основывались либо на взаимной вражде, либо на необходимости повиновения. «Польша и Венгрия были принципиально против образования Чехословакии в 1918 г. Даже в советское время в Центральной Европе не хватало солидарности. Переговоры велись только через Москву. Не было никаких физических и дипломатических связей. Когда была создана Вишеградская группа, у Центральной Европы появилась первая возможность провести честный и открытый разговор». Как отметила политик, «главное качество формата В4 заключается в том, что его участники общаются друг с другом»¹. И не только общаются, но согласуют общие позиции и ведут кропотливую работу по формированию бесконфронтационной повестки и совмещению видения будущего. В формате В4 по большей части удалось реализовать идею о равноправном и одновременно независимом – насколько это позволяет нынешняя геополитика – сосуществовании народов региона.

Официальная позиция

По случаю 30-летия группы было много комментариев в европейской, американской и даже китайской печати. Президенты Анджей Дуда, Зузана Чапутова, Милош Земан и Янош Адер отметили событие, встретившись 9–10 февраля 2021 г. в резиденции польского президента «Hel Peninsula» на севере страны². Именно на долю

¹ The Visegrad Group Turns 30. Past Achievements and Future Challenges / Visegradinsight. 22 February 2021. URL: <https://visegradinsight.eu/visegrad-group-turns-thirty-achievements-failures/> (дата обращения: 22.02.2021)

² Central Europe presidents mark 30 years of Visegrad Group / AP News. 9/02/2021. URL:

Польша выпало председательство в этот знаменательный для региона момент. В официальную повестку встречи были внесены: борьба с пандемией коронавируса, укрепление энергетической безопасности, защита климата, а также международные и трансатлантические отношения.

Открывая встречу, президент А. Дуда сказал, что В4 сыграла позитивную роль в европейских и трансатлантических связях. «Группа является важным, если не ключевым катализатором регионального сотрудничества во всей Центральной Европе и вносит значительный вклад в сотрудничество и политические процессы, касающиеся ЕС и НАТО»¹. В ретроспективе трех десятилетий, прошедших со времени начала реформ и создания нового для Центральной Европы формата сотрудничества, как отметили президенты, «регион достиг не только больших экономических и политических успехов, но и отметился быстрым социальным и цивилизационным развитием»². «Можно с уверенностью сказать, – подчеркнул в своем обращении к коллегам Дуда, – что не часто приходится наблюдать такую глубокую трансформацию в любой точке мира, происходящую за столь короткое время»³.

Президент Польши отметил важность участия Вишеградской группы в интеграционных процессах Европы и западного мира, – в первую очередь, в форме членства вишеградских стран в ЕС и НАТО. Отметил он и важную роль В4 как катализатора регионального сотрудничества во всей Центральной Европе. «Мы неоднократно демонстрировали, что, как вишеградское объединение, мы можем эффективно сотрудничать в целях продвижения наших стран и региона в целом»⁴. В качестве примера этой консолидирующей роли была подчеркнута важность для развития региона «Инициативы трех морей», которая совпала с исторической идеей Пилсудского. В4 могла бы, по мнению Дуды, также служить моделью для стран Восточного партнерства и Западных Балкан. Россия, увы, не удостоилась на саммите позитивного упоминания. Вместо этого была выражена надежда на эффективность формата «Бухарестской девятки» в противодействии «агрессивной политике» России.

В период бушующей пандемии, важным вопросом встречи была борьба с COVID-19 и надежда на успешную вакцинацию населения. Эта же линия стала одной из главных на встрече премьер-министров стран В4.

15 февраля 2021 г. премьер-министры четырех стран – Тадеуш Моравецкий, Виктор Орбан, Андрей Бабиш и Игорь Матович – съехались в Краков. Матеуш Моравецкий провел встречу глав правительств В4 и президента Европейского совета Шарля Мишеля в Вавельском замке. Результатом стала Краковская декларация,

<https://apnews.com/article/europe-janos-ader-baltic-sea-andrzej-duda-poland-83d6eaa7e8d4e0952d5943f344d91358/gallery/4f32276730834bdda04424ba6b87247c> (дата обращения: 26.04.2021)

¹ Там же.

² Там же.

³ 30th Anniversary of the Visegrad Group—European and Transatlantic Cooperation. President Andrzej Duda's address at the plenary session. 9.02.2021 / Visegrad Group. URL: The Visegrad Group: the Czech Republic, Hungary, Poland and Slovakia | 30th Anniversary of the Visegrad Group—European and Transatlantic Cooperation (дата обращения: 26.04.2021)

⁴ Там же.

опубликованная 17 февраля¹. В ней руководители «четверки» заявили о готовности и далее совместно содействовать успеху европейского проекта, основанного на общей цели создания безопасного, процветающего и стабильного Евросоюза, состоящего из сильных и устойчивых государств-членов. Лидеры подчеркнули решительную поддержку интеграции Западных Балкан в ЕС, а также поддержали развитие Восточного партнерства в качестве важной основы Европейской политики соседства. В Декларации подчеркивается важная роль НАТО в обеспечении безопасности евроатлантического региона и вклад В4 в укрепление коллективной обороны и реагирования на угрозы с любого направления.

В регионе Центральной Европы исторически сложилось так, что наиболее развиты транспортные артерии, объединяющие регион с запада на восток. Такая инфраструктура соответствовала и задачам социалистической интеграции. Новые проекты, особенно «Инициатива трех морей», открывают возможности для совместных усилий по укреплению связей в новом направлении Север – Юг со строительством соответствующих европейских транспортных коридоров.

Изначально при создании этой структуры лидеры В4 не собирались расширять сотрудничество за рамки четырех государств и строго придерживались этой линии все три десятилетия. Им удавалось противостоять настойчивым просьбам о приеме со стороны Украины, стремившейся таким образом преодолеть свое одиночество и отдалиться от России; предложениям Австрии по расширению формата; идеям Германии взять «четверку» «на буксир». Можно сказать, что Вишеградская группа устояла перед соблазном расширения на большие пространства, имея четкую цель стать *ядром* региона Центральной Европы. В Краковской декларации тем не менее высказана готовность расширять и умножать сотрудничество в формате В4+ как с европейскими, так и с неевропейскими партнерами.

Под гнетом неумолимой критики

На встрече аналитиков, экспертов и политиков, организованной по случаю знаменательной годовщины главным вишеградским изданием *Visegrad/Insight*, бывшая посол Словакии Магдалена Вашарева высказалась о наивности Центральной Европы. «По прошествии 30 лет мы забыли об эмоциях и возможностях, которые появились после 1989 г. Государства В4 предполагали, что все будут приветствовать их в Европе и радоваться этому, чего на самом деле не произошло. Более того, существует тенденция забывать об унаследованных проблемах Центральной Европы и обходить вопросы, существующие между четырьмя странами»². Сегодня, отме-

¹ Declaration of the Prime Ministers of the Czech Republic, Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the Occasion of the 30th Anniversary of the Visegrad Group. Cracow, February 17, 2021 / Visegrad group. URL: The Visegrad Group: the Czech Republic, Hungary, Poland and Slovakia | Declaration of the Prime Ministers of the Czech Republic, Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the Occasion of the 30th Anniversary of the Visegrad Group (дата обращения: 26.04.2021)

² Visegrad Turns 30. Past Achievements and Future Challenges// Visegrad / Insight. 22.02.2021. URL: <https://visegradinsight.eu/visegrad-group-turns-thirty-achievements-failures/> (дата обращения: 26.04.2021)

тила Вашарева, В4 превратилась для Европы в «некую проблему». Как считает словацкий политик, В4 упустила возможность сыграть решающую роль в Европе в качестве двигателя интеграции и надежного партнера. Подвергнув критике позицию венгерского премьера Виктора Орбана, Вашарева высказала сожаление, что «В4 склоняется к старым предрассудкам, страхам и поддается националистическим идеям о чистоте этнической принадлежности. Неонационализм возрождается во всех государствах»¹.

Действительно, муссируемые в последнее время слухи о противостоянии внутри «четверки» двух линий – консервативной, отождествляемой с Венгрией и Польшей, и либеральной, относимой к Праге и Братиславе, не лишены оснований. Но существующая полемика является отражением характерной для региона дискуссии. Регион не может жить без критического настроения либо по отношению к другим, либо по отношению друг к другу. Как не собираются страны покидать ЕС, так не расстанутся они с проектом, ставшим маркой, фирменным знаком, к тому же воплощающем сегодня стержневую мечту народов Центральной Европы.

В мае 2021 г. завязалась полемика между Виктором Орбаном и бывшим премьером Словакии Микулашем Дзуриндой, поводом к которой стало интервью Орбана словацкому изданию *postoj.sk*² 6 мая 2021 года. Интервью достаточно пространное и посвящено широкому кругу проблем. Однако внимание Дзуринды привлекла та его часть, где венгерский коллега говорит о своем видении будущего Центральной Европы: «У нас общая судьба. Вопрос в итоге стоит так: кто будет организовывать Центральную Европу? Немцы, русские, американцы, или же мы, народы, которые в ней живут?». Орбан выделяет сильную роль Польши, геостратегическую – Словакии, особенно в ключе развития вертикальных связей Север–Юг. Однако, как отмечает Орбан, словаки предпочитают роль моста между Востоком и Западом. Размышляя о разных подходах к России, США, Китаю, Орбан подчеркивает необходимость и общих подходов внутри В4. Будучи вдохновленным темпами развития «четверки» в последние годы, он считает, что на смену европейской оси Германия–Франция к 2030 г., с подключением В4, вполне может возникнуть континентальный треугольник.

В своем комментарии от 21 мая 2021 г. Дзуринда пишет о том, что идеи Орбана абсолютно нереалистичны и вредны³. И главной задачей ЕС является превращение в глобальную державу. «Тройственная ось, предложенная Виктором Орбаном, это начало фрагментации Евросоюза, “начало конца”, что будет играть на руку Китаю и России».

Не замедлив с ответом, венгерский премьер написал, что задачей не только Венгрии, но и Словакии, а также всего В4 является преодоление несправедливости

¹ Там же.

² Interview with Prime Minister Viktor Orbán on the Slovak Internet portal *postoj.sk* /URL: <https://miniszterelnok.hu/interview-with-prime-minister-viktor-orban-on-the-slovak-internet-portal-postoj-sk/> (дата обращения: 26.04.2021)

³ Mikulas Dzurinda: The EU Needs to Become a Global Power // CEA Magazine. 21/05.2021. URL: <https://centraleuropeanaffairs.com/2021/05/21/dzurinda-the-eu-needs-to-become-a-global-power/> (дата обращения: 21.05.2021)

при распределении средств: «Мы не должны быть европейскими простачками. Мы явно заслуживаем большего»¹.

Что можно сказать? Споры в четверке приобретают иногда довольно острый характер. Остается надеяться на обозначенную нами как второй столп феномена вишеградского сотрудничества способность услышать и понять. Хотя в случае дискуссии между Орбаном и Дзуриндой речь идет скорее о партийной идеологии, которая является отражением несколько иной сферы и выливается особенно резко накануне и во время избирательных кампаний. Венгрия уже активно начала готовиться к весенней кампании 2022 г. В том же интервью *postoj.sk* Орбан высказывает свое намерение победить и на них. Интернет-издание *ReMix*² провело опрос среди других словацких премьеров на предмет того, что они думают о планах Орбана. Петер Пеллегрини (2018–2020) отнесся к идее венгерского коллеги с большой долей критики, однако Роберт Фицо (2006–2010 и 2012–2018) и Ян Чарногурский (1991–1992) поддержали венгерского премьера в его стремлении к усилению голоса региона в структурах ЕС.

Часто утверждения об усилении фундаментальных противоречий внутри «четверки» делаются на пустом месте. Так, один из организаторов известного словацкого форума *Globsec* Якуб Вишневецкий делает подобное заявление на основании лишь отсутствия на форуме чешского премьер-министра Бабиша и острой дискуссии, которая развернулась на одном из круглых столов между министром иностранных дел Словакии Иваном Крчком и его венгерским коллегой Петером Сийярто³.

Западная пресса откликнулась на юбилей В4 заголовками типа «Вишеградские “смутьяны” вместе празднуют 30-летие»⁴. Вместе с тем в статье есть и несколько позитивно оценивающих В4 моментов. В целом автор соглашается с оценкой Моравецкого, что «В4 в течение последних пяти лет была намного сильнее, чем раньше», хотя и считает, что группа сделала себе имя исключительно в 2015 г., когда в разгар кризиса яростно выступила против миграционной политики ЕС. Слабой стороной вишеградского союза автор *EU Observer* видит неспособность добиться увеличения личных доходов граждан, несмотря на то что до пандемии этот регион демонстрировал самый быстрый рост среди членов ЕС. Это привело к политическому разочарованию населения в новой системе, а западные столицы – к росту критики в отношении восточноевропейцев. К тому же экономики ЦЕ могут быть уязвимыми в будущем по причине своей зависимости от фондов ЕС, немецкой торговли и инвестиций. Низкая заработная плата побуждает поляков (11%) и чехов (9%) искать работу на западе Европы.

В докладе, опубликованном на сайте Института Жака Делора под красноречивым названием «Что осталось от Вишеградской группы?» [Масек, 2021], дается весьма критичная оценка деятельности В4 с особым акцентом на то, что нынешние

¹ Response to Mikuláš Dzurinda / URL: <https://miniszterelnok.hu/samizdat-no-7/> (дата обращения: 26.04.2021)

² PM Orbán and former Slovak PM Dzurinda clash over different visions of Central Europe (*rmx.news*).

³ Rozpory ve V4 jsou zásadní a prohlašují se, říká viceprezident Globsecu / *Seznamzpravy.cz*. 17.06.2021. <https://www.seznamzpravy.cz/clanek/rozpory-ve-v4-jsou-zasadni-a-prohlubuji-se-rika-viceprezident-globsecu-167566> (дата обращения: 26.06.2021)

⁴ Visegrád 'trouble-makers' celebrate 30 years together (*euobserver.com*).

руководители центральноевропейских государств полностью отошли от идеалов, провозглашенных Йожефом Анталлом, Вацлавом Гавелом и Лехом Валенсой во время создания в 1991 г. тогда еще «тройки». Единственным продолжателем революционеров-романтиков в этой части Европы они считают президента Словакии Зузану Чапутову. Однако упускается из виду такой важный факт, что основатели Вишеграда руководствовались идеей и своими субъективными представлениями, которые, как заметила Вашарева, не были замечены на западе Европы, а потому эволюционировали в соответствии с реальностями, в которых многие сегодня разочарованы.

Приводит европейская пресса и слова в то время премьер-министра Игоря Матовича: «Иногда у нас возникают дискуссии и споры, ставящие под сомнение само существование В4. И люди спрашивают, являемся ли мы виновниками проблем в ЕС, всегда ли нам нужно иметь другую точку зрения или позицию? Это неправда. Мы работаем вместе, чтобы подготовить совместную позицию, общее решение, которое можно обсудить с другими государствами–членами ЕС».

* * *

Между членами Вишеградской группы идет дискуссия, существуют разные подходы и видения, но рано или поздно проблемы находят разрешение, как только речь заходит об общей судьбе. Такова важная характеристика «четверки». Как прописано в Краковской декларации: «В4 стала признанным в Европе и во всем мире надежным партнером и символом успешных политических и экономических преобразований, важной опорой исторического проекта воссоединения Европы, а также примером эффективного регионального сотрудничества в рамках ЕС, способствующего его дальнейшему развитию, в том числе в конкретных областях политики, и экономической конкурентоспособности континента». От себя добавим, что проект Вишеградской «четверки» можно сравнивать с общеевропейским проектом, он прошел не менее, а может быть и более тернистый путь к своему воплощению, от идеи к реальности. Сегодня много критикуют оба проекта – ЕС и В4 – и обеим предрекают скорый конец. Говорят даже, что возможность развала ЕС также является обстоятельством, по причине которого «четверка» упорно держится вместе и иногда дистанцируется от Брюсселя. Мы же полагаем, что пока сохраняются те столпы, на которых была создана эта форма сотрудничества – критический настрой, способность к компромиссам, равноправие членов и отсутствие бюрократии, – она имеет хорошую перспективу. Время покажет, кто был прав, но тридцать лет вместе – безусловно достойная дата, заслуживающая уважения в том числе и на международной арене.

Список литературы

- Вагнер Петр. (2015) Нельзя войти дважды... *Современная Европа*, № 6. С. 27–31.
- Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии (2010) Под ред. Л.Н. Шишелиной. Весь Мир, Москва, Россия.
- Габарта А.А. (2017) Социально-экономическая модель стран Центральной Европы. *Современная Европа*. № 7. С. 104–113.
- Йенсен Джоди. (2018) «Транс» без «формации» – перезагрузка. *Современная Европа*, № 7. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72018...>

Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019. (2021) Москва. С.-Петербург, Россия.

Шишелина Л.Н. (2020) Будапешт и Варшава: противостояние с Брюсселем. *Современная Европа*, № 7. С. 5–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720200515>

References

Gabarta A.A. (2017) Social'no-Jekonomicheskaja Model' Stran Central'noj Evropy [Social and Economic Model of Central European Countries]. *Sovremennaja Evropa*. No 7, pp. 104–113. (in Russian).

Jensen Jody. (2018) “Trans» bez «formacii” – Perezagruzka [“Trance” without “formation” – reboot]. *Sovremennaya Evropa*, No 7. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72018...> (in Russian).

Kiss Csaba G. (2016) Powinowactwa wyszehradzkie. Wspomnienia, szkice, eseje. W-wa.

Macek, Lukáš. (2021) What Left of the “Visegrád Group”? Notre Europe. Jacques Delors Institute. Paris.

Németh, István. (2001) Európa-Tervek 1300–1945. Vissapillantás a jövőbe. ELTE Eötvös Kiadó. Bp.

Niederhauser, Emil. (2001) Kelet-Európa története. Bp., Historia.

Transregional versus National. Perspectives of Contemporary Central European History. (2017) Ibidem/Stuttgart.

Transformacionnye revolyucii v stranah Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy. K 30-letiyu sobytij. 1989–2019 [Transformational revolutions in the countries of Central and South-Eastern Europe. To the 30th anniversary of events. 1989–2019]. (2021) Moscow, S.-Petersburg, Russia. (in Russian).

Shishelina L.N. (2020) Budapest i Varshava: protivostoyanie s Bryusselem [Budapest and Warsaw: Confrontation with Brussels]. *Sovremennaya Evropa*, No 7, pp. 5–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720200515> (in Russian).

Vagner, Petr. (2017) Foreward. Vit Michal, Baran Magdalena M.: Transregional versus National: Perspectives on Contemporary Central European History. Stuttgart, pp. 9–10.

Vagner, Pyotr. (2015) Nel'zya vojtii dvazhdy... [You cannot enter twice ...]. *Sovremennaya Evropa*, No 6, pp. 27–31. (in Russian).

Visegrad Europe: Where and Where From? Two Decades on the Path of Reforms in Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic (2010) Ed. L.N. Shishelina. Whole World, Moscow, Russia. (in Russian).

What is left of the “Visegrád group”? Jacques Delors Institute. 11.03.2021.

The 30-th Anniversary of Visegrad Group: Achievements and Prospects

Received 03.05.2021

Author: Shishelina L., Doctor of Science (History), Head of Department for Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** l.shishelina@gmail.com

Abstract. The author analyzes the fundamental points which contributed to the strength of the political foundation of the Visegrad Group. Among the most significant factors, the author identifies a critical attitude towards reality, the ability to search for intra-regional/international compromises, and the lack of bureaucracy. In general, this can be described as a clear understanding of V4 position and tasks in Europe. The group's objectives in understanding their possibilities have evolved over three decades and finally have evolved from a "return to Europe" to the possibility of transferring its experience and providing assistance to the neighboring States of Eastern Europe and the Western Balkans. Without denying the contradictions that exist in the group, there are no critical prerequisites for the realization of long-standing prophecies about the imminent and unavoidable breakup of the group. Contradictions and a critical approach, as well as overcoming these circumstances, often serve as the driving force of the group. So far, despite criticism of some retired politicians, the group looks united and interested in its further common development.

Key words: Central Europe, Visegrad Group, Visegrad Europe, Czech Republic, Hungary, Slovakia, Poland.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420212636>

УДК 339.9

Анна ЧЕТВЕРИКОВА

ВИШЕГРАДСКАЯ «ЧЕТВЁРКА» В ПЕРИОДЫ КРИЗИСОВ

Статья поступила в редакцию 16.04.2021

Аннотация. В статье проведен анализ изменения позиций Вишеградской группы в Евросоюзе во время мирового финансово-экономического кризиса и пандемии 2020 г. Особое внимание уделено динамике экономического развития Венгрии, Польши, Словакии и Чехии в 2020 г. в сравнении с кризисом 2008–2009 гг. и факторам, влияющим на реакцию этих стран на внешние вызовы. Рассмотрена трансформация торговых и инвестиционных отношений в рамках Вишеградской группы в кризисные периоды и причины, ее обуславливающие. Сделан вывод, что внешние вызовы влекут за собой ослабление отношений в рамках «четверки» по ряду направлений, и что вишеградский рынок не может в полной мере выполнять компенсационную роль для своих участников в кризисных условиях. Приведены результаты экспертного опроса об изменении позиций «четверки» в периоды внешних вызовов, связей внутри Вишеградской группы и направлениях дальнейшего развития.

Ключевые слова: Вишеградская группа, мировой финансово-экономический кризис, пандемия, ЕС, внутригрупповые связи.

За тридцать лет своего существования Вишеградская группа (В4) проделала огромный путь, который сопровождали значимые политические, экономические и социальные изменения. Более половины этого периода страны «четверки» являются неотъемлемой частью Евросоюза. При этом продолжается развитие и самой субрегиональной интеграционной группировки. Ее относительная неинституциональность, отсутствие единства позиций по некоторым вопросам, различие целей у стран группы – все это осложняет развитие сотрудничества, но не является непреодолимым препятствием. Хотя многие рассматривают «четверку» скорее как политическое объединение, определенных успехов за годы членства в ЕС группа добилась и в экономической сфере, несмотря на серьезные внешние и внутренние кризисы, с которыми ей пришлось столкнуться. Если на первоначальных этапах трансформационных процессов одним из важных факторов отсутствия глубокого торгово-экономического сотрудничества внутри группы было стремление вишеградских стран как можно быстрее интегрироваться в объединяющуюся Европу, то в даль-

© Четверикова Анна Сергеевна – к.э.н., ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: chetverikova@imemo.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420213746>

нейшем страны стали больше обращать внимания на соседей, – начался период консолидации и формирования «субрегиона» [Шишелина, 2010: 414–415].

Динамика экономических позиций Вишеградской группы в ЕС

Официальная статистика свидетельствует, что с середины 2000-х гг. Венгрия, Польша, Словакия и Чехия демонстрировали общий положительный тренд в экономическом развитии, хотя динамика роста, диапазон нерешенных проблем, степень интеграции в ЕС неодинаковы. Различна и реакция на внешние вызовы, однако именно в эти периоды отмечается активизация связей внутри субрегионального интеграционного объединения. Об этом свидетельствует, например, не только частота официальных встреч представителей вишеградских стран, но и мнение специалистов.

Согласно экспертному опросу¹, Вишеградская группа продолжает выполнять роль регионального игрока в ЕС, однако 59% респондентов считают, что ее положение может укрепиться в ближайшей перспективе. В периоды же внешних вызовов позиции В4 в ЕС зачастую остаются примерно на том же уровне, что и до них: такого мнения придерживались 53% участвующих в анкетировании, говоря о мировом финансово-экономическом кризисе 2008–2009 гг., и 70% – о периоде COVID-19. В то же время внешние вызовы влияют на внутренние связи в рамках самой группы: 59% опрошенных считали, что внутренние связи усиливаются в периоды внешних вызовов, 29% – что отношения остаются примерно на том же уровне, что и до них. Среди направлений, по которым участникам В4 стоит наращивать сотрудничество друг с другом в перспективе, выделялись следующие: туризм – 12% ответов респондентов; по 11% пришлось на транспорт, энергетику, культуру; по 10% – на торговлю, инвестиции; по 9% – на науку, инновации и политику; по 8% – на здравоохранение и образование.

Интенсификация внутригрупповых связей влечет за собой изменение позиций Вишеградской группы в Европе и в мире в целом. Эксперты фиксируют «односторонность» внешнеэкономических связей «четверки»: 69% участвующих в анкетировании высказались за диверсификацию данных отношений за счет стран вне ЕС. При этом опрос подтвердил, что В4 стоит развивать больше собственных инициатив с внешними партнерами в различных областях: наиболее значимыми сферами названы: торговля – 15% ответов респондентов, инвестиции – 12%, наука и инновации – 12%, туризм – 11%, транспорт – 9%, энергетика – 9%, здравоохранение – 8%.

В то же время не стоит переоценивать роль В4 в ЕС и ее возможности по развитию своих позиций. Ряд экономических, политических, социальных факторов пока являются непреодолимыми. Исследовательские оценки свидетельствуют, что процесс превращения «четверки» в полноценное субъядро Евросоюза маловероятен [Дрыночкин, Сергеев, 2016: 61].

¹ Опрос проводился в ноябре 2020 г. сотрудниками ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН среди экспертов вишеградских стран, специализирующихся в области экономики, политики, социальной сферы, путем анкетирования. Отдельная благодарность за проведение анкетирования к.э.н., зав. сектором Невской А.А. и к.п.н., с.н.с. Басову Ф.А.

Кризисные периоды приносят не только негативные тенденции, но и предоставляют возможности для изменений с расчетом на перспективу. Современный экономический кризис, вызванный пандемией, в вишеградских странах стал одним из самых тяжелых за последние десятилетия. И хотя его окончательные последствия еще не ясны, итоги 2020 г. не столь драматичны, как предполагали авторы различных прогнозов. Первый год ограничений в связи с пандемией «четверка» смогла пройти лучше, чем многие другие страны–члены ЕС. Ее доля в ВВП ЕС выросла на 1,1 п.п. по сравнению с 2019 г. (таблица 1). Однако усиление позиций В4 в рамках ЕС обусловлено не столько ее относительно благополучными результатами по итогам прошедшего года, сколько брекзитом. С учетом британских показателей доля ВВП «четверки» в ЕС в 2020 г. выросла крайне незначительно. И все же общий тренд на увеличение экономической значимости В4 в рамках ЕС в периоды внешних встрясок повторился, как и во время мирового финансово-экономического кризиса. Однако в 2020 году ВВП группы показал большую устойчивость по сравнению с 2008 г. Хотя в тот период имел место определенный временной лаг от начала года.

Таблица 1

Место Вишеградской группы в ЕС (доля В4 в ЕС), %

Показатель	2007	2008	2009	2019	2020
ВВП	4,7	5,3	5,1	6,1	7,2
Импорт	7,9	8,5	8,2	10,5	12,0
Экспорт	7,8	8,3	8,4	10,8	12,3
Накопленные ПИИ	5,9	6,3	6,3	5,1	-

Источник: составлено автором на основе Eurostat Database. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database>, UNCTAD. World Investment Report: Annex Tables. URL: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (дата обращения: 07.04.2021)

Свою роль в этом сыграл внешнеторговый сектор, являющийся двигателем вишеградской экономики. После резкого – в силу жестких ограничительных мер – сокращения в марте–апреле, внешняя торговля в целом продемонстрировала положительную динамику, за исключением спадов в конце лета и декабре 2020 г. Однако это не помешало В4 не только сохранить, но и упрочить свои места во внешнеторговом секторе ЕС. При этом пандемия сильнее отразилась на внешней торговле «четверки», чем кризис 2008–2009 гг.: даже принимая во внимание показатели торговли Британии, рост доли Вишеградской группы составил около 0,5 п.п., что выше результатов 2008 г. Таким образом, улучшение позиций В4 в торговом секторе ЕС в 2020 г. в большей степени обусловлено выходом Британии из интеграционного объединения, чем ситуацией в самой вишеградской внешней торговле. Также стоит отметить, что, как и в случае мирового финансово-экономического кризиса, экспорт «четверки» меньше подвергся негативным явлениям по сравнению с импортом. Падение экспорта и импорта Венгрии, Польши, Словакии и Чехии находилось в пределах 9 п.п. в 2020 г., однако у всех четырех стран сокращение экспортных поставок было меньше импортных.

Недоступность статистики по ПИИ не позволяет делать точных выводов об изменении роли субрегиональной интеграционной группировки. Но, скорее всего, с учетом снижения ее доли в ПИИ ЕС за последние годы, она сохранится примерно на предпандемийном уровне. Поэтому ее роста, как в 2008 г., ожидать не следует. О негативных тенденциях в сфере инвестирования свидетельствуют и уже проведенные исследования: только 65% проектов в Европе, объявленных в 2019 г., реализовывались в период пандемии, 25% были отложены, 10% отменены. Среди компаний 51% планировали сократить свои инвестиции, еще 21% хотели отложить реализацию инвестиционных проектов до 2021 г. [Исследование..., 2020: 4].

Реакция вишеградских стран на внешние вызовы

Для вишеградских стран характерен ряд схожих черт, например, их экономическая структура, зависимость от ПИИ или внешнеторгового сектора, что определяет и схожесть их реакции на внешние кризисы при сохраняющемся относительно обособленном положении Польши в силу величины ее экономики. Экономический спад зависит и от ограничительных мер, которые вводились странами, а также от качества управления [Szanyi, 2020: 6–8], поддержки со стороны государства и некоторых других факторов. Многие меры в «четверке» имели схожий характер и включали помощь отдельным отраслям, экономическим акторам, а также инициативы по стабилизации ситуации на рынке труда. В результате в первый год пандемии падение ВВП в трех странах «четверки» было около 5% (таблица 2). Более глубокий спад Венгрия и Словакия испытывали лишь в 2009 г. Для Чехии же это стало наибольшим падением за период членства в ЕС. Схожая ситуация складывается в Польше, где впервые темпы прироста ВВП стали отрицательными. Однако, как и в 2008 г., «четверка» пока справляется лучше среднего по ЕС, что обеспечивается и более активным ростом.

Несмотря на развитие третичного сектора, вишеградские страны продолжают выделяться значимостью промышленности по сравнению с западноевропейскими государствами. Вторичный сектор «четверки» отличался повышенным темпом роста в предкризисные годы, превышая среднеевропейские показатели в несколько раз в отдельных странах (таблица 2). Это обеспечивало в том числе и менее резкие падения в кризисные периоды в целом. В то же время внутренние факторы, включая ограничительные меры, в 2020 г. повлияли на больший спад в Словакии или в 2009 г. в Венгрии. Схожи уровни падения темпов прироста промышленного производства в Венгрии, Словакии и Чехии в силу высокой включенности в цепочки стоимости ТНК. В то время как Польша в кризисные периоды менее подвержена спаду во вторичном секторе в силу особенностей внутреннего рынка.

Открытостью экономик вишеградских стран обусловлена их зависимость от партнеров за рамками В4, особенно крупнейших из них, что проявлялось в период внешних вызовов и было причиной реакции этих государств на мировой кризис конца 2000-х [Куликова, 2009]. Поэтому большинство участниц субрегиональной интеграционной группировки зачастую показывают отличную от общеевропейской динамику в отношении экспортной квоты. Наиболее ярко это проявилось в условиях пандемии COVID-19, когда при незначительном росте доли экспорта в ВВП ЕС малые вишеградские экономики продемонстрировали ее падение в пределах 2,3–6,0 п.п. в силу сокращения внешнего спроса (таблица 2).

Таблица 2

**Экономические показатели развития стран Вишеградской группы
в периоды кризисов**

Показатель	Годы	ЕС	Венгрия	Польша	Словакия	Чехия
Темпы прироста ВВП, %	2007	3,0	0,2	7,1	10,8	5,6
	2008	0,5	1,1	4,2	5,6	2,7
	2009	-4,3	-6,7	2,8	-5,5	-4,7
	2019	1,5	4,6	4,5	2,3	2,3
	2020	-6,2	-5,0	-2,7	-5,2	-5,6
Темпы прироста промышленного производства, %	2007	3,5	4,5	10,4	14,6	9,6
	2008	-1,7	-1,4	3,1	15,2	-2,1
	2009	-13,3	-15,9	-2,8	-12,7	-11,0
	2019	-0,2	7,5	4,2	0,1	0,0
	2020	-8,0	-7,5	-2,5	-9,3	-8,0
Темпы прироста производства в секторе услуг, %	2007	5,2	-	-	-	7,9
	2008	1,5	-	-	-	0,1
	2009	-3,9	-	-	-	-10,3
	2019	3,7	10,7	-	4,9	1,7
	2020	-	-5,4	-	-5,6	-
Доля экспорта в ВВП, %	2007	38,1	77,9	38,5	83,4	66,1
	2008	39,0	79,3	37,8	80,1	63,0
	2009	34,9	74,4	37,1	68,0	58,3
	2019	46,6	82,2	55,5	92,4	74,4
	2020	46,7	79,9	55,6	86,4	71,5
Уровень безработицы, %	2007	7,5	7,4	9,6	11,1	5,3
	2008	7,2	7,8	7,1	9,5	4,4
	2009	9,1	10,0	8,2	12,0	6,7
	2019	6,7	3,4	3,3	5,8	2,0
	2020*	7,4	4,4	3,6	6,8	2,9

Источник: Eurostat Database. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database> (дата обращения: 09.04.2021).

* – данные даны согласно The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=HU-CZ-PL-SK> (дата обращения: 13.04.2021).

Исключением стала наименее вовлеченная во внешнеторговые связи Польша. Тенденции, противоположные общеевропейским, наблюдались в ряде стран «четверки» и в 2008 г. Однако сохранение кризисных процессов в 2009 г. привело к выравниванию направлений динамики. Стоит также отметить, что страны В4 продолжают увеличивать свою экспортоориентированность, что видно и по показателям периода между двумя кризисами. При этом наибольших успехов добилась Польша, чья доля экспорта в ВВП превысила 50% всего несколько лет назад.

Безработица является застарелой проблемой вишеградского рынка труда. За исключением Чехии, в странах группы за последнее десятилетие наблюдался уровень безработицы, превышающий десять процентов. Неразрешенные уже долгий период

проблемы, включая «утечку умов», нехватку определенных категорий работников, отчасти компенсирующуюся за счет иностранной рабочей силы, и ряд других особенностей, обостряются в кризисные периоды и требуют отдельного внимания со стороны властей. Наиболее проблемной в этом отношении является Словакия, которая, как и во время мирового финансово-экономического кризиса, подошла к современному периоду с наихудшими показателями безработицы в В4.

В конце 2000-х гг. сложная ситуация на рынке труда сохранялась в Венгрии и Польше. К 2020 г. Венгрия, Польша и Чехия в основном справились с безработицей; хотя их показатели в два–три раза уступали среднеевропейским (таблица 2). Пандемия же вновь обострила ситуацию на местных рынках труда, несмотря на усилия властей по их регулированию, включая различные компенсации и льготы работодателям. Ситуация на рынке труда «четверки» в территориальном разрезе в 2020 г. совпадает с 2009 г.: наименьший рост безработицы (и меньший, чем в среднем по ЕС) был характерен для Польши, остальные три страны продемонстрировали сопоставимую друг с другом динамику, превышающую, как и в 2009 г., среднеевропейские показатели. При этом относительно благоприятное состояние вишеградского рынка труда до пандемии позволило этим странам остаться в числе лучших в рамках ЕС и в период кризиса, вызванного COVID-19. Исключение составила Словакия, чьи показатели немногим уступали среднему по ЕС.

Трансформация внутригрупповых связей

Внешние вызовы оказывают влияние не только на позиции В4 в ЕС, но и трансформируют внутригрупповые экономические связи. В целом экономическая интеграция в рамках В4 не так сильна, что обуславливается в том числе сформировавшимися асимметричными отношениями с Германией. Последняя открыла больше возможностей для сотрудничества, чем страны–партнеры по группе, в силу их низкой взаимодополняемости. Свою роль играет и сформировавшаяся структура собственности с превалированием иностранного капитала [Jasiecki, 2020: 32–34]. При этом с момента вступления в Евросоюз торговое и инвестиционное взаимодействие в рамках «четверки» имело тенденцию к усилению [Четверикова, 2020]. Однако кризисные процессы вносили коррективы.

Статистические данные свидетельствуют, что значимость вишеградского рынка для его участников с точки зрения импортных поставок в межкризисный период возросла, за исключением Польши (таблица 3). Показатели доли импорта из стран–партнеров остаются невысокими, в том числе по причине структуры импортных поставок, включая, например, большую долю энергоносителей в ней, а также повышение роли Китая в их внешнеторговом секторе. Для Чехии и Венгрии в условиях внешних вызовов рынок В4 несет определенную компенсаторную функцию, что, вероятно, является следствием вовлеченности основного партнера по импорту в группе в лице Польши. Причем в случае чешского импорта в 2008–2009 гг. значимость поставок из Польши и Словакии были сравнимы, тогда как к 2020 г. роль Польши стала превалирующей. Наиболее чувствительной к изменениям остается максимально ориентированная на рынок «четверки» и самая малая его экономика – Словакия, для которой поставки из Чехии продолжают быть ключевыми в импорте в рамках В4, что непосредственно влияет и на динамику в кризисные периоды. При

этом для импорта Польши вишеградский рынок можно назвать «стабильным» и в условиях внешних вызовов.

Таблица 3

Межстрановое взаимодействие в Вишеградской группе

Показатель	Годы	Страны			
		Венгрия	Польша	Словакия	Чехия
Доля импорта из В4 от общего импорта, %	2007	10,6	7,4	19,7	13,9
	2008	11,3	7,3	20,2	14,1
	2009	11,7	7,5	19,7	14,1
	2019	15,6	6,8	21,3	14,4
	2020	15,5	6,6	20,1	14,5
Доля экспорта в В4 от общего экспорта, %	2007	12,2	10,6	25,4	17,7
	2008	12,7	10,3	25,8	18,5
	2009	12,0	10,9	27,2	17,4
	2019	13,8	11,5	24,9	16,9
	2020	13,4	10,8	24,7	17,2
Доля В4 в исходящих ПИИ, %	2007	2,4	9,8	66,6	29,7
	2008	2,0	8,0	54,1	20,9
	2009	1,7	6,7	51,6	19,4
	2019	4,0	20,4	59,6	12,6
	2020	-	-	-	-
Доля В4 во входящих ПИИ, %	2007	0,4	0,6	13,6	3,8
	2008	-	0,4	12,4	3,1
	2009	0,1	0,6	11,2	3,6
	2019	1,2	2,0	19,9	5,9
	2020	-	-	-	-

Источник: рассчитано автором на основе The Central Bank of Hungary. URL: <https://www.mnb.hu/en/statistics>, Czech National Bank. Statistics. URL: <https://www.cnb.cz/en>, the Czech statistical office. URL: <http://apl.czso.cz/pll/stazo/STAZO.STAZO?jazyk=EN>, Hungarian Central Statistical Office. URL: <https://www.ksh.hu>, Národná Banka Slovenska. Statistics. URL: <https://www.nbs.sk/sk/statisticke-udaje/statistika-platobnej-bilancie/priame-zahranicne-investicie>, Narodowy Bank Polski. Statistics. URL: https://www.nbp.pl/homen.aspx?f=/en/statystyka/balance_of_payments.html, OECD statistics. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=64238#>, Statistical Office of the Slovak Republic. URL: <https://slovak.statistics.sk>, Statistics Poland. URL: <https://stat.gov.pl/en/>, World Integrated Trade Solution Database. URL: <https://wits.worldbank.org/Default.aspx?lang=en> (дата обращения: 10.03.2021)

Роль внутреннего рынка субрегиональной интеграционной группировки для ее участников в рамках экспортных поставок более значима, особенно для Словакии и Чехии. Как и в случае импорта, пандемия оказала более негативное воздействие на

внутригрупповые потоки, чем кризис 2008–2009 гг. Позитивной динамикой выделяется лишь чешский экспорт, что может являться следствием усиления позиций Польши как второго по значимости партнера в экспорте после Словакии. Увеличение польского направления в словацком экспорте, напротив, не помогло избежать падения в 2020 г.: Словакия все больше ориентируется на других внешних партнеров в последние годы, пытаясь снизить зависимость от внутреннего рынка «четверки». В пандемию в отличие от периода мирового финансового кризиса вишеградский рынок не выполнил свою компенсационную роль для Венгрии и Польши. Словакия и Чехия – как основные направления соответственно для венгерского и польского экспорта – не смогли обеспечить необходимые объемы в силу применяемых ограничений.

Межстрановое инвестиционное взаимодействие в пределах «четверки» носит ограниченный характер в силу особенностей самих стран. Крупные иностранные инвесторы еще в 1990-е гг. оказали многообразное влияние на трансформационные процессы, обуславливающие и в настоящее время конкуренцию со стороны европейских, американских, азиатских ТНК и появление в дальнейшем компаний из быстрорастущих рынков [Szupomar, 2020]. Существуют также такие проблемы, как недосформированность собственных крупных компаний, которые могли бы инвестировать в соседних государствах, относительная изолированность иностранных ТНК от национального бизнеса [Szanyi, 2020: 27–28]. Хотя в целом значимость инвестиционных отношений для «четверки» увеличилась за межкризисный период, его масштабы незначительны, за исключением Словакии, в наибольшей степени ориентированной на внутригрупповые экономические связи.

Большую значимость вишеградский рынок играет в исходящих ПИИ, в особенности для Словакии и в последние годы для Польши. При этом и Словакия, и Чехия пытаются диверсифицировать вложения своего капитала за рубежом, тем самым снизив зависимость от вишеградского рынка. Однако кризисные процессы оказывали одинаковое негативное воздействие на долю В4 в исходящих ПИИ в 2008–2009 гг., независимо от величины самой доли. Тем самым, вишеградский рынок как территория приложения капитала его участников очень динамичен и уязвим перед внешними неблагоприятными факторами. Это связано как с небольшими объемами ПИИ, когда приостановка нескольких крупных проектов может влиять на картину инвестирования в целом, так и с самими акторами инвестиционного процесса.

Внешние вызовы уменьшают и привлекательность самих членов В4 для партнеров по группе: сокращается доля Вишеградской группы во входящих ПИИ. Однако восстановительные процессы в них начинаются несколько быстрее, как показал опыт мирового финансово-экономического кризиса. В Чехии и Польше уже в 2009 г. наблюдался небольшой рост. В случае чешского рынка причина могла лежать в активизации основного инвестора – словацкого капитала, относительно замкнутого на рынке группы. Объемы входящих вишеградских ПИИ и их доли, изменения в соотношении основных инвесторов того или иного участника «четверки» в рамках группы показали, что 2020 г. также стал временем падения значимости В4 во входящих ПИИ Венгрии, Польши, Словакии и Чехии.

* * *

Особенности экономического развития вишеградских стран, их социально-экономическая модель позволяют им относительно благополучно реагировать на внешние вызовы, с которыми сталкивается Евросоюз в целом, что приводит к усилению позиций «четверки» в ЕС по некоторым направлениям, однако это не исключает и периоды резких падений. Страны-участницы В4 продолжают быть зависимыми от крупнейших европейских экономик, что влияет и на внутригрупповые экономические отношения. Ряд факторов, включая различия в степени открытости экономик, отсутствие единой валюты, недостаточная развитость инфраструктуры, препятствуют усилению взаимодействия в рамках субрегиональной интеграционной группировки и в отсутствие кризисов. В условиях же внешних вызовов дополнительные негативные явления обуславливают ослабление отношений в рамках группы по ряду направлений. Вишеградский рынок не может выполнять в полной мере компенсационную роль для своих участников в кризисных условиях, что обуславливается объемом внутреннего рынка стран и другими факторами. Однако текущая ситуация не исключает возможностей по расширению взаимосвязей в рамках «четверки».

Список литературы

Габарта А.А. (2017) Социально-экономическая модель стран Центральной Европы, *Современная Европа*, № 7. С. 104–113.

Дрыночкин А.В., Сергеев Е.А. (2016) Бенилюкс и Вишеградская группа: опыт сопоставления, *Современная Европа*, № 6. С. 53–62. DOI: 10.15211/soveurope620165362.

Исследование инвестиционной привлекательности стран Европы (2020) EY, 44 p., URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/news/2020/07/european-attractiveness-survey-russia-2019-rus.pdf (дата обращения: 13.04.2021)

Куликова Н.В. (отв. ред.) (2009) *Центральная и Юго-Восточная Европа – 2008: испытание мировым кризисом*. Москва: Институт экономики РАН.

Четверикова А.С. (2020) Пределы экономических взаимосвязей Вишеградской группы, *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, № 2. С. 87–97. DOI: 10.20542/afij-2020-2-87-97.

Шишелина Л.Н. (ред.) (2010) *Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии*. Москва: Весь мир.

References

Chetverikova A.S. (2020) Predely jekonomicheskikh vzaimosvjazej Vishegradskoj grupy [The limits of economic relations of the Visegrad Group], *Analiz i prognoz. Zhurnal IMJeMO RAN*, No 2, pp. 87–97. DOI: 10.20542/afij-2020-2-87-97. (in Russian).

Drynochkin A.V., Sergeev E.A. (2016) Beniljuks i Vishegradskaja grupa: opyt sopostavlenija [Benelux and Visegrad countries: comparative analysis], *Sovremennaja Evropa*, No 6, pp. 53–62. DOI: 10.15211/soveurope620165362. (in Russian).

Gabarta A.A. (2017) Social'no-jekonomicheskaja model' stran Central'noj Evropy [Social and economic model of Central European countries], *Sovremennaja Evropa*, No 7, pp. 104–113. (in Russian).

Issledovanie investicionnoj privlekatel'nosti stran Evropy [Study of the investment attractiveness of European countries]. EY, 2020. 44 p., URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/news/2020/07/european-attractiveness-survey-russia-2019-rus.pdf (accessed: 13.04.2021) (in Russian).

Jasiecki K. (2020) The role and importance of economic cooperation of the Visegrad Group countries in the European Union, *Online journal Modelling the New Europe*, No 33, p. 25–45.

Kiss J. (2015) Prospects of the Visegrad Cooperation in Changing Economic, Political and Social Conditions – Identifying Converging and Diverging Factors, in Tury G. (ed.), *Prospects of the Visegrad Cooperation: Identifying Converging and Diverging Factors*. Budapest, Institute of World Economics, Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Academy of Sciences, Hungary, pp. 329–367.

Kulikova N.V. (red.) (2009) *Central'naja i Jugo-Vostochnaja Evropa – 2008: ispytanie mirovym krizisom* [Central and South-Eastern Europe – 2008: Test by Global Crisis], Institute of Economics RAS, Moscow. (in Russian).

Sapir A. (2020) Why has Covid-19 hit different European Union economies so differently?, *Policy Contribution*, No 18, pp. 1–13.

Shishelina L.N. (red.) (2010) *Vishegradskaja Evropa: otкуда i kuda? Dva desjatiletija po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovakkii i Chehii* [Visegrad Europe: Where and Where From? Two decades on the path of reforms in Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic], Ves' mir, Moscow. (in Russian).

Szanyi M. (2020) Changing Trends of Foreign Direct Investments in East Central Europe, in Szunomar A. (ed.), *Emerging-market Multinational Enterprises in East Central Europe*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

Szunomar A. (ed.) (2020) *Non-European Emerging-Market Multinational Enterprises in East Central Europe*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

The Visegrad Four in Times of Crisis

Received 16.04.2021

Author: Chetverikova A., Candidate of Science (Economics), Leading Researcher, Centre for European Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN). **Address:** 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997. **E-mail:** chetverikova@imemo.ru

Abstract. The article contains an analysis of the Visegrad Group's approaches to the world financial and economic crisis of 2008 and the pandemic in 2020. The reasons which determined the increase of the Four's importance in the EU during periods of global distress for a number of economic indicators are outlined. Special attention is paid to the economic dynamics of Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic in 2020 in comparison to the time of crisis of 2008-2009 and to the factors influencing the response of countries to the complementary economic issues. The transformation of trade and investment relations within the Visegrad Group during the crisis periods is considered. The reasons for changes inside the group are identified. The conclusion is drawn that external challenges cause the weakening of relations within the Four in several areas; the Visegrad market can not fully play the compensatory role for its members in emergency conditions. However, the opportunity for expanding relations within the Group in the future is not excluded. The results of the experts' survey on the attitudes of the Four during periods of external challenges, relations within the Visegrad Group and directions for future development are presented.

Key words: Visegrad Group, world financial and economic crisis, pandemic, position in the EU, intra-group communications.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420213746>

УДК 327

Анастасия МАМЕДОВА

ФАКТОР США В ОТНОШЕНИЯХ БРИТАНИИ И КИТАЯ

Статья поступила в редакцию 01.10.2020

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция подходов Соединенного Королевства к КНР в контексте британо-американских отношений. Углубление британо-китайского экономического партнерства на фоне возрастающей конкуренции между Вашингтоном и Пекином стало причиной противоречий между США и Великобританией. При Дональде Трампе прямое и косвенное давление на Лондон заметно возросло. Вашингтон заинтересован в создании коалиции стран Запада (G7 и разведывательный союз «Пять глаз»), направленной на диверсификацию поставок, снижение зависимости в этой сфере от Китая и ограничении доступа Пекина к передовым технологиям. Влияние США на британскую политику в отношении КНР рассмотрено на следующих примерах: допуск китайских инвесторов к строительству АЭС Хинкли-Поинт Си, вступление Британии в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, участие компании «Хуавэй» в развертывании сетей 5G и военно-техническое сотрудничество Лондона и Вашингтона в поддержку свободы судоходства в Южно-Китайском море.

Ключевые слова: США, Британия, Китай, особые отношения, АБИИ, «Хуавэй», 5G, атомная энергетика, Южно-Китайское море, «Пять глаз».

На фоне дискуссий о будущем либерального мирового порядка [Громько, 2018; Нуе, 2019] и стратегии Британии после выхода из ЕС [Blagden, 2019; Годованюк, 2020; Хахалкина, 2021] взаимодействие Соединенного Королевства и КНР стало важным аспектом британо-американских «особых отношений». С одной стороны, усилилось глобальное соперничество Вашингтона и Пекина, с другой – в 2015 г. началось углубление британо-китайских экономических связей. Изменение подходов США, Великобритании и Австралии к возвышению КНР и их сравнительный анализ сквозь призму «полей национальной безопасности» представлены в статье Маккорта [McCourt, 2021]. Цель нашей статьи – рассмотреть противоречия между Вашингтоном и Лондоном, вызванные углублением британо-китайского экономи-

© *Мамедова Анастасия Октаевна* – к.и.н., преподаватель Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76. **E-mail:** mamedova.a.o@my.mgimo.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420214757>

ческого партнерства, и проследить эволюцию китайской политики Соединенного Королевства в свете британо-американских отношений.

Политика «поворота к Азии» президента Обамы была направлена на закрепление превосходства США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) путем усиления военного и экономического присутствия, упрочения двусторонних связей в регионе в ответ на мощный экономический рост Китая. США подчеркивали, что конфронтация с Пекином не является неизбежной, однако эти меры можно рассматривать как подготовку к сдерживанию.

При Трампе Вашингтон пошел на конфронтацию с КНР: развязал торговую войну, желая изменить торговый баланс в свою пользу, реанимировал созданный в 2007 г. четырехсторонний диалог по вопросам безопасности («Quad» – США, Япония, Австралия, Индия), направленный на укрепление военного сотрудничества демократических государств в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР)¹ [Батюк, 2021]. В ноябре 2019 г. США, Япония и Австралия дали старт инфраструктурному проекту «Сеть голубых точек» – конкуренту китайской инициативы «Один пояс, один путь» в ИТР. В мае 2020 г. в докладе Белого дома признавалось, что китайская политика США, проводимая с 1970-х гг., не достигла цели; отношения с Китаем характеризовались как стратегическое соперничество, для ведения которого США возвращались к позициям «принципиального реализма». Цель сдержать развитие Китая или изменить его внутреннюю модель управления не ставилась². Документ о национальной безопасности США от марта 2021 г. свидетельствует о преемственности курса администрации Байдена–Харрис в отношении Китая³.

Согласно «Обзору стратегии национальной безопасности и стратегической обороны и безопасности» 2015 г., Британия претендовала на роль ведущего партнера Китая среди западных держав⁴. С течением времени концептуальный подход к отношениям с Китаем начал меняться. В меморандуме Форин-офиса 2018 г., посвященном «Глобальной Британии», еще прослеживался оптимизм Д. Кэмерона и Дж. Осборна по поводу британо-китайских отношений, но признавалось и наличие серьезных разногласий по правам человека и ценностям, Южно-Китайскому морю и Гонконгу. Британия заявляла о своей солидарности с США «перед лицом возрож-

¹ Концепция Индо-Тихоокеанского региона окончательно закрепились в СНБ США 2017 г.; активно используется в дискуссии о «Глобальной Британии». Целью «переформатирования» АТР в ИТР было снижение значения Китая и его инфраструктурной инициативы «Один пояс, один путь», а также противодействие укреплению его позиций в Южно-Китайском море, которое позволило бы Пекину контролировать одну из важнейших судорожных артерий мира – Малаккский пролив, соединяющий Индийский и Тихий океаны.

² United States' Strategic Approach to the People's Republic of China 2020. 16 p. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (дата обращения: 25.08.2020)

³ Interim National Security Strategic Guidance. The White House. March 2021. 23 p. Pp. 20–21.

⁴ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015: A Secure and Prosperous United Kingdom. Cm 9161. UK Government. 2015. 94 p. Pp. 18, 14.

дающей России и новых форм угроз по всему миру, а также последствий растущей агрессивности Китая»¹.

Сигналом возможной переоценки отношений стала публикация в марте 2019 г. парламентского доклада о месте Китая в международной системе, «основанной на правилах». Депутаты критиковали «Обзор» 2015 г. из-за чрезмерной сосредоточенности на экономике, недооценки рисков, отсутствия упоминания КНР среди стран, игнорирующих международные нормы. В парламенте все еще приветствовали углубление британо-китайского партнерства, однако отмечали, что это не должно быть главной целью внешней политики Лондона по отношению к Пекину, иначе правительство рискует поставить экономические соображения выше «стратегических интересов, ценностей и национальной безопасности»². Комитет по международным отношениям Палаты общин призвал британское правительство выработать подробную официальную стратегию в отношении Китая³.

В британском комплексном обзоре 2021 г. заметно ужесточение позиции Лондона и сближение с американским подходом; ИТР объявлен жизненно важным регионом для британской экономики, безопасности и ценностей. Пекин признан системным конкурентом и главной угрозой экономической безопасности, исходящей от государства; заявлено о необходимости защиты важнейших элементов национальной инфраструктуры. В то же время Лондон по-прежнему говорит об открытости для китайской торговли и инвестиций и сотрудничестве по глобальным вопросам⁴.

В отношениях США–Британия–Китай с 2015 г. можно выделить две проблемы. Первая – это перспективы британо-китайских экономических отношений. Вторая – военно-политическое сотрудничество Лондона и Вашингтона в поддержку свободы судоходства в Южно-Китайском море. Политики и эксперты в Соединенном Королевстве, но главным образом в США, отмечают, что политические и экономические интересы союзников часто не совпадают; экономическая выгода противопоставляется безопасности и демократической солидарности. Мы подробнее остановимся на нескольких примерах, в которых отчетливо видны попытки Вашингтона влиять на британскую политику, что становится внешним ограничителем британо-китайских экономических отношений после выхода из ЕС [Crooks, Farnell 2019].

Строительство АЭС Хинкли-Поинт Си

На фоне пересмотра правительством Д. Кэмерона отношений с ЕС и переоценки особых отношений с США Британия взяла курс на диверсификацию внешней политики за счет углубления экономических отношений с Пекином. В июне 2014 г.

¹ Appendix: Memorandum from the Foreign and Commonwealth Office March 2018. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaaff/780/78008.htm#_idTextAnchor035 (дата обращения: 19.09.2020)

² China and the Rules-Based International System. Sixteenth Report of Session 2017 – 2019. HC 612. House of Commons Foreign Affairs Committee. 4 April, 2019. Pp. 49–50.

³ Ibid.

⁴ Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. CP 403. HM Government. March 2021. 111 p. Pp. 26, 62–63, 66–67.

в рамках визита в Лондон премьера Государственного совета КНР Ли Кэцзяна было подписано соглашение о сотрудничестве в гражданской атомной энергетике, что открыло путь к участию Китая в строительстве АЭС Хинкли-Поинт Си¹. Еще лейбористское правительство в 2000-е гг. начало пересмотр энергетической политики страны с целью снизить выбросы и диверсифицировать источники энергии. Осенью 2015 г. Дж. Осборн в ходе визита в Пекин провозгласил начало «золотого десятилетия» в отношениях двух стран. За этим последовал исторический государственный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Лондон: стороны заявили о намерении «выстраивать глобальное всеобъемлющее стратегическое партнерство в XXI веке»². Было объявлено о создании ряда диалогов, в том числе по вопросам безопасности, а также заключены соглашения на 40 млрд ф. ст. Кэмерон объявил о привлечении Китая к проекту по подъему экономики севера Англии (Northern Powerhouse). Однако главным событием стало подписание стратегического инвестиционного соглашения по участию в строительстве АЭС Хинкли-Поинт Си между французской государственной электрогенерирующей компанией EDF и китайской государственной корпорацией China General Nuclear Power Corporation (CGN) с долями участия 66,5% и 33,5% соответственно³.

Правительство Мэй выбрало более осторожный курс в отношении Пекина. В апреле 2016 г. США представил обвинительный акт, в котором CGN и другие китайские компании обвинялись в сговоре по созданию ядерных технологий с целью «обеспечить преимущество КНР»⁴. Вступив в должность премьер-министра, Т. Мэй неожиданно отложила принятие окончательного решения по строительству АЭС Хинкли-Поинт Си и лишь спустя несколько месяцев одобрила пересмотренный проект с условием, что EDF не сможет продать контрольный пакет акций Хинкли-Поинт Си до завершения строительства без ведома и согласия британского правительства⁵. В соглашении по Хинкли-Поинт Си предусмотрено, что в даль-

¹ Multimillion boost to UK economy as China and UK government sign civil nuclear agreement and sign agreement to deepen cooperation on climate change. 17 June, 2014. URL: <https://www.gov.uk/government/news/multimillion-boost-to-uk-economy-as-china-and-uk-government-sign-civil-nuclear-agreement-and-sign-agreement-to-deepen-cooperation-on-climate-change> (дата обращения: 19.09.2020)

² UK-China Joint Statement 2015. 22 October, 2015. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-china-joint-statement-2015> (дата обращения: 19.09.2020)

³ Hinkley Point C to power six million UK homes. 21 October, 2015. URL: <https://www.gov.uk/government/news/hinkley-point-c-to-power-six-million-uk-homes> (дата обращения: 19.09.2020)

⁴ U.S. Nuclear Engineer, China General Nuclear Power Company and Energy Technology International Indicted in Nuclear Power Conspiracy against the United States. April 14, 2016. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/us-nuclear-engineer-china-general-nuclear-power-company-and-energy-technology-international> (дата обращения: 19.09.2020)

⁵ Government confirms Hinkley Point C project following new agreement in principle with EDF. Department for Business, Energy & Industrial Strategy. 15 September 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/news/government-confirms-hinkley-point-c-project-following-new-agreement-in-principle-with-edf> (дата обращения 27.08.2021)

нейшем CGN сможет не только построить, но и управлять АЭС Брэдуэлл, а французская EDF не будет иметь контрольного пакета акций¹. 29 сентября 2016 г. соглашение по Хинкли-Поинт Си было подписано.

В октябре 2018 г. США вновь попытались повлиять на позицию Британии, ссылаясь на то, что CGN участвует в передаче технологий, которые могут быть использованы в военных целях². В августе 2019 г. компания была внесена в «Список организаций» Бюро промышленности и безопасности, т.е. признавалось, что ее деятельность создает угрозу национальной безопасности США³.

В настоящее время CGN участвует по-прежнему в трех проектах АЭС в Британии, однако в Лондоне рассматривают возможность заменить китайских инвесторов американскими⁴. Кроме того, в Соединенном Королевстве изучают альтернативы крупным АЭС⁵. Например, консорциум во главе с компанией «Роллс-Ройс» добивается получения финансирования от британского правительства на разработку и строительство небольших модульных ядерных реакторов. Эти шаги свидетельствуют о пересмотре подходов к сотрудничеству с КНР, особенно в области критической национальной инфраструктуры, что полностью соответствует интересам США.

Вступление Британии в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций

В марте 2015 г. канцлер казначейства Джордж Осборн, которого считают архитектором нового внешнеполитического курса в отношении Китая, объявил о намерении Британии вступить в созданный КНР Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) на правах государства-основателя – первой среди стран Запада.

Администрация Обамы восприняла этот шаг как попытку изменить сложившуюся мировую финансовую архитектуру и составить конкуренцию Всемирному банку (ВБ), активно убеждая другие страны бойкотировать деятельность АБИИ [Hameri, Jones, 2018: 574]. В Белом доме признали суверенное решение Британии, но вы-

¹ Stefanini S. Theresa May gives Hinkley the green light. 15 September, 2016. Politico.eu. URL: <https://www.politico.eu/article/uk-has-approved-hinkley-with-conditions-report/> (дата обращения: 19.09.2020)

² Sheppard D. US warns Britain against Chinese alliances on nuclear plants. The Financial Times. 25 October, 2018. URL: <https://www.ft.com/content/84ab26f6-d7a5-11e8-a854-33d6f82e62f8> (дата обращения: 19.09.2020)

³ Shepherd C. US blacklists Chinese nuclear company over theft of military tech. The Financial Times. 15 August, 2019. URL: <https://www.ft.com/content/9601ebda-bf24-11e9-b350-db00d509634e> (дата обращения: 20.09.2020)

⁴ Ambrose J. China's nuclear power firm could be blocked from UK projects. The Guardian. 26 July, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2021/jul/26/chinas-nuclear-power-firm-could-be-blocked-from-uk-projects> (дата обращения: 28.08.2021)

⁵ Ryan C., Morison R. Rolls-Royce Renews Call for \$2.8 Billion to Build U.K. Reactors. Bloomberg. 21 May, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-05-21/rolls-royce-renews-call-for-2-8-billion-to-build-u-k-reactors> (дата обращения: 13.07.2021)

разили надежду, что она использует свое влияние, чтобы поддерживать «высокие стандарты управления» в новом банке. В Вашингтоне настороженно отнеслись к «тенденции, постоянного умиротворения Китая»¹. Эксперты обвинили Британию в продвижении своих коммерческих интересов в ущерб демократической солидарности и ценностям² [Мамедова 2018].

В последующие годы США публично не критиковали Британию за участие в АБИИ. Вопреки первоначальным опасениям, что банк составит конкуренцию Азиатского банка развития и Всемирному банку, АБИИ стал одной из многих, часто конкурирующих между собой структур в КНР, занимающихся международным финансированием развития, в том числе проекта «Один пояс, один путь» [Nameiri, Jones, 2018: 574, 579, 593]. Действия Лондона не повредили интересам США.

Дискуссия вокруг «Хуавэй» и 5G в Великобритании

Самые острые дискуссии между Британией и США вызвала перспектива участия китайской телекоммуникационной компании «Хуавэй» в развертывании сетей 5G.

В мае 2019 г. компания оказалась в «Списке организаций» Бюро промышленности и безопасности США после того, как президент Трамп не смог убедить европейских союзников отказаться от использования ее технологий³. Однако в британском Национальном центре кибербезопасности посчитали, что смогут минимизировать риск от использования китайского оборудования⁴. Несмотря на давление и даже угрозы со стороны Вашингтона прекратить сотрудничество в области безопасности⁵, в январе 2020 г., накануне выхода из ЕС и еще до начала торговых переговоров с США правительство Джонсона объявило о решении допустить компа-

¹ Watt N., Lewis P., Branigan T. US anger at Britain joining Chinese-led investment bank AIIB. The Guardian. 13 March, 2015. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/mar/13/white-house-pointedly-asks-uk-to-use-its-voice-as-part-of-chinese-led-bank> (дата обращения: 16.07.2021)

² Wright T. A special argument: The U.S., U.K., and the AIIB. Brookings. 13 March, 2015. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/03/13/a-special-argument-the-u-s-u-k-and-the-aiib/> (дата обращения: 16.07.2021); Gracie C. China and 'the Osborne Doctrine'. The BBC. 19 October, 2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-34539507> (дата обращения: 16.07.2021)

³ Kuo L., Borger J. US ban on Huawei a 'cynically timed' blow in escalating trade war, says firm. The Guardian. 21 May, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/may/20/trump-us-ban-huawei-google-trade-war> (дата обращения: 15.07.2021)

⁴ Summary of the NCSC analysis of May 2020 US sanction. National Cyber Security Centre, a part of GCHQ. 14 July, 2020. URL: <https://www.ncsc.gov.uk/report/summary-of-ncsc-analysis-of-us-may-2020-sanction> (дата обращения: 13.07.2021)

⁵ Bienkov A. Trump is losing the support of the United States' closest ally after the president slammed down the phone on them during an 'apoplectic' call. Business Insider. 24 February, 2020. <https://www.businessinsider.com/donald-trump-ally-boris-johnson-abandoning-president-apoplectic-call-betrayal-2020-2> (дата обращения: 19.09.2020)

нию к созданию сетей 5G в ограниченном масштабе¹. «Хуавэй» не допускалась к разработке ключевых элементов телекоммуникационной сети и к работе на секретных объектах, в том числе военных и ядерных². В Кабинете по этому вопросу единства не было: министр внутренних дел Прити Пател высказывала опасения по поводу участия «Хуавэй», несколько бывших министров – сторонников брекзита – выступили против решения Джонсона³.

Критики указывали на недостатки этого решения. Во-первых, сохранялись опасения по поводу безопасности новых сетей. Во-вторых, «Хуавэй» пользовалась государственной поддержкой КНР и благодаря этому получала преимущества⁴.

Открытые источники свидетельствуют о серьезном давлении со стороны США на Британию. Например, сообщалось, что решение Лондона в пользу китайского технологического гиганта в январе 2020 г. привело американского лидера в ярость, а его телефонный разговор с Джонсоном состоялся на повышенных тонах⁵. Тогда же Джонсон отменил визит в США, намеченный на март. В феврале 2020 г. в администрации Трампа заверили, что решение по «Хуавэй» не отразится на обмене разведданными. Однако США дали ясно понять, что не отступят от своего намерения переубедить Британию.

Впоследствии именно под давлением США Лондон изменил свою позицию. После того как 15 мая 2020 г. министерство торговли США ввело новые санкции против компании «Хуавэй», запретив использовать американские микрочипы и программное обеспечение, британский Национальный центр кибербезопасности сообщил, что Британия больше не сможет гарантировать безопасность оборудования 5G, поставляемого «Хуавэй». Позже стали известны некоторые подробности правительственного плана снизить зависимость Британии от КНР в области поставок жизненно важных медицинских и иных непродовольственных товаров (кодовое название Project Defend). Это произошло на фоне возрастающей критики Китая по поводу эпидемии коронавируса⁶.

¹ Hutt D. How China Is Dividing Britain's Tories. Foreign Policy, 8 July, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/08/china-britain-conservatives-tories-5g-investment-europe/> (дата обращения: 19.09.2020)

² New plans to safeguard country's telecoms network and pave way for fast, reliable and secure connectivity // Gov.uk. 28 January, 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/news/new-plans-to-safeguard-countrys-telecoms-network-and-pave-way-for-fast-reliable-and-secure-connectivity> (дата обращения: 24.09.2020)

³ Stewart H., Sabbagh D. UK Huawei decision appears to avert row with US. The Guardian. 28 January, 2020. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2020/jan/28/boris-johnson-gives-green-light-for-huawei-5g-infrastructure-role> (дата обращения: 19.09.2020)

⁴ Hern A. Huawei decision takes UK down path of least resistance. The Guardian. 28 January, 2020. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2020/jan/28/huawei-decision-takes-uk-down-path-of-least-resistance> (дата обращения: 19.09.2020)

⁵ Payne S., Manson K. Donald Trump 'apoplectic' in call with Boris Johnson over Huawei. The Financial Times. 6 February, 2020. URL: <https://www.ft.com/content/a70f9506-48f1-11ea-aec2-9ddbdc86190d> (дата обращения: 19.09.2020)

⁶ Project Defend: New approach to national security aims to diversify supply and 'reshore' manufacture. Institute of Export and International Trade. 22 May, 2020. URL:

В итоге в июле 2020 г. было принято решение запретить британским операторам покупать оборудование «Хуавэй» для создания сетей 5G. Обосновывая решение в Палате общин, Оливер Доуден – министр цифровых технологий, культуры, СМИ и спорта – неоднократно подчеркивал вынужденный характер этого шага ввиду санкций США против китайской компании. Важным моментом в его речи стало упоминание мер по диверсификации поставок (намек на Project Defend), поскольку «весь мир, а не только Соединенное Королевство, оказался в опасной зависимости от слишком малого количества поставщиков». Особого внимания заслуживает его заявление, что Британия в настоящее время работает с партнерами по союзу «Пять глаз» и друзьями по всему миру, «чтобы создать коалицию и добиться наших общих целей»¹. Оно созвучно высказанному ранее предложению Джонсона создать «Клуб десяти демократий»². Предполагалось, что союзники будут развивать мобильные телекоммуникационные технологии пятого поколения и цепочки поставок³. Трамп следом выдвинул идею G11, включив в нее также Россию, однако его предложение не поддержали лидеры G7.

Спустя неделю после решения по «Хуавэй», Британию посетил Помпео. Основными темами его встречи с Джонсоном и главой Форин-офис Д. Раабом были глобальная безопасность, Китай, ближневосточный мирный процесс. Обсуждалось «как важно, чтобы страны-участницы союза “Пять глаз” начали энергично сотрудничать в области технологий будущего»⁴. Также были запланированы встречи с воинственно настроенными по отношению к Китаю заднескамеечниками от Консервативной и Лейбористской партий, а затем лидером лейбористов Киrom Стармером⁵.

В этот период все яснее проступали контуры противостояния США и их союзников с Пекином. Японский министр обороны предложил допустить его страну в союз «Пять глаз»; некоторые британские парламентарии также рассматривали возможность перенести сотрудничество в рамках союза на экономическую сферу:

<https://www.export.org.uk/news/509100/Project-Defend-New-approach-to-national-security-aims-to-diversify-supply-and-reshore-manufacture.htm> (дата обращения: 19.09.2020)

¹ UK Telecommunications. Volume 678. The Secretary of State for Digital, Culture, Media and Sport (Oliver Dowden). 14 July, 2020. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2020-07-14/debates/9467A1F1-B87B-4E16-AD0C-DFF02A51981A/UKTelecommunications> (дата обращения: 19.09.2020)

² Помимо нынешних членов G7 – Австралия, Индия, Республика Корея.

³ Brattberg E., Judah B. Forget the G-7, Build the D-10. Foreign Policy. 10 June, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/06/10/g7-d10-democracy-trump-europe/> (дата обращения: 19.09.2020)

⁴ PM meeting with US Secretary of State Mike Pompeo: 21 July 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-meeting-with-us-secretary-of-state-mike-pompeo-21-july-2020> (дата обращения: 19.09.2020)

⁵ Hughes L., Manson K. UK suspends Hong Kong extradition treaty ‘indefinitely’. The Financial Times. 20 July, 2020. URL: <https://www.ft.com/content/8fceb18-f65e-4a6d-89ba-73bf643ca38b> (дата обращения: 19.09.2020)

объединить стратегические резервы наиболее важных видов минерального сырья и медицинских средств¹.

Ситуация в Южно-Китайском море

Участие Британии в операциях США в поддержку свободы судоходства в Южно-Китайском море – важный пункт британо-американской повестки. В январе 2019 г. США и Великобритания впервые провели совместные учения в регионе, а Пекин оценил действия Лондона как провокацию². Весной 2019 г. британский парламент призвал правительство сформировать четкую стратегию по участию в операциях в Южно-Китайском море. Использование свободы судоходства для демонстрации военной мощи или глобального присутствия там считали неправильным. В парламенте с настороженностью отнеслись к «недостаточно освещенному» военному присутствию королевства в ИТР, полагая, что Пекин оценит это как «грубую попытку сдержать расширение его влияния»; тем не менее отмечалось, что сотрудничество с союзниками в этом регионе не должно становиться вопросом британо-китайских экономических отношений³.

Правительство Джонсона стремится продемонстрировать поддержку США в ИТР: в мае 2021 г. Лондон направил авианосную ударную группу в Тихий океан⁴. Группа проследовала, в том числе, по Южно-Китайскому морю. Пекин воспринял этот шаг как недружественный. Ряд британских экспертов скептически отнеслись к военной составляющей этой миссии, оценивая ее как символический и дипломатический жест⁵. При этом цели развертывания не ограничиваются военными учениями, а также предполагают торговую миссию⁶. В комментарии американского министра обороны содержался намек на то, что Британия как союзник, возможно, принесет больше пользы в других частях света, если США усилят свое присутствие в Азии⁷.

¹ Wintour P. Five Eyes alliance could expand in scope to counteract China. The Guardian. 29 July, 2020. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/jul/29/five-eyes-alliance-could-expand-in-scope-to-counteract-china> (дата обращения: 19.09.2020)

² U.S., Britain conduct first joint drills in contested South China Sea. 16 January, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-britain-southchinasea/us-britain-conduct-first-joint-drills-in-contested-south-china-sea-idUSKCN1PA0PV> (дата обращения: 28.08.2021)

³ China and the Rules-Based International System. Sixteenth Report of Session 2017 – 2019. HC 612. P. 22.

⁴ В 2017 г. еще будучи главой Форин-офис Борис Джонсон объявил, что Британия направит свои новые авианосцы «Королева Елизавета» и «Принц Уэльский» в Азиатско-Тихоокеанский регион для защиты «свободы судоходства». См.: Doherty B. Britain's new aircraft carriers to test Beijing in South China Sea. The Guardian. 27 July, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2017/jul/27/britains-new-aircraft-carriers-to-test-beijing-in-south-china-sea> (дата обращения: 19.05.2019)

⁵ Там же.

⁶ Beale J. HMS Queen Elizabeth: Why is a UK aircraft carrier going on a world tour? The BBC. 21 May, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-57195317> (дата обращения: 12.07.2021)

⁷ Secretary of Defense Lloyd J. Austin III Participates in Fullerton Lecture Series in Singapore. 27 July, 2021. URL:

Участие Британии в коалициях, созданных в противовес Китаю в Азии, оттягивает ограниченные ресурсы из Евро-Атлантики, которая входит в сферу ее жизненно важных интересов, и станет препятствием для получения экономической выгоды от сотрудничества с Пекином в условиях нарождающейся многополярности [Blagden 2019: 225].

Выводы

Резкая смена курса США в отношении Поднебесной с приходом в Белый дом президента Трампа контрастировала с постепенной британской переоценкой выгод и рисков от экономического сотрудничества с КНР. Американское влияние на китайскую политику Лондона становилось все более заметным. В то время как вступление Британии в АБИИ не оказало влияния на британо-американские отношения, допуск китайской компании «Хуавэй» к развертыванию сетей 5G на территории Соединенного Королевства вынудил США прибегнуть как к прямому, так и косвенному давлению на союзника, чтобы заставить его отказаться от этого решения. Британо-китайское сотрудничество по Хинкли-Поинт Си продолжается, но США не оставят попыток свести его к минимуму в будущем.

Британцы прилагали усилия, чтобы сделать американский подход более конструктивным, например, создать «Клуб десяти демократий», чтобы снизить зависимость от поставок и технологий из стран не-Запада. Расхождения по Китаю наблюдались не только в британо-американских отношениях, но и внутри Соединенного Королевства, например, в Консервативной партии. По вопросу патрулирования Южно-Китайского моря Британия поддерживает США, несмотря на негативную реакцию Пекина.

Ситуация вокруг компании «Хуавэй» в контексте британо-американских отношений наглядно показала, как США стремятся создать коалицию стран политического Запада с целью диверсификации поставок, снижения зависимости от Китая и ограничения доступа Пекина к передовым технологиям. Важная роль отводится союзу «Пять глаз». Комплексный обзор национальной безопасности Британии 2021 г. свидетельствует о пересмотре политики в отношении Китая, произошедшем под влиянием Вашингтона.

Список литературы

- Батюк В.И. (2021) Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия. *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 135–153. DOI: 10.31249/ape/2021.01.06
- Годованюк К.А. (2020) «Глобальная Британия» в преддверии брекзита. *Доклады Института Европы*. № 373. ИЕ РАН, Москва. DOI: 10.15211/report62020_373
- Громько Ал.А. (2018) Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики, *Современная Европа*. № 4. С. 5–16. DOI: 10.15211/soveurope420180516
- Мамедова А.О. (2018) Дискуссия в США и Великобритании о состоянии и перспективах особых отношений, *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, № 2 (10). С. 33–60.
- Хахалкина Е.В. (2021) «Глобальная Британия»: от идеи к воплощению, *Современная Европа*. № 1. С. 21–32. DOI: 10.15211/soveurope120212132

<https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/2711025/secretary-of-defense-lloyd-j-austin-iii-participates-in-fullerton-lecture-serie/> (дата обращения: 30.08.2021)

References

- Batyuk V.I. (2021) Indo-Tikhookeanskaya strategiya SShA i Evraziya [US Indo-Pacific Strategy and Eurasia]. *Aktualnye problemy Evropy*. No 1, pp. 135–153. DOI: 10.31249/ape/2021.01.06 (in Russian).
- Blagden D. (2019) Power, polarity, and prudence: the ambiguities and implications of UK discourse on a multipolar international system. *Defence Studies*. Vol. 19. No 3, pp. 209–234. DOI: 10.1080/14702436.2019.1643243
- Crooks P.I., Farnell J. (2019) The UK's Strategic Partnership with China beyond Brexit: Economic Opportunities Facing Political Constraints. *Journal of Current Chinese Affairs*. Vol. 48. No 1, pp. 106–121. DOI: 10.1177/1868102619858783
- Godovanyuk K.A. (2020) «Globalnaya Britaniya» v preddverii brexita [«Global Britain» in the run-up to brexit]. *Doklady Instituta Evropy*. No 373. IE RAN, Moscow. DOI: 10.15211/report62020_373 (in Russian).
- Gromyko A.I.A. (2018) Raskoloty Zapad: posledstviya dlya Evroatlantiki [The West Divided: Consequences for Euro-Atlantic]. *Sovremennaya Evropa*. No 4, pp. 5–16. DOI: 10.15211/soveurope420180516 (in Russian).
- Hameiri S., Jones L. (2018) China challenges global governance? Chinese international development finance and the AIIB. *International Affairs*. Vol. 94. No 3, pp. 573–593. DOI: 10.1093/ia/iyy026
- Khakhalkina E.V. (2021) «Globalnaya Britaniya»: ot idei k voploshcheniyu [“Global Britain: From Idea to Implementation”]. *Sovremennaya Evropa*. No 1, pp. 21–32. DOI: 10.15211/soveurope120212132 (in Russian).
- Mamedova A.O. (2018) Diskussiya v SShA i Velikobritanii o sostoyanii i perspektivah osobykh otnosheniy [The Present and the Future of the Special Relationship: The Debate in the United States and the United Kingdom]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. Vol. 10. No 2, pp. 33–60. (in Russian).
- McCourt D.M. (2021) Framing China's rise in the United States, Australia and the United Kingdom. *International Affairs*. Vol. 97. No 3, pp. 643–665. DOI: 10.1093/ia/iab009
- Nye J.S. (2019) The rise and fall of American hegemony from Wilson to Trump. *International Affairs*. Vol. 95. No 1, pp. 63–80. DOI: 10.1093/ia/iyy212

UK-China Relations: the U.S. Factor

Received 01.10.2020

Author: Mamedova A., Candidate of Science (History), Lecturer at the School of International Relations, MGIMO University. **Address:** 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** mamedova.a.o@my.mgimo.ru

Abstract. The article explores the evolution of the UK's approach to China through the lens of UK-US relations. A deeper UK-China economic partnership amid growing competition between Washington and Beijing has given rise to U.S.-UK divergences. They resulted in mounting pressure on the UK, which exacerbated under the Trump administration. The US wants to form a coalition of countries belonging to the political West (e.g., G7 and Five Eyes) to diversify supplies, decrease its dependence on Chinese goods and prevent Beijing from acquiring cutting-edge technologies. The following cases are described to explore U.S. attempts to influence Sino-British relations: the UK government's decision to allow Chinese investors to participate in building Hinkley Point C nuclear power station, the UK's accession to the Asian Infrastructure Investment Bank, clearing Huawei technologies for use in the UK's 5G networks and US-UK military cooperation to exercise freedom of navigation in the South China Sea. This pressure is especially evident when U.S. national interests are directly affected, as the Huawei case shows. Moreover, the Conservative party is split when it comes to dealing with China. The UK has been trying to make the US position on China more constructive. Unlike the US, the UK's approach to China has been changing gradually.

Key words: U.S., UK, China, special relationship, AIIB, Huawei, 5G, nuclear energy, South China Sea, Five Eyes.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420214757>

=====

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

УДК 338.2, 339.9

Владислав БЕЛОВ

**КОРОНАКРИЗИС VERSUS СОЦИАЛЬНОЕ
РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО ГЕРМАНИИ***

Статья поступила в редакцию 09.05.2021

Аннотация. Коронакризис, обусловленный пандемией COVID-19, оказал негативное влияние на все стороны социального рыночного хозяйства Германии. Впервые в его истории основной причиной кризисных явлений стало вмешательство государства в механизмы рынка, а не факторы, имеющие экономическую природу. Первые последствия пандемии одновременно проявились во всех экономиках мира, включая Европу. Федеральные и земельные исполнительные власти ФРГ с марта 2020 г. после введения жёстких ограничительных мер для населения и бизнеса приняли несколько масштабных хозяйственно-политических программ, направленных на предотвращение банкротств экономических субъектов, сохранение рабочих мест и обеспечение социальной стабильности в стране. Наряду с использованием конъюнктурных инструментов, призванных остановить падение ВВП и дать импульсы его росту, немецкое государство проводило активную структурную политику, согласованную с Брюсселем и направленную на обеспечение энергетического и цифрового перехода к климатически нейтральной экономике и преодолению выявленных пандемией дефицитов и проблем. Берлин принял решение отказаться от политики профицитного бюджета и перейти к масштабным внешним заимствованиям для финансирования антикризисных программ. Автор проанализировал первые итоги влияния коронакризиса на хозяйственно-политическое пространство Германии с точки зрения его конкурентоспособности, исследовал результативность государственной политики по противодействию кризисным явлениям и оценил экономические перспективы ведущего партнёра России на западе евразийского континента.

Ключевые слова: Германия, ЕС, германо-французский тандем, пандемия COVID-19, коронакризис, ВВП, госбюджет, рынок труда, конъюнктурная и структурная политика.

© **Белов Владислав Борисович** – к.э.н., заместитель директора по научной работе Института Европы РАН, заведующий Отделом страновых исследований, руководитель Центра германских исследований ИЕ РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** vladisbelov@yandex.ru

* *Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).*

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420215870>

Весной 2021 г. исполнился год с начала пандемии COVID-19, затронувшей все страны мира и ставшей причиной коронакризиса. Не имея экономической природы, он привёл к падению ВВП, разрывам глобальных цепочек добавленной стоимости, остановке деятельности миллионов хозяйствующих субъектов, симметричному падению спроса и предложения, росту безработицы и социальной напряжённости. Государства оказались перед незнакомыми вызовами, не имея заранее готовых рецептов для адекватных ответов на них. В полной мере это относится к хозяйственно-политическому лидеру Европейского союза – Германии¹.

В отечественной литературе исследованию причин коронакризиса и его влиянию на различные стороны экономики ведущих европейских стран посвящено достаточно много работ, в которых авторы подробно анализировали последствия пандемии, национальные антикризисные мероприятия, масштабную программу Евросоюза *Next Generation* и другие вопросы [Громыко, 2020; Дынкин,.. 2021; и др.²].

В ряде исследований рассматривались отдельные вопросы влияния пандемии на ФРГ [см. например: Белов, 2020а, 2021b; Кокеев, Хорольская, 2021; Котов, 2021а, 2021b; Супян, 2020 и др.]. Но до сих пор отсутствовали работы, посвящённые комплексной оценке влияния коронакризиса на социальную рыночную экономику Германии и её хозяйственно-политическое пространство. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел. Автор поставил задачу проанализировать итоги экономического развития ФРГ в 2020 г. и первом квартале 2021 г. в условиях пандемии, оценить результативность государственных мер по противодействию кризисным явлениям, включая реакцию немецкого экспертного и предпринимательского сообщества, а также перспективы экономического развития страны в 2021–2022 гг.

Государственные меры в 2020 г.

С переходом эпидемии в фазу пандемии в начале весны 2020 г. государства Евросоюза стали срочно вводить карантинные (причём не согласованные между собой) меры, которые существенно ограничили внутреннюю и международную мо-

¹ В начале января 2013 г. вниманию Бундестага было представлено подготовленное по заказу министерства внутренних дел исследование, содержащее анализ возможных последствий пандемии модифицированного коронавируса (*modi-SARS*) для Германии. Вероятность её наступления в текущем столетии оценивалась как незначительная – немногим выше нуля. Особого внимания разработка учёных поэтому не привлекла. Уже 7 лет спустя, реальные пандемические события, заставшие врасплох федеральные и земельные власти, подтвердили корректность авторских расчётов/оценок потерь и жертв. См.: Bericht zur Risikoanalyse im Bevölkerungsschutz 2012. Deutscher Bundestag Drucksache 17/12051. 17. Wahlperiode 03.01.2013. 88 s.

² См., например: Белов В.Б. COVID-19 – Game Changer европейской экономики? *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3. 2020. С. 4–12. DOI: 10.15211/vestnikieran32020412; Маслова Е.А. Итальянский коронакризис и его последствия: национальное, общеевропейское и глобальное измерения. *Международная аналитика*. 2020. № 11. С. 58–70. DOI: 10.46272/2587-8476-2020-11-1-58-70; Потемкина О.Ю. Влияние COVID-19 на свободу передвижения и миграцию в Евросоюзе. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3. 2020. С. 89–94. DOI: 10.15211/vestnikieran320208994; Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Франко-германский тандем перед лицом коронакризиса. *Современная Европа*. № 4. 2020. С. 16–24. DOI: 10.15211/soveurope420201624

бильность капитала, рабочей силы и домашних хозяйств. Государственное вмешательство стало основным экзогенным фактором, определившим начало и характер кризисных процессов. В отличие от предыдущих кризисов эндогенные факторы (состояние дел у экономических субъектов) не были определяющими. Наряду с возникшими к этому моменту разрывами в глобальных цепочках добавленной стоимости, обусловленными прекращением поставок комплектующих, в основном из Китая, это привело к тому, что экономики европейских стран, особенно сектор услуг, оказались на грани коллапса. Кабинет министров ФРГ в срочном порядке разработал комплекс мер по поддержке хозяйствующих субъектов в условиях введённого им 22 марта жёсткого локдауна. Предложенная антикризисная программа без проволочек была одобрена Бундестагом и Бундесратом. Предусмотренные в ней меры начали действовать с начала апреля [см. также Белов, 2020b; Супян, 2020].

Основным вектором масштабной программы поддержки стал механизм обеспечения ликвидными средствами компаний. Государство создало Фонд стабилизации экономики объёмом в 600 млрд евро, отдав приоритет максимально возможному сохранению отечественного предпринимательского потенциала и его последующему использованию для выхода из обозначившегося глубокого конъюнктурного спада. Предприятия получили льготный доступ к денежным средствам, отсрочку уплаты налогов, а также финансовые гарантии, позволявшие избежать возможные банкротства, на которые был наложен мораторий до осени 2020 г. Для минимизации рисков увольнений и сохранения человеческого капитала была предоставлена масштабная поддержка в переводе работников на сокращённую рабочую неделю (*Kurzarbeit*) и гибкий график работы, а также для выплаты зарплаты при вынужденной остановке работы вследствие локдауна [см. также Кокеев, Хорольская, 2021].

Несмотря на отдельные технические проблемы получения поддержки малыми и микропредприятиями, а также самозанятыми, число которых к началу 2020 г. насчитывало несколько миллионов человек, госпрограмма помогла уже к началу лета стабилизировать ситуацию. Важная роль принадлежала и земельным мерам, которые у отдельных региональных субъектов (например, у Баварии) с начала марта были более широкими и по объёму предоставляемых средств, и по направлениям содействия.

В начале июня немецкое правительство предложило второй национальный пакет поддержки экономики, в этот раз содержащий наряду с конъюнктурными разнообразными структурными мероприятиями объёмом в 130 млрд евро. С 1 июля он стал одной из предпосылок преодоления весеннего постпандемического шока с учётом особенностей энергетического и цифрового перехода Германии к климатически нейтральной экономике [Белов, 2020a; Котов, 2021]. Предусмотренные в нём меры предполагают повышение устойчивости германского штандорта в условиях двойного перехода к климатически нейтральной экономике.

Принципиальным для правительства стало решение об отказе от проводимой в последнее десятилетие политики «чёрного нуля» (т.е. профицита госбюджета), направленной на последовательное снижение уровня госдолга и соблюдение маастрихтских критериев [см. также Котов, 2021]. Положительное бюджетное сальдо в размере 52 млрд евро и относительная низкая государственная задолженность по итогам 2019 г. позволили Берлину без проблем перейти к масштабному привлечению заёмных средств для выполнения хозяйственно-политических обязательств по

поддержке бизнеса и домашних хозяйств¹. В этом отношении ФРГ оказалась в более выгодном положении по сравнению с большинством стран ЕС. В 2020 г. федерация и земли заняли около 300 млрд евро. Совокупный бюджетный дефицит вырос до 185 млрд, а госдолг до 2,2 трлн евро, что привело к превышению маастрихтского критерия примерно на 10%. Дефицит федерального бюджета составил 139,6 млрд евро. Этот показатель стал вторым по величине в истории объединённой Германии.

В период проведения профицитной бюджетной политики в ФРГ сохранялся существенный дефицит в государственных инвестициях в коммунальные и федеральные инфраструктурные проекты, в сферу образования и жилья. Де-факто, недофинансирование, по оценке Кёльнского Института немецкой экономики, по состоянию на начало 2020 г. составило более 450 млрд евро. Если бы необходимые капиталовложения своевременно были направлены в проблемные области, то преодоление пандемийной фазы было бы более успешным.

В условиях коронакризиса Германия изменила свою позицию в отношении европейских займов. В рамках совместной с Францией подготовки предложений по европейскому пакету помощи (май 2020 г.) Берлин неожиданно поддержал идею восстановления экономик государств Евросоюза «за счет заимствований на финансовых рынках от имени ЕС»², а в июле во время председательства ФРГ в Совете ЕС поддержал группу южных стран в их противостоянии с северянами. Похоже, что в течение года пандемия укрепила германо-французский тандем. В мае 2021 г. министры экономики ФРГ и Франции презентовали свои антикризисные программы, которые являются условиями получения средств из Фонда *Next Generation EU* (на полях заметим, что они были гораздо нужнее членам ЕС в 2020 г. – первой половине 2021 г.). Многие эксперты раскритиковали их за отсутствие «далеко идущих реформ». Не отвечая на критику, тандем в конце мая опубликовал «Берлинское заявление» – по своей сути среднесрочную программу совместных действий и шагов во всех сферах, предусмотренных Ахенским соглашением от 22 января 2019 г., в т.ч. в экономике³.

Пандемия и социальное рыночное хозяйство Германии

Самое масштабное в послевоенной истории вмешательство немецкого государства в общественные и экономические процессы поставило на повестку дня вопрос о роли социального рыночного хозяйства в преодолении последствий пандемии и о его будущем.

¹ За десять лет с момента введения «чёрного нуля» (2011) изменились внутренние и внешние условия финансирования – процентные платежи по заёмным средствам существенно снизились. Это качественно улучшило ситуацию с «межпоколенческими обязательствами» – для современных немецких политиков аксиомой является положение о том, что нельзя обременять будущие поколения высокими платежами по долгам, которых они не набирали.

² Франко-германская инициатива по восстановлению Европы в условиях коронавирусного кризиса (18 мая 2020 г.). – Дипломатия Франции. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/venir-en-france/coronavirus-advice-for-visitors-to-france/coronavirus-declarations-officielles/article/initiative-franco-allemande-pour-la-relance-europeenne-face-a-la-crise-du> (дата обращения: 09.05.2021)

³ Deutsch-Französische Erklärung von Berlin. – Pressemitteilung, Nummer 184/21 vom 31. Mai 2021. 18 S.

Здесь есть несколько аспектов:

- максимально быстрая консолидация Германией средств для оказания поддержки домашним хозяйствам и бизнесу была возможна только благодаря десятилетию экономического роста и оздоровлению в этот период государственных финансов. Несмотря на отставание по ряду параметров (в т.ч. цены на электроэнергию, высокие налоги, недостаточно развитая инфраструктура и др.), германское хозяйственно-политическое пространство (штан-дорт) оставалось в этот период одним из самых конкурентноспособных среди других штандортов Евросоюза, удерживая на своей территории факторы капитала и рабочей силы, а также привлекая их;
- государство осознавало тот факт, что рыночные механизмы не способны противодействовать распространению коронавируса и для этого необходимы жёсткие административные меры, введение которых вынужденно, временно и частично приостанавливают их действие. Приоритет сохранения человеческой жизни соответствует конституционной обязанности обеспечения социальной справедливости и социальной безопасности, закреплённой в статьях 20 и 28 Основного закона ФРГ [Супян, 2015];
- в соответствии с этой обязанностью государство смогло существенно смягчить негативный эффект пандемии в отношении социального расслоения и неравенства, в т.ч. за счёт сохранения миллионов рабочих мест и поддержки семей;
- оно выступило в роли основного экономического актора, который частично компенсировал хозяйствующим субъектам резко снизившийся спрос и предложение своими ликвидными средствами, что позволило большинству из них избежать банкротства;
- сохраняя и регулируя уровень ограничительных мер в зависимости от актуальной пандемической ситуации государство весьма быстро возвратилось к рыночным инструментам регулирования, в т.ч. в рамках масштабных программ конъюнктурной и структурной поддержки экономики, ориентированных на долгосрочную трансформацию германского хозяйственного пространства, в т.ч. на основе стимулов, ориентированных на инновации [Schmidt, 2021];
- одновременно на уровне ЕС ФРГ выступила за рост стратегической экономической автономии и защиты критически важных отраслей, в т.ч. от «нежелательных стратегических инвесторов» [Котов, 2021b];
- коронакризис ещё раз высветил существующие дефициты и недостатки германского механизма социального рыночного хозяйства, которые в условиях новых вызовов (климатические изменения, энергетическая и цифровая трансформация) требуют совместных действий политиков, предпринимателей, учёных, экспертов для их устранения и поиска путей дальнейшего повышения привлекательности и устойчивости немецкого экономического штандорта, что особенно важно в условиях обсуждаемого переноса части глобальных цепочек создания стоимости в Европу [Postcoronomics, 2021].

Совершенствование рыночных механизмов – один из важнейших вопросов германо-французского взаимодействия. В рамках национальной и европейской промышленных стратегий (2019–2020 гг.) министр экономики и энергетики П. Альтмайер пошёл на уступки своему французскому коллеге Бруно Ле Мэру, согласившись на усиление дирижистского начала на уровне Евросоюза, а именно в сфере создания различных альянсов, в первую очередь, промышленных, и использовании для этого государственной поддержки в виде важных проектов общеевропейского интереса (*IPCEI*). В настоящее время речь идёт об объединениях заинтересованных участников в сфере аккумуляторных батарей, микроэлектроники, критически важных материалов, экологически чистого водорода, облачных технологий. По всей видимости, их количество при активной поддержке Берлина и Парижа будет расти. Некоторые немецкие экономисты считают, что в условиях глобализации и активного участия других государств в формировании своих мировых лидеров, включая платформенные гиганты в сфере услуг, альтернативы созданию альянсов у ЕС и его стран-членов нет.

Германское государство, как и во время мирового финансового кризиса, особое внимание в условиях пандемии уделило спасению «системных» экономических игроков. В 2008 г. – это были представители кредитно-банковской сферы. В 2020 г. поддержку получил крупнейший авиаперевозчик Европы – компания *Lufthansa*. Государство инвестировало в её капитал 9 млрд евро. В ведущий немецкий туристический концерн *TUI* было вложено около 1 млрд евро, а в производящую вакцину компанию *Curevac* из Тюбингена 300 млн евро. Очередные акты патернализма вызвали критику большинства экспертов, которые считали такие госинвестиции необоснованными и искажающими условия конкуренции, и поэтому призывали ответственных чиновников по мере улучшения экономической ситуации максимально быстро выйти из капитала «спасённых» субъектов [Die Post-Covid-19-Wirtschaft..., 2021]. Немецкое государство никогда не было эффективным предпринимателем. В условиях коронакризиса это проявилось среди прочего в первоначальном провале закупок вакцин и ряде других связанных с пандемией проектов. В отличие от чиновников бизнес показал свою способность быстро и инновационно решать большинство задач в этой сфере [См., например: Wirtschaftspolitik..., 2020].

Обсуждая вопросы повышения гибкости и эффективности государственных механизмов регулирования деятельности хозяйствующих субъектов в условиях коронакризиса, немецкие эксперты обратили особое внимание на использование инструментария экспериментального апробирования новых нормативов и правил на уровне отдельных компаний или отраслей промышленности в течение ограниченного периода времени. Речь идёт о «регулятивных лабораториях реального мира» (*regulatorische Reallabore*), которые уже использует Федеральное министерство экономики и энергетики. Их основная задача состоит в том, чтобы дать ответ на вопрос о фактическом влиянии нового регулирования на поведение предпринимателей и конкуренцию. Более широкое использование таких лабораторий может быть привлекательным для компаний, заинтересованных в снижении нормативных препятствий и затрат – сначала в рамках эксперимента и в случае его успеха – в долгосрочной перспективе для бизнеса в целом. Важной предпосылкой конструктивного взаимодействия государства и участвующих предприятий является инфор-

мационная прозрачность и предоставление последними полноценной отчётности министерству о всех полученных результатах.

Накануне сентябрьских выборов в Бундестаг в германском экспертном и предпринимательском сообществе сложился консенсус относительно необходимости сохранения в ФРГ ведущей роли рыночных механизмов, опирающихся на социальную поддержку государства, что предусматривает его субсидиарность, творческую инициативу и личную ответственность граждан, постоянное сочетание свободы личности с ответственностью за связанные с её предпринимательской деятельностью риски, минимизацию государственного вмешательства в деятельность компаний и обеспечение свободы конкуренции. Одновременно в партийных предвыборных программах есть традиционные нюансы, касающихся регулятивных инструментов, определяющих мотивацию и поведение экономических субъектов (в основном это налоги и рынок труда).

Из эстаблированных политических сил, имеющих шансы войти по результатам выборов в сентябре 2021 г. в ту или иную новую правительственную коалицию, наиболее либеральные положения по экономике – у свободных демократов, за которыми следует консервативный блок ХДС/ХСС и СДПГ, выступающие за оптимальное сочетание социального и предпринимательского начал. Особняком стоит партия «Союз 90/Зелёные», которая считает жёсткое государственное регулирование неотъемлемым элементом перехода к климатически нейтральной экономике, предполагая указывать бизнесу, что делать для достижения экологических целей и, тем самым, де-факто исключая рыночную конкуренцию как фактор, определяющий модели предпринимательского поведения в условиях двойного перехода. В итоге основной мотивацией становится не рынок, а борьба за многомиллиардные государственные дотации, за которые в первую очередь будет конкурировать крупный бизнес, а затем и его субконтракторы – малые и средние фирмы. Подмена рыночной конкуренции соперничеством за доступ к средствам государственных программ явно противоречит основам конкурентного порядка – основного в совокупности хозяйственных порядков, конституирующих германскую социальную рыночную модель.

Влияние государственной поддержки на конъюнктурное развитие

Ограничительные меры государства в начале весны 2020 г. стали основной причиной беспрецедентного падения немецкого ВВП на 11,3% во втором квартале по отношению к аналогичному периоду 2019 г. Такого падения не наблюдалось с 1970 г., когда Федеральное статистическое ведомство начало учитывать квартальные данные. Самое большое снижение произошло в обрабатывающей промышленности – 22,3%; секторах торговли, транспорта, гостиничного хозяйства – 14,2%; предпринимательских услуг – 12,6%, прочих услуг – 20,3%. Значительно сократилось потребление домашних хозяйств, валовые капиталовложения в оборудование, экспорт и импорт товаров и услуг, а также производительность труда (см. таблицу 1).

Благодаря принятым кабинетом министров мартовскому и июньскому пакетам помощи и ослаблению ограничений экономика в третьем квартале стала постепенно восстанавливаться. Темпы падения ВВП и других основных показателей в годовом исчислении существенно снизились, обозначив перспективы постепенного вы-

хода из коронакризиса и преодоления его последствий. В отличие от продолжающегося падения в сфере услуг обрабатывающая промышленность со второй половины года, в т.ч. благодаря внешнему спросу (особенно со стороны США и Китая), постоянно росла. В третьем квартале по отношению к предыдущему рост составил 13,9%, в четвертом – 6,7%. В первые три месяца 2021 г. выпуск продукции вырос на 0,7% [Pandemie... 2021].

Таблица 1

Квартальная динамика реальной валовой добавленной стоимости (ВДС) по секторам экономики и компонентов реального валового внутреннего продукта (ВВП) Германии в 2020 г. – начале 2021 г. (к кварталу пред. года, в %%)

	1 кв.2020	2 кв.2020	3 кв.2020	4 кв.2020	1 кв.2021
Валовая добавленная стоимость по секторам					
Сельское, лесное, рыбное хозяйство	3,9	2,9	3,0	3,0	-2,8
Промышленность (без строительства), в т.ч.	-5,7	-21,3	-9,6	-1,8	-1,2
- обрабатывающая	-5,9	-22,7	-10,6	-1,8	-1,2
Строительство	6,1	2,0	-1,7	8,8	-3,6
Торговля, транспорт, гостиничное хозяйство	-0,1	-14,2	-3,1	-3,8	-8,2
Информ.-коммуникац. технологии (ИКТ)	0,3	-3,4	-0,7	0,4	0,7
Финансы и страхование	1,1	-0,5	-0,7	-1,4	-0,4
Недвижимость, жилье	0,6	-1,7	-0,5	0,0	0,2
Предпринимательские услуги	-1,7	-12,6	-8,7	-7,1	-5,7
Государственные услуги, образование, здравоохранение	-0,6	-8,2	0,1	-3,7	-3,0
Прочие услуги	-2,4	-20,3	-6,0	-17,1	-13,9
ВДС в целом	-1,5	-11,5	-4,2	-2,7	-3,5
Структура валового внутреннего продукта					
Потребление, в т.ч.:	-0,1	-8,4	-1,5	-3,0	-5,6
- расходы частных домашних хозяйств	-1,3	-13,3	-3,7	-5,5	-9,1
- государственные расходы	2,7	4,4	4,2	3,5	2,5
Валовые капиталовложения, в т.ч.:	-2,3	-8,9	-11,5	-4,9	-1,0
- в сооружения	-0,6	-7,4	-3,5	0,6	-1,1
- в здания	5,3	0,6	-0,8	4,9	-1,6
- в оборудование	-9,2	-23,6	-10,0	-4,1	-0,7
- прочие	-1,1	-1,3	-0,7	-1,1	-0,7
Использование ВВП внутри страны	-0,6	-8,5	-3,8	-3,4	-4,6
Экспорт	-3,2	-22,2	-9,2	-3,1	-0,6
Импорт	-0,8	-17,4	-10,0	-5,6	-3,0
Валовый внутренний продукт	-1,8	-11,3	-3,7	-2,3	-3,4
ВВП на одного занятого	-2,1	-10,1	-2,3	-0,9	-1,9
ВВП на один отработанный час	0,0	-2,0	0,5	1,6	2,3

Составлено по: Bruttoinlandsprodukt: Ausführliche Ergebnisse zur Wirtschaftsleistung im 1. Quartal 2021. URL: <https://www.destatis.de>

Существенный негативный эффект коронакризиса в 2020 г. и начале 2021 г. отразился на уровне потребления частных домашних хозяйств, которые особенно чувствительны к ограничительным режимам. На фоне роста их располагаемых доходов в 2020 г. на 0,7% (3,0% в 2019 г.) уровень потребления снизился на 6,1%. Ожидалось, что по мере отмены ограничений и возобновления нормальной работы магазинов, ресторанов и других учреждений сферы услуг в 2021 г. их расходы будут постепенно расти¹. Тем не менее, частное потребление (при дальнейшем росте доходов домашних хозяйств) в 2021 г. будет стагнировать и только в 2022 г. может вырасти на 8,5% [Pandemie... 2021]. Обратной стороной медали стал резкий рост накоплений (особенно в периоды локдаунов). Квота частных сбережений выросла с 10,9% в 2019 г. до 16,2% в 2020 г. – текущая поквартальная динамика составила 12,6; 20,3; 14,8; 17,1 и 19,6% в первом квартале 2021 г. По оценкам, домохозяйства в 2020–2021 гг. дополнительно сэкономят 200 млрд евро. Такое поведение привело к тому, что в условиях коронакризиса они уступили роль основного мотора конъюнктуры государству, существенно увеличившему в рамках борьбы с пандемией свои расходы, в т.ч. в сфере здравоохранения.

Количество банкротств с марта 2020 г. благодаря программам господдержки и временной отмене обязательного заявления о предстоящем прекращении предпринимательской деятельности (продлена правительством до апреля 2021 г.) было незначительным. Но, как показывает опыт финансового кризиса 2008–2009 гг., этот показатель, особенно в секторе услуг, во второй половине 2021 г. мог существенно возрасти. Одновременно ожидался рост числа вновь создаваемых компаний, что отчасти могло смягчить негативный эффект выбывающих фирм для рынка труда.

Ожидания и настроения предпринимательского сообщества летом 2020 г. улучшились. Однако уже в сентябре появились первые признаки нового ухудшения ситуации – среднее количество инфицированных коронавирусом на 100 тыс. человек в течение семи дней опять начало увеличиваться. В октябре стало ясно, что Германии не избежать второй волны пандемии, соответственно очередных ограничительных мер со стороны государства. Второй локдаун, введенный в начале ноября, затормозил положительную рыночную динамику лета – начала осени. Вновь, несмотря на дополнительные государственные меры поддержки, сильно пострадал ресторанный, музейный, туристический, логистический, увеселительный и досуговый бизнес.

По итогам 2020 г. сокращение ВВП Германии составило 4,9%, что оказалось несколько ниже большинства прогнозов. Рост валового внутреннего продукта в 2021 г. ожидался на уровне 3,7%, в 2022 г. – 3,9% [Pandemie... 2021]. Ограничения второго локдауна сказались на итогах первого квартала 2021 г., которые почти по всем показателям оказались хуже ожидаемых. После декабрьского всплеска розничные покупки домашних хозяйств в январе–феврале 2021 г. сократились. Негативный вклад также внесла зимняя холодная погода, ограничившая активность в секторе строительства. Исключением стали экспортно-ориентированные обрабатывающие отрасли, спрос на продукцию которых стал устойчиво расти с осени прошлого года. Однако они не смогли компенсировать негативные тенденции в других

¹ Открытым оставался вопрос – какие торговые каналы будут при этом преобладать – они или оффлайн.

народнохозяйственных секторах. В итоге ВВП по отношению к последнему кварталу 2020 г. упал на 1,8% (минус 3,4% в годовом исчислении).

Начавшаяся в 2021 г. торговля CO₂-квотами ускорила инфляцию в первой половине года. Но основными факторами, содействующими её росту, стали значительно выросшие к лету цены на энергоносители и строительные материалы, в т.ч. на топочный мазут, бензин, металлические и деревянные изделия. Не исключено, что при сохранении такой динамики по итогам года инфляция может существенно превысить 2%.

Государственная поддержка бизнеса оказалась решающей для стабилизации рынка труда. Количество безработных в 2020 г. выросло только на 429 тыс. человек. Основным антикризисным инструментом стал оплачиваемый перевод наёмной рабочей силы на краткосрочную работу. Количество работников на таких условиях достигло рекордного уровня в 6 млн в апреле 2020 г., резко снизившись в последующие месяцы и достигнув показателя в 2 млн в октябре. Очередной локдаун вновь увеличил число частично занятых, составивших в январе и феврале 2021 г. 2,9 млн человек¹. Если в среднем за 2020 г. их было 2,8 млн, то в 2021 г. ожидалось 1,6 млн, а в 2022 г. – 0,1 млн.

После введения федерацией и землями в третьей декаде февраля – начале марта 2021 г. послаблений произошёл очередной резкий рост количества инфицированных – с 4 тыс. 369 человек 22 февраля до 22 тыс. 657 25 марта. Правительство на Пасхальные праздники было вынуждено возвратиться к ограничениям, но не таким строгим и продолжительным. В апреле началась долгожданная массовая вакцинация населения – к середине июля в Германии 59,2% населения сделали первую прививку и 44,6% – вторую². В итоге резко снизилось число заболевших и умерших. Федеральные органы вместе с земельными с конца мая стали постепенно снимать ограничения. Эксперты надеялись на перелом в ситуации с коронакризисом в середине лета 2021 г., с которым они связывали надежды на ускорение работы рыночного конъюнктурного мотора. Однако в начале июля в связи с быстрым распространением новых вариантов коронавируса появились опасения очередного ухудшения ситуации в стране и возможного возврата отдельных ограничительных мер.

* * *

Коронакризис – самый серьёзный вызов для социального рыночного хозяйства Германии и её хозяйственно-политического пространства в послевоенный период. Он вынудил государство, с одной стороны, ограничить мобильность основных факторов производства, что стало определяющим в формировании спроса и предложения, а, с другой, принять беспрецедентные по своим масштабам программы поддержки бизнеса и домашних хозяйств. Первоначально обеспечив сохранение ликвидности большинства экономических субъектов, государственные органы перешли к использованию инструментария по стимулированию конъюнктуры в условиях коронавирусных ограничений, дополнив его структурными мерами, ориентиро-

¹ В начале февраля 2021 г. федеральное правительство одобрило очередной пакет помощи бизнесу и домашним хозяйствам в объёме 7,5 млрд евро [Кокеев, Хорольская, 2021].

² Весенний пик был достигнут 22 апреля – 29 тыс. 518 человек. См.: Сайт Института Роберта Коха <https://www.rki.de>

ванными на содействие энергетическому и цифровому переходу к климатически нейтральной экономике¹.

Долгосрочные экономические последствия пандемии оценить пока сложно, но уже можно сделать ряд корона-выводов для Германии.

Первое. Только государство в состоянии успешно бороться с распространением вирусов, применяя при этом преимущественно административные методы, временно ограничивая действия рыночных механизмов и занимая место главного хозяйственного актора, компенсирующего экономическим субъектам выпадающие доходы и выступающего в роли основного потребителя их продукции.

Второе. Государство не способно быть эффективным предпринимателем, быстро и адекватно реагировать на запросы рынка, в т.ч. в сфере производства медицинского оборудования, средств защиты и лекарств. Его основная функция в создании благоприятных рамочных условий для деятельности экономических субъектов и контроле за их соблюдением.

Третье. Пандемия ещё раз выявила существовавшие до её наступления дефициты и проблемы германского социального рыночного механизма.

Четвёртое. COVID-19 активизировал структурную политику федерального правительства, особенно в рамках июньского пакета помощи, направленного на дальнейшую трансформацию политико-хозяйственного пространства. Одновременно пандемия ускорила процессы цифровой трансформации.

Пятое. Коронакризис обусловил качественное изменение в финансовой политике государства, состоящее в вынужденном отказе от политики «чёрного нуля» – правящая коалиция была вынуждена временно отойти от закреплённого в Основном законе положения о «долговом тормозе» и перейти от профицитной к дефицитной бюджетной стратегии.

Шестое. На фоне предстоящего снижения объёма привлекаемых внешних средств в 2021–2022 гг. будущей правительственной коалиции предстоит решать крайне сложную задачу срочного увеличения госинвестиций в инфраструктурные проекты, объём недофинансирования которых за последние годы приблизился к полутриллиону евро.

Седьмое. Новый кабинет министров ФРГ должен будет продолжить поиск оптимального сочетания государственной поддержки энергетического и цифрового перехода и создания рыночных стимулов для участия в нём экономических субъектов. Успехи в этом направлении определяют дальнейшую устойчивость, конкурентоспособность и привлекательность германского хозяйственно-политического штандорта.

Список литературы

Белов В. Б. (2020а) Крупнейшая в послевоенной истории конъюнктурная программа правительства ФРГ. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 27(210). С. 1–8. DOI 10.15211/analytics272020.

Белов В.Б. (2020б) Последствия пандемии коронавируса для экономики Германии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 83–90. DOI: 10.15211/vestnikieran220208390

¹ Вопросы влияния коронакризиса на энергетический и цифровой переход Германии будут рассмотрены автором в отдельной статье.

Громыко Ал.А. (2020) Пандемия и кризис системы международных отношений. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Том 13, № 5. С. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>

Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. (2021) Перспективы и вызовы международного экономического и энергетического сотрудничества после пандемии COVID-19. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65, № 3. С. 5–10. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-5-10

Кокеев А., Хорольская М. (2021) Воздействие пандемии на экономическую и политическую ситуацию в Германии. часть 1. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3. С. 101–109. DOI: 10.15211/vestnikieran32021101109

Котов А.В. (2021a) Экономическая и инвестиционная политика в период коронакризиса. – в: Германия. 2020. Отв. ред. В.Б. Белов. Ин-т Европы РАН, Москва. С. 52–76. DOI: 10.15211/report12021_379

Котов А.В. (2021b) Развитие критических инфраструктур в Германии: выход из тени. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 1. С. 96–102. DOI: 10.15211/vestnikieran1202196102

Супян Н.В. (2020) Экономика заражена: как в Германии борются с коронакризисом. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomika-zarazhena-kak-v-germanii-boryutsya-s-korona-krizisom/> (дата обращения: 09.05.2021)

References

Belov V. B. (2020a) Krupneyshaya v poslevoyennoy istorii kon'yunktturnaya programma pravitel'stva FRG [The largest conjuncture program of the German government in the post-war history]. *Analiticheskiye zapiski Instituta Yevropy RAN*. No 27(210), pp. 1–8. DOI 10.15211/analytics272020 (in Russian)

Belov V.B. (2020b) Posledstviya pandemii koronavirusa dlya ekonomiki Germanii [Consequences of the coronavirus pandemic for the German economy]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN*. No 2, pp. 83–90. DOI: 10.15211/vestnikieran220208390 (in Russian)

Die Post-Covid-19-Wirtschaft: Welche unerwarteten Spuren hinterlässt die Krise in Branchen, Regionen und Strukturen? (2021) - ifo Institut, München. ifo Schnelldienst, 74, Nr. 03, pp. 03–25. URL: <https://www.ifo.de/publikationen/2021/aufsatz-zeitschrift/die-post-covid-19-wirtschaft-welche-unerwarteten-spuren> (accessed: 09.05.2021)

Dynkin A., Telegina Ye., Khalova G. (2021) Perspektivy i vyzovy mezhdunarodnogo ekonomicheskogo i energeticheskogo sotrudnichestva posle pandemii COVID-19 [Prospects and challenges of international economic and energy cooperation after the COVID-19 pandemic]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 65, No 3, pp. 5–10. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-5-10 (in Russian)

Gromyko A.A. (2020) Pandemiya i krizis sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy [The pandemic and the crisis of the system of international relations]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. Vol 13, No 5, pp. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1> (in Russian)

Kokeyev A., Khorol'skaya M. (2021) Vozdeystviye pandemii na ekonomicheskuyu i politicheskuyu situatsiyu v Germanii. chast' 1 [The impact of the pandemic on the economic and political situation in Germany. part 1]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN*. No 3, pp. 101–109. DOI: 10.15211/vestnikieran32021101109 (in Russian)

Kotov A.V. (2021a) Ekonomicheskaya i investitsionnaya politika v period koronakrizisa. – v: Germaniya. 2020 [Economic and investment policy during the coronacrisis. - in: Germany. 2020]. Отв. ред. В.Б. Белов. Ин-т Европы РАН, Москва, pp. 52–76. DOI: 10.15211/report12021_379 (in Russian)

Kotov A.V. (2021b) Razvitiye kriticheskikh infrastruktur v Germanii: vykhod iz teni [Development of critical infrastructures in Germany: coming out of the shadow]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN*. No 1, pp. 96–102. DOI: 10.15211/vestnikieran1202196102 (in Russian)

Pandemie verzögert Aufschwung – Demografie brems Wachstum. Gemeinschaftsdiagnose (2021). Projektgruppe Gemeinschaftsdiagnose: Halle. 86 p.

Postcoronemics. Neue Ideen für Markt, Staat und Unternehmen (2021). Frenzel, M., Maching, M., Zenke, I (Hg.) – J.H.W. Dietz Nachf. GmbH: Bonn. 360 p. (in German)

Schmidt Ch. (2021) Die Soziale Marktwirtschaft nach der Corona-Krise: Fit für den Systemwettbewerb im 21. Jahrhundert. RWI – Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung, Essen. Springer Verlag. 14 p. DOI: 10.1007/s41025-021-00226-3 L (in German)

Supyan N.V. Ekonomika zarazhena: kak v Germanii boryutsya s koronakrizisom [The economy is infected: how Germany is fighting the coronacrisis]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/eko-nomika-zarazhena-kak-v-germanii-boryutsya-s-korona-krizisom/> (accessed: 09.05.2021)

Wirtschaftspolitik in Zeiten von Corona aus ordnungspolitischer Perspektive. Ordnungspolitik als Leitplanke, Spielräume in außergewöhnlichen Situationen pragmatisch nutzen. – VDMA-Diskussionspapier, 12. August 2020. URL: <https://www.vdma.org/documents/34570/4245216/VDMA+Diskussionspapier+Corona+und+Ordnungspolitik.pdf/80f12d65-129a-83bf-6bd9-8e64c2de0292?t=1614263309782> (accessed: 09.05.2021)

The Coronavirus Crisis versus Social and Market Economy of Germany

Received 09.05.2021

The article was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from Ministry of science and higher education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

Author: Belov V., Candidate of Science (Economics), Deputy Director of IE RAS, Head of Department for countries Studies, Head of Center for German Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** vladisbelov@yandex.ru

Abstract. The coronavirus crisis caused by the COVID-19 pandemic has had a significant negative impact on all aspects of the German social market economy. For the first time in history, the crisis was caused by factors of a non-economic nature. They manifested themselves in all economies of the world, including Europe. Since March 2020, the federal and state executive authorities of Germany, along with the introduction of restrictive measures for the population and business, have adopted several large-scale economic and political programmes aimed at preventing bankruptcies of economic entities, preserving jobs and social stability in the country. Along with short-term instruments designed to stop the decline in GDP and give impetus to its growth, the German state pursued an active and coordinated with Brussels structural policy aimed at ensuring an energy and digital transition to a climate-neutral economy, including the overcoming the deficits and problems revealed by the pandemic in the country's economy. To this end, Berlin abandoned the budget surplus policy and switched to large-scale external borrowing to finance programmes to bring economy out of the crisis. The author analyzes the results of the impact of the coronavirus crisis on the economic space of Germany, including aspects of its stress resistance and competitiveness, explores the effectiveness of state policy to counter crisis and assesses the prospects for the development of Russia's leading foreign economic partner in the west of the Eurasian continent.

Key words: Germany, EU, German-French tandem, COVID-19 pandemic, coronavirus crisis, GDP, state budget, labor market, market and structural policies.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420215870>

УДК 339.9, 338.4, 338.2

Елена АНДРЕЕВА

Артем РАТНЕР

Андрей СОБОЛЕВ

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В ГЕРМАНИИ НА РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ*

Статья поступила в редакцию 24.02.2021

Аннотация. Развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) является важнейшим мировым трендом. 3 июля 2020 г. в Германии был принят закон о закрытии к 2038 г. всех угольных электростанций. Развитие ВИЭ и передовых технологий в стране приведет к снижению спроса на некоторые российские энергоносители (уголь, нефть), переориентирует предложение на развивающиеся страны и сформирует запрос на применение более передовых технологий в российском топливно-энергетическом экспорте. В статье проанализированы основные мировые тренды потребления традиционных видов энергоносителей и прогнозы ряда агентств в отношении их развития. Обоснованы тенденции в применении ВИЭ в Германии и экономические стимулы их развития. Установлено влияние ВИЭ на динамику и структуру экспорта энергоносителей из РФ, а также на внешнеэкономическое сотрудничество в области энергетики и развития передовых технологий, в т.ч. с учетом геополитического фактора.

Ключевые слова: Германия, Россия, возобновляемые источники энергии, топливно-энергетический экспорт, энергопереход, прорывные технологии и инновации.

Развитие новых, возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в Германии обусловлено ограниченностью собственных энергоресурсов, повышенным вниманием к эко-

© *Андреева Елена Леонидовна* – д.э.н., профессор РАН, руководитель Центра региональных компаративных исследований, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН. **Адрес:** 620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. **E-mail:** andreeva.el@uiec.ru

Ратнер Артем Витальевич – к.э.н., старший научный сотрудник Центра региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН. **Адрес:** 620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. **E-mail:** ratner.av@uiec.ru

Соболев Андрей Олегович – соискатель, Институт экономики УрО РАН, руководитель Торгового представительства Российской Федерации в Федеративной Республике Германия **Адрес:** 10117, Германия, Берлин, ул. Унтер ден Линден, 55–61. **E-mail:** sobolev@rfhwb.de

*Выполнено в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН на 2021 год.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420217182>

логическим проблемам и климатической политике, а также стремлением внедрять передовые производственные технологии, включая их экспорт за рубеж. Развитие ВИЭ в ФРГ как в крупнейшем импортере российских энергоресурсов оказывает влияние на энергоэкспорт РФ. Цель исследования заключается в проверке данной гипотезы.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. проанализировать основные тенденции мирового потребления традиционных видов энергоносителей (нефть, газ, уголь);
2. выявить основные тренды развития ВИЭ в Германии и экономические стимулы этого процесса;
3. проанализировать динамику и структуру российского экспорта энергоносителей в Германию на основе как российской, так и немецкой статистики;
4. обосновать влияние развития ВИЭ в Германии на российский экспорт энергоносителей и российско-германское энергетическое сотрудничество.

Представляется целесообразным проанализировать структуру энергопотребления ФРГ, отказ от угольной и атомной энергогенерации; динамику российского экспорта энергоносителей в Германию (в 2004–2020 гг.), мировые прогнозы (на 2040 г.) использования угля (учитывая отказ ФРГ), нефти и газа; обозначить технологические перспективы Германии в части водородной энергетики и возможности РФ в этой области.

В научной литературе отмечается активный рост производства энергии на основе возобновляемых источников – ветра, воды, биотоплива и др. В общемировом масштабе массовое использование новых подходов в энергетике только развивается, но уже сейчас новые энергоносители и технологии энергообеспечения не позволяют странам–экспортерам нефти поднимать цены, что ограничивает их доход [Акасем et al, 2020: 88–89]. Страны, принимающие экологическое законодательство и недостаточно обеспеченные ископаемым топливом, субсидируют цены на ВИЭ и эксплуатируют зарубежные месторождения [Ravetti et al, 2020: 115–116]. Так, германские компании участвуют в проектах добычи газа в месторождениях Уренгойское, Вингейт и Южно-Русское нефтегазовое¹; часть прав через соглашение о разделе продукции на эксплуатацию нефтегазовых месторождений Сахалина (проект «Сахалин-2») принадлежит «Шелл»; одним из акционеров «Ямал-СПГ» является «Тоталь». Исследование 141 страны за 1998–2015 гг. [Nunez-Rocha et al, 2019] показывает, что экологическое регулирование влияет на торговлю топливом.

В условиях усложнения доступа к технологиям добычи энергоресурсов и капиталу [Makarov, 2020: 55–56], непростого режима пополнения бюджета за счет энергоресурсов [Volkonskii et al, 2019] и глобальной политики декарбонизации для России как одного из ведущих энергоэкспортеров актуально углубление переработки топлива [Streltsov et al, 2019: 404], направление доходов энергоотраслей в диверсификацию и модернизацию цепочек добавленной стоимости [Andreasson, 2019: 142]. Появляются новые технологии эффективности и снижения выбросов углекислого газа (HELE) [Bhattacharyya, 2019: 695–696]. Согласно данным Всемирного энергетического совета, еще в 2013 г. обсуждалось сокращение выбросов на 40%². В ЕС десять лет назад существовали амбициозные планы по улавливанию и хране-

¹ Германия. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/germany/> (дата обращения: 17.05.2021)

² World Energy Council. (2013). World energy resources, Chapter 1 Coal, London.

нию углерода (технологии CCS), однако полностью реализовать их не удалось. Развитие ВИЭ даже в передовых странах идет непросто: промышленности требуется много времени для перехода на ВИЭ и сокращения выбросов CO₂ [Супян, 2020: 54]; нелегко сочетать развитие ВИЭ с принципами социального рыночного хозяйства [Меден, 2019: с. 144–149]. Столкновения между экологическими и экономическими детерминантами ставит под вопрос будущее торговли энергоносителями. Однако дальнейшее развитие энергообеспеченных стран, включая Россию, невозможно без учета фактора развития ВИЭ в странах–потребителях традиционных видов энергоносителей.

Основные мировые тренды в развитии энергопотребления

Развитие ВИЭ является в последние десятилетия наиболее актуальным трендом в мировом энергетическом секторе. Можно выделить различные оценки экономических реалий [Котов, 2020]. Существуют противоречивые прогнозы мирового энергопотребления и изменения его структуры: «ИНЭИ–Сколково» (энергопереход, инновационный, консервативный); Международного энергетического агентства (МЭА–IEA) («устойчивое развитие»/sustainable development), «новые политики»/new policies», «текущие политики»/current policies»); «Би-Пи» (BP) («быстрый переход»/rapid transition), «развивающийся переход»/evolving transition», «больше энергии»/more energy», «меньше глобализации»/less globalization»); IRENA; DNV GL; McKinsey; «Шелл» («горы»/mountain», «океаны»/ocean»). Многие прогнозы, за исключением двух (IRENA и IEA «устойчивое развитие»/sustainable development), говорят о том, что первичное энергопотребление вырастет к 2040 г. по сравнению с 2017 г. Также предполагается рост доли ВИЭ в мировом энергопотреблении с 18 до 43%, а в мировом производстве – с 20 до 75% (за исключением «Шелл» («mountain»)). Данный сценарий развития предполагает отказ как от нефти, так и от угля, однако с большим диапазоном разброса оценок пика потребления: 27% для нефти и 60% – для угля. Согласно трем прогнозам, в 2040 г. потребление угля останется на высоком уровне – выше 4,5 млрд т. Только газ сможет нарастить свою долю в мировом энергопотреблении с 22 до 24–26% [Макаров и др., 2019: 8, 11, 102].

В этой связи обратимся к анализу мировой конъюнктуры рынков для основных традиционных видов энергоносителей (уголь, нефть, газ):

1. *Анализ мирового спроса на уголь*, использование которого в Германии планируется прекратить к 2038 г. Доля угля в глобальном энергопотреблении снизится с 28% (2015 г.) до 19% (2040 г.) в случае энергоперехода к ВИЭ, и до 23% в случае консервативного сценария [Макаров и др., 2019: 61]. Согласно другому прогнозу, вес угольной генерации в целом снизится с 38% в 2017 г. до 20–25% в 2040 г. [Хохлов и др., 2019: 4–5]. Вследствие роста валового энергопотребления (по «ИНЭИ – Сколково»: в 2015–2040 гг. на 17–27% [Макаров и др., 2019: 61]; по МЭА – на 6–9% в 2019–2030 гг.¹) абсолютные объемы потребления угля сохранятся. На фоне уменьшения энергопотребления развитыми странами в развивающихся оно увеличивается. Согласно прогнозу «Би-Пи», потребление угля снизится с 160 ЭДж в

¹ World Energy Outlook 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2020?mode=overview> (дата обращения: 17.05.2021)

2018 г. до 140 к 2040 г. (сохранение промышленно-технологической динамики) или до 35 (кардинальные экологические меры)¹. По оценкам МЭА, мировой спрос на уголь с $5,4 \cdot 10^3$ мегатонн угольного эквивалента в 2018 г. снизится к 2040 г. до $4,8 \cdot 10^3$ (если мировая экономика вернется к докризисному уровню в 2021 г.) или до $1,9 \cdot 10^3$ (сценарий устойчивого развития)².

Существенно опережающими по абсолютным величинам потребления угля в выработке электроэнергии будут развивающиеся экономики Азии. Даже в случае энергоперехода эти объемы составят в 2040 г. около 6 тыс. ТВт*ч, или около 1/3 всех энергоисточников этих стран [Макаров и др., 2019: 65]. Пик потребления угля у стран Африки и Ближнего Востока также еще не наступит до 2040 г. Это обусловлено тем, что там важнее не экологичность энергоресурса, а его стоимость.

В 2017 г. на такие крупные экономики, как китайская, американская и индийская, приходилось 7/10 мировой угольной генерации. При этом КНР, Индия, а также Польша и ЮАР свыше 2/3 своей электроэнергии генерировали из угля. Администрации США и Китая (пленум ЦК КПК 26–29.10.2020) планируют экологизацию своей энергетики, но в долгосрочной перспективе, когда технологии ВИЭ станут массовыми.

В России создается инфраструктура для эксплуатации нового большого арктического месторождения (Сырадайского) для добычи ценных сортов угля и их глубокой переработки, в т.ч. с экспортом. По некоторым оценкам, уже к 2024 г. только для экспорта понадобится десять судов ледового класса (для всех поставок к 2032 г. – 28)³. Таким образом, разработка нового угольного месторождения даст импульс развитию судостроения в России.

В связи с усилением протекционизма в международной торговле РФ вынуждена анализировать возможности переориентации экспортных потоков с развитых стран на развивающиеся. Важным торговым партнером выступает Китай, остановивший в декабре 2020 г. ввоз австралийского угля, т.е. теоретически возможности компенсации немецкого спроса существуют.

2. *Анализ спроса на нефть.* Согласно прогнозу «ИНЭИ–Сколково», спрос на жидкие виды топлива в 2015–2040 гг. в консервативном сценарии умеренно, но прирастет (с $4 \frac{1}{4}$ до $4 \frac{3}{4}$ млн т), а в случае энергоперехода – снизится (до $3 \frac{3}{4}$ млн т) [Макаров и др., 2019: 74]. По прогнозу «Би-Пи», потребление жидких видов топлива к 2040 г. при любом сценарии не превысит показателя 2018 г. – 100 млн баррелей в день. В случае сохранения промышленно-технологической динамики оно останется примерно на таком же уровне (98), а в случае принятия кардинальных экологических мер к 2040 г. снизится почти вдвое – до 60⁴. Прогноз МЭА схож: при 97 млн баррелей в день в 2018 г. в 2040 г. возможно снижение до 65 при устойчивом развитии, но и рост до 104 при быстром восстановлении мировой экономики от пандемии⁵.

¹ Energy Outlook 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf> (дата обращения: 17.05.2021) P. 88.

² World Energy Outlook 2020.

³ Бурмистрова С. Троценко решил заказать почти 30 судов для поставки угля по Севморпути. 16.02.2021. URL: rbc.ru/business/16/02/2021/602a63b19a7947bbf21feb53 (дата обращения: 18.02.2021)

⁴ Energy Outlook 2020. P. 66.

⁵ World Energy Outlook 2020.

3. *Анализ спроса на газ.* Среди видов традиционного минерального топлива только газ, по прогнозам, нарастит к 2040 г. удельный вес в глобальном энергопотреблении. Так, согласно прогнозу «Би-Пи», его потребление, в отличие от нефти и угля, может вырасти в случае сохранения промышленно-технологической динамики (с 3,9 трлн м³ в 2018 г. до 5,1 в 2040 г.), в случае кардинальных экологических мер возможен спад до 2,9 трлн м³.¹ Согласно оценкам МЭА, добыча газа уменьшится (с 6 трлн долл. в 2019 г. до 5 в 2040 г. при быстром восстановлении от пандемии или до 3 в случае устойчивого развития), но не столь значительно, как нефти и угля². Согласно прогнозу «ИНЭИ–Сколково», потребление газа в Европе к 2040 г. прирастет на 20–40 млрд м³; в развивающихся азиатских странах, кроме Китая и Индии, – на 200; в Китае – на 400 млрд м³ [Макаров и др., 2019: 104]. В странах, активно проводящих экологическую политику, газу отдается приоритет в выработке электроэнергии. Так, в Европе увеличено число терминалов для приема сжиженного природного газа (СПГ). Однако их строительство обусловлено во многом противостоянием позиций России и США на энергорынке ЕС. В то время как «Газпром» проложил газопровод «Северный поток–2» по дну Балтийского моря, на северном побережье Германии оборудуются терминалы для СПГ из США. Российский проект в большей степени отвечает экологическим требованиям. Прием американских танкеров требует расширения устья реки Эльбы, терминалы строятся поблизости с опасным химическим производством, а сама добыча сланцевого газа в США наносит ущерб природе.

К 2040 г. прогнозируется уменьшение добычи газа в Европе, однако в РФ она увеличится на 200 млрд м³. Сопоставимый прирост ожидается в США и Канаде, Китае, на Ближнем Востоке, в Африке. При этом все больше будут применяться новые технологии, что побуждает поставщиков газа уделять внимание конкурентоспособности производства и транспортировки.

Таким образом, по прогнозам, наиболее конкурентоспособным из традиционных минеральных видов топлива в перспективе может стать природный газ. В случае кардинальных экологических мер и развития ВИЭ произойдет существенное снижение потребления угля и нефти. Однако оно будет несущественным в развивающихся странах, где важнее не экологичность, а стоимость.

Состояние и стимулы развития ВИЭ в Германии

Развитие ВИЭ в Германии обусловлено следующими факторами.

Во-первых, оно определяется активно проводимой климатической политикой в ЕС и в Германии. В частности, 11 декабря 2019 г. Еврокомиссия утвердила Европейский «зеленый курс», нацеленный на переход к экономике замкнутого цикла, сдерживание глобального потепления и загрязнения, поддержку живой природы. Поставлена задача свести к нулю выбросы парниковых газов посредством перехода к ВИЭ к 2050 г. В этих целях 4 марта 2020 г. Еврокомиссия представила проект закона о климате, а 8 июля 2020 г. – «Водородную стратегию для климатически нейтральной Европы» (водород как энергоисточник)³. Германия является одним из

¹ Energy Outlook 2020. P. 76.

² World Energy Outlook 2020.

³ A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe. URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/hydrogen_strategy.pdf (дата обращения: 18.05.2021)

лидеров в реализации данного курса. В 2020 г. ВИЭ обеспечивали 16,8% электроэнергии страны¹.

Для снижения выбросов CO₂ принимаются следующие меры:

- использование наиболее «эмиссионного» энергоресурса – угля – ограничивается; планируется остановить работу всех угольных электростанций к 2038 г.;
- для транспортных компаний с 2021 г. обязательно приобретение CO₂-сертификатов (25 евро/т в 2021 г., а в 2025 г. – 55 евро/т, в 2026 г. – 55–65 евро/т²);
- стимулируется переход отопления жилья на ВИЭ. С 2026 г. в новых домах нельзя будет устанавливать или обновлять дизельные котлы [Супян, 2020: 50];
- планируются и другие меры. Так, саммит ЕС принял решение о создании механизма углеродных импортных пошлин, учитывающего «углеродный след» энергоемких товаров³.

Как следствие, в Германии за 2014–2020 гг. удельный вес угля в выработке электроэнергии снизился: бурого – на 32%, каменного – на 42,7⁴.

Следующий фактор – риски для атомной энергетики, выработку которой в ФРГ планирует остановить. Уже около 2/3 атомных электростанций прекратили работу, а к 2022 г. планируется вывести из эксплуатации оставшиеся.

Еще один фактор – зависимость Германии от импорта энергоносителей. Для ее уменьшения развиваются технологии получения энергии ветра, солнца, биотоплива. Так, затраты на производство солнечной энергии в ФРГ в 2012–2018 гг. снизились с 10–24 евроцента/кВт*ч до 7,2–11,5; ветряной энергии – с 6–8 до 4–6⁵.

Важнейшую роль играет технологический фактор: Германия – лидер в развитии передовых технологий машиностроения, в данном случае – технологий создания машин, способных к водородной энергогенерации. В июне 2020 г. правительство ФРГ представило Стратегию производства и использования водорода⁶.

Доля ВИЭ в структуре потребления Германией первичной энергии выросла с 8,0% в 2008 г. до 13,7% в 2018 г. и 16,8% в 2020 г. Однако, несмотря на рост потребления энергии из ВИЭ, потребление страной нефти в 2008–2018 гг. осталось

¹ Gesamtausgabe der Energiedaten. 05.03.2021. URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Binaer/Energiedaten/energiedaten-gesamt-xls.html>; Energieverbrauch in Deutschland im Jahr 2020. URL: <https://www.ag-energiebilanzen.de>. S. 2, 33. (дата обращения: 11.05.2021)

² Brennstoffemissionshandelsgesetz vom 02.12.2019 (BGBl. I S. 2728), in Red. vom 03.11.2020. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/behg/BEHG.pdf> (дата обращения: 12.05.2021)

³ European Parliament resolution of 10.3.2021 towards a WTO-compatible EU carbon border adjustment mechanism (2020/2043(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0071_EN.pdf (дата обращения: 11.05.2021)

⁴ Рассчитано по: Gesamtausgabe der Energiedaten.

⁵ Stromgestehungskosten. Erneuerbare Energien: Mai 2012. URL: https://www.fvee.de/fileadmin/publikationen/Politische_Papiere_FVEE/12.05.ISE-Studie_Stromgestehungskosten/12.05_ISE_Stromgestehungskosten.pdf; März 2018. URL: [https://www.ise.fraunhofer.de/content/dam/ise/de/documents/publications/studies/DE2018_ISE-Studie_Stromgestehungskosten_Erneuerbare_Energien.pdf](https://www.ise.fraunhofer.de/content/dam/ise/de/documents/publications/studies/DE2018_ISE_Studie_Stromgestehungskosten_Erneuerbare_Energien.pdf) (дата обращения: 18.05.2021)

⁶ Die Nationale Wasserstoffstrategie. Juni 2020. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Energie/die-nationale-wasserstoffstrategie.pdf?__blob=publicationFile&v=20 (дата обращения: 18.05.2021)

примерно на одном уровне (динамика с 2542 до 2351 бар./день; потребление в Германии первичной энергии из нефти понизилось с 5689 петаДж в 1995 г., до 4511 в 2019 г. и в связи с пандемией – до 3965 в 2020 г.), потребление газа в 2011–2018 гг. сократилось незначительно (динамика с 86,0 до 85,3 млрд м³). Потребление первичной энергии из газа в 1995–2020 гг. оставалось на одном уровне (2600–3200 петаДж), а в сравнении с 1990 г. даже повысилось (с 2300 петаДж)¹.

Влияние развития ВИЭ на динамику и структуру российского экспорта энергоносителей в Германию

Объем российского экспорта минерального топлива (включает нефть и ее продукты, газ, уголь) в Германию остается значительным: если в 2004 г. это было 10,6 млрд дол., то в 2009 г. – 15,1, а в 2019 г. – 23,4 млрд долл. (Табл. 1). Причем, согласно немецкой статистике, объем этого импорта еще выше: в 2009 г. – 30,1 млрд дол., 2014 г. – 44,1, 2019 г. – 28,2 (в 2020 г. на фоне пандемии – 18,9)². Различие в российской и немецкой статистике можно объяснить следующим:

- часть поставок российских энергоносителей в ФРГ осуществляется через Нидерланды и, соответственно, учитывается в России как экспорт в эту страну;
- часть поставок осуществляется через дочерние предприятия европейских концернов;
- несовпадение даты регистрации экспорта и импорта в условиях отсутствия общей границы у России с Германией;
- стоимость импорта (CIF) превышает стоимость экспорта (FOB) на стоимость перевозки и страховки грузов;
- различные методы пересчета валютных курсов.

Доля ФРГ в валовом российском экспорте минерального топлива относительно стабильна, в т.ч. в пандемию (около 1/10), несмотря на значительные колебания его абсолютного объема (со 100 до 346 млрд дол.). Доли Германии в российском экспорте нефтепродуктов (5%) и каменного угля (2014 г. – 2,9%, 2020 г. – 4,4%) невелики. В 2019 г. доля по углю резко возросла (до 8,9%), что корреспондирует с прекращением в 2018 г. в Германии его добычи. По газообразным углеводородам Германия забирает существенно больше российской отгрузки (15–20%), что ярко иллюстрирует значение Германии как потребителя российского топлива. В реальности (с учетом поставок через Нидерланды) это значение измеряется еще большими величинами.

Возросла с 2004 г. и остается стабильной (2009, 2014, 2019–2020 гг.) и доля РФ (около 1/4) в импорте Германией минерального топлива. Большая его часть приходится примерно на нефть и газ в равных долях: по ним Россия обеспечивает около 1/3 немецкого импорта. Также Москва поставляет порядка 1/7 немецкого импорта нефтепродуктов и 1/3 – каменного угля (Табл. 1). Меньший спрос на уголь соответствует немецкой экологической политике: газ считается более экологичным.

¹ Данные абзаца рассчитаны по: Gesamtausgabe der Energiedaten; OPEC Annual Statistical Bulletin. 2013, 2016, 2019. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm (дата обращения: 19.05.2021)

² Außenhandel. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=statistic&levelindex=0&levelid=1583331799801&code=51000#abreadcrumb> (дата обращения: 12.05.2021)

Таблица 1

Динамика и структура российского топливного экспорта в Германию

Товар (код ТН ВЭД)		Минеральное топливо (27), млрд дол.	в т.ч.			
			Нефть (2709), млрд дол.	Газообразные углеводороды (2711), млрд дол.	Нефтепродукты (2710), млрд дол.	Каменный уголь (2701), млрд дол.
2004	экспорт РФ в ФРГ ¹	10,6	6,1	3,6*	0,05	11,1*
	экспорт РФ ¹	99,3	55,1	20,9*	19,1	238,7*
	доля ФРГ ¹	10,7%	11,1%	17,3%	0,3%	4,6%
2009	экспорт РФ в ФРГ ¹	15,1	8,5	6,4	0,14	0,11
	экспорт РФ ¹	190	93,5	40,8	46,9	7,37
	доля ФРГ ¹	7,9%	9,1%	15,6%	0,3%	1,5%
	импорт ФРГ из РФ ²	30,1	15,0	12,1	н/д	0,98
	импорт ФРГ ²	108,5	42,8	34,7	18,7	4,63
доля РФ ²	27,8%	35,1%	34,7%	0,8%	21,1%	
2014	экспорт РФ в ФРГ ¹	30,2	11,9	12	5,9	0,34
	экспорт РФ ¹	346,1	153,9	62,6	115,8	11,64
	доля ФРГ ¹	8,7%	7,7%	19,2%	5,1%	2,9%
	импорт ФРГ из РФ ²	44,1	19,7	14,1	н/д	1,27
	импорт ФРГ ²	151,2	65,9	37,8	33,0	5,55
доля РФ ²	29,2%	29,9%	37,2%	17,9%	22,9%	
2019	экспорт РФ в ФРГ ¹	23,4	8,3	10,6	3,0	1,42
	экспорт РФ ¹	263,5	122,2	51,3	66,9	15,99
	доля ФРГ ¹	8,9%	6,8%	20,7%	4,5%	8,9%
	импорт ФРГ из РФ ²	28,2	12,0	9,9	н/д	1,68
	импорт ФРГ ²	109,1	40,7	31,4	24,4	4,59
доля РФ ²	25,9%	29,3%	31,6%	12,3%	36,6%	
2020	экспорт РФ в ФРГ ¹	14,2	6,0	4,96	2,2	0,54
	экспорт РФ ¹	167	71,4	31,5	44,5	12,08
	доля ФРГ ¹	8,5%	8,5%	15,8%	4,9%	4,4%
	импорт ФРГ из РФ ²	18,9	8,0	7,3	н/д	0,98
	импорт ФРГ ²	77,7	27,4	24,0	15,0	2,71
доля РФ ²	24,4%	29,0%	30,6%	14,7%	36,0%	

Составлено и рассчитано по:

¹Таможенная статистика внешней торговли. URL: stat.customs.ru/documents;

²Außenhandel. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=statistic&levelindex=0&levelid=1583331799801&code=51000#abreadcrumb> (дата обращения: 14.05.2021); доля РФ по нефтепродуктам – при совмещении (1) и (2). Примечание: *более узкие товарные позиции.

Доли России свидетельствуют, что РФ – важный для Германии поставщик энергоносителей.

В 2019 г. импортозависимость Германии по каменному углю составила 104,5%, по бурому – «минус» 2,5%, по нефти – 99,1%, по газу – 99,0%, по атомной энергии – 100%¹. В 2020 г. на бурый и каменный уголь пришлось соответственно 8,1 и 7,6% первичного энергопотребления; на атомную энергию – 6,0%². Таким образом, суммарно угольная и атомная энергетика дают 21,7% первичного энергопотребления страны. Поэтому можно предположить, что в случае отказа Германии от данных энергоисточников появляется значительная ниша на ее рынке энергопотребления. Однако, по некоторым оценкам, Германия намерена заместить эту нишу ВИЭ, так что спрос на газ прирастет лишь на 1/10 существующего российского экспорта газа эту страну, и даже этот прирост к началу 2030-х гг. может быть нивелирован энергоэффективной политикой. Вместе с тем предпосылки для роста спроса на зарубежный газ могут возникнуть в связи с исчерпанием эксплуатируемых Германией газовых месторождений³.

В контексте развития ВИЭ возможно следующее использование природного газа:

– применение газа для производства водорода на экспорт. По прогнозам «Блумберг НЕФ» (*Bloomberg NEF*), водород к 2050 г. сможет обеспечивать до 24% (и даже до 47%) потребления конечной энергии⁴. Даже если развитые экономики постепенно начнут переходить на водородную энергетику, Водородная стратегия ЕС допускает производство водорода на основе ископаемого топлива⁵. Характерно, что получение водорода из метана (методом пиролиза) требует почти втрое меньше затрат электроэнергии, чем получение методом электролиза воды (0,7–3,3 кВт*ч против 2,5–8 кВт*ч)⁶. В любом случае, Германия планирует выставлять запрос на импорт водорода⁷. Российским планом мероприятий по развитию водородной энергетики предполагается разработка мер поддержки экспорта водорода⁸. При этом российская газотрубопроводная сеть позволяет транспортировать метано-водородную смесь;

– производство водорода возможно в т.ч. посредством локализации немецких технологий: Россия намерена изыскивать возможности сотрудничества, в т.ч. с Германией⁹. ФРГ готова содействовать обустройству крупных производств водорода на базе своих технологий и оборудования¹⁰. Если она будет оказывать России

¹ Gesamtausgabe der Energiedaten.

² Там же.

³ Дятел Т. Вывод угольных ТЭС увеличит спрос на газ // Коммерсантъ. 2020. № 7 (17.01). С. 7.

⁴ Hydrogen Economy Outlook. 30.03.2020. URL: <https://data.bloomberglp.com/professional/sites/24/BNEF-Hydrogen-Economy-Outlook-Key-Messages-30-Mar-2020.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).

⁵ A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe.

⁶ Конопляник А. (2020) Чистый водород из природного газа. Газпром. № 9. С. 20–29 (21).

⁷ Nationale Wasserstoffstrategie. S. 6.

⁸ Развитие водородной энергетики в РФ до 2024 г.: план мероприятий. 12.10.2020. URL: <https://minenergo.gov.ru/system/download-pdf/19194/126275> (дата обращения: 21.05.2021)

⁹ Там же.

¹⁰ Nationale Wasserstoffstrategie. S. 6.

такое содействие и импортировать водород, то Москва получит возможность сохранить рынок энергосбыта;

– инвестиционное сотрудничество. Например, участие в Европейском альянсе чистого водорода немецких дочерних предприятий «Роснефти» и «Газпрома» [Белов, 2020: 72];

– сотрудничество в исследовательских проектах. У России есть свой научно-технологический потенциал, который позволяет ей кооперироваться в части разработки водородных технологий с Германией. Так, «Газпром» и «Росатом» планируют производить водород с 2024 г. [Белов, 2020: 69];

– нефть и природный газ остаются востребованным сырьем для химической промышленности.

Также развитие ВИЭ предполагает совершенствование технологий добычи и транспортировки газа. В транспортно-логистической инфраструктуре российского экспорта газа эта тенденция воплотилась в строительстве трубопровода в Европу «Северный поток–2». Проект потребовал больших инвестиционных, производственных, технологических ресурсов, юридической работы по согласованию и встретило, как было отмечено ранее, политические препятствия. Среди инвесторов, помимо «Газпрома», были также немецкие компании «Юнипер» (Uniper) и «Винтерсхалл» (Wintershall).

Выводы

ВИЭ в мире, и в особенности в Германии, становятся все более востребованными. Внедрение возобновляемой и водородной энергетики в ФРГ требует от российского топливно-энергетического комплекса и его ориентированного на экспорт сегмента совершенствовать производственно-технологические, транспортно-логистические, маркетинговые стратегии. Последнее актуально и в связи с торговой конкуренцией, обусловленной геополитическим фактором. Так, «Северный поток–2» вызывал опасения США, заинтересованных экспортировать СПГ в Европу, и Украины, которая получает доход от транзита российского газа.

Природный газ как наиболее экологически чистый традиционный энергоноситель тем не менее остается перспективным товаром. Германия стабильно приобретает 1/6–1/5 экспортируемого Россией газа. При отказе от угольной и атомной энергогенерации, занимающей важное место в энергопотреблении страны, спрос на газ возрастет. В условиях высокого спроса в Германии на водородную энергетику Москва может трансформировать свое предложение природного газа в предложение водорода. «Водородный поворот» вынуждает ведущих российских поставщиков энергоресурсов апробировать технологии производства водорода, проводить мониторинг и анализ возможностей кооперации и локализации в России передовых технологий.

В условиях развития ВИЭ и расширения технологий производства природного газа, возрастающей глобальной торговой конкуренции, а также с учетом усложнения условий его добычи в России, – российский ТЭК вынужден совершенствовать технологии добычи и сжижения природного газа и логистики его доставки.

Рост спроса на газ и менее экологически чистый уголь ожидается в азиатских экономиках, в первую очередь, Китае и Индии. Для компенсации возможного сжатия европейского рынка необходимо развитие соответствующей транспортной ин-

фраструктуры. Кроме того, перспективы сбыта угля со временем все больше будут определяться тем, насколько странам-импортерам удастся получить технологии повышения эффективности и экологичности энергогенерации. Здесь важна готовность России предоставить импортерам такие технологии. Таким образом, поддержание рынков энергосбыта в условиях развития ВИЭ во многом определяется развитием технологий по всей цепочке поставок энергоносителей (добыча – производство – транспортировка – потребление).

Список литературы

- Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Глухих П.Л. (2014) Изменение ценностных установок модернизируемого общества. *Ценности и смыслы*, № 1 (29). С. 89–101.
- Белов В.В. (2020) Новые водородные стратегии ФРГ и ЕС: перспективы кооперации с Россией. *Современная Европа*, № 5. С. 65–76. DOI: 10.15211/soveurope520206576
- Котов А.В. (2020) Оценка эффективности инструментов региональной политики. *Экономика региона*, № 2. Т. 16. С. 352–362. DOI: 10.17059/2020-2-2
- Макаров А.А., Митрова Т.А. и др. (ред.) (2019) Прогноз развития энергетики мира и России 2019. МШУ «Сколково» – ИНЭИ РАН, Москва, Россия. 210 с.
- Меден Н.К. (2019) Энергетическая трансформация в социальном рыночном хозяйстве. Опыт Германии. *Современная Европа*, № 2. С. 142–150. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019142150>
- Супян Н.В. (2020) Климатическая повестка в германской экономике. *Германия. 2019: [моногр.] / [отв. ред. В.Б. Белов]*. Ин-т Европы РАН, Москва, Россия. 144 с. С. 44–56. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12020_368
- Хохлов А., Мельников Ю. (2019) *Угольная генерация: новые вызовы и возможности*. Центр энергетики Москов. школы управл-я «Сколково». Москва, Россия. 87 с. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Coal_generation_2019.01.01_Rus.pdf (дата обращения: 18.02.2021)

References

- Akacem M., Miller D.D., Faulkner J.L. (2020) *Oil, Institutions and Sustainability in MENA*. Cham: Springer. 235 p. DOI: 10.1007/978-3-030-25933-4
- Andreasson S. (2019) The Impact of the United States Energy Revolution and Decarbonisation on Energy Markets in Africa. In: Scholvin S. et al, eds. *Value Chains in Sub-Saharan Africa*. Cham: Springer. 284 p. pp. 133–148. DOI: 10.1007/978-3-030-06206-4_9
- Andreeva E.L., Ratner A.V., Glukhikh P.L. (2014) *Izmenenie tsennostnykh ustanovok moderniziruemogo obshchestva [Changing the value attitudes of a modernized society]*. *Tsennosti i smysly*. No 1 (29), pp. 89–101. (in Russian).
- Belov V.V. (2020) *Novye vodorodnye strategii FRG i ES: perspektivy kooperatsii s Rossiei [New hydrogen strategies of Germany and the EU: prospects for cooperation with Russia]*. *Sovremennaya Evropa*. No 5, pp. 65–76. DOI: 10.15211/soveurope520206576 (in Russian).
- Bhattacharyya S.C. (2019) *Energy Economics*. London: Springer. 849 p. pp. 683–697. DOI: 10.1007/978-1-4471-7468-4
- Khokhlov A., Mel'nikov Yu. (2019) *Ugol'naya generatsiya: novye vyzovy i vozmozhnosti [Coal generation: new challenges and opportunities]*. Tsentr energetiki Moskov. shkoly upravl-ya «Skolkovo». Moscow, Russia. 87 p. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Coal_generation_2019.01.01_Rus.pdf (accessed: 18.02.2021) (in Russian).
- Kotov A.V. (2020) *Otsenka effektivnosti instrumentov regional'noy politiki [Assessing the Effectiveness of Regional Policy Tools]*. *Ekonomika regiona*. No 2, pp. 352–362. DOI: 10.17059/2020-2-2 (in Russian).
- Makarov A.A. (2020) *Technological Progress Opportunities in the Energy Sector of Russia*. *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 31, Issue 1, pp. 52–63. DOI: 10.1134/S1075700720010086
- Makarov A.A., Mitrova T.A. et al, eds. (2019) *Prognoz razvitiya energetiki mira i Rossii 2019 [Forecast of the development of energy in the world and Russia 2019]*. MShU «Skolkovo», INEI RAN, Moscow. 210 p. (in Russian).

Meden N.K. (2019) Energeticheskaya transformatsiya v sotsialnom rynochnom hozyajstve. Opyt Germanii. [Energy Revolution in Social Market Economy. German Experience]. *Sovremennaya Evropa*. No 2, pp. 142–150. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019142150> (in Russian).

Nunez-Rocha T., Turcu C. (2019) Trade in Fuels and Environmental Regulation: A Two-Sided Story. *Comparative Economic Studies*, Vol. 61, Issue 2, pp. 302–343. DOI: 10.1057/s41294-018-0081-5

Pantelaiou I. et al. (2020). Can Cleaner Environment Promote International Trade? Environmental Policies as Export Promoting Mechanisms. *Environmental and Resource Economics*, Vol. 75, Issue 4, pp. 809–833. DOI: 10.1007/s10640-020-00408-1

Ravetti C., Theoduloz T., Valacchi G. (2020) Buy Coal or Kick-Start Green Innovation? Energy Policies in an Open Economy. *Environmental and Resource Economics*, Vol. 77, Issue 1, pp. 95–126. DOI: 10.1007/s10640-020-00455-8

Streltsov A.V., Yakovlev G.I. (2019) Technological and Economic Justification of Development Tendencies of the Russian Petroleum Refining Industry. In: Ashmarina S., Vochozka M., eds. *Sustainable Growth and Development of Economic Systems. Contributions to Economics*. Cham: Springer. 406 p, pp. 393–406. DOI: 10.1007/978-3-030-11754-2_29

Supyan N.V. (2020) Klimaticheskaya povestka v germanskoj ekonomike [Climate Agenda in the German Economy]. In: Belov V.B., ed. *Germany. 2019*. Institute of Europe of RAS, Moscow. 144 p. pp. 44–56. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12020_368 (in Russian).

Volkonskii, V.A., Kuzovkin, A.I. (2019) Prices and Taxes for Oil and Oil Products in the Context of Long-Term Development of Russia. *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 30, Issue 3, pp. 252–260. DOI: 10.1134/S1075700719030171

Impact of Renewable Energy Development in Germany on Russian Energy Export

Received 24.2.2021

The article has been prepared in accordance with the plan of Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2021.

Authors: **Andreeva E.**, Doctor of Science (Economics), Professor of Russian Academy of Sciences (RAS), Head of Center of Regional Comparative Research, Leading Research Fellow, Institute of Economics of Ural Branch of RAS. **Address:** 29, Moskovskaya Str., Ekaterinburg, Russia, 620014. **E-mail:** andreeva.el@uiecc.ru

Ratner A., Candidate of Science (Economics), Senior Research Fellow of Center of Regional Comparative Research, Institute of Economics of Ural Branch of Russian Academy of Sciences. **Address:** 29, Moskovskaya Str., Ekaterinburg, Russia, 620014. **E-mail:** ratner.av@uiecc.ru

Sobolev A., Postgraduate Student, Institute of Economics of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Head of Trade mission of the Russian Federation in the Federal Republic of Germany. **Address:** 55-61, Unter den Linden Str., Berlin, Germany, 10117. **E-mail:** sobolev@rfhwfb.de

Abstract. The development of renewable energy is the most prominent global trend. Germany pursues an active environmental policy. On July 3, 2020 Germany passed legislation to close all coal-fired power plants by 2038. The development of renewable energy sources and advanced technologies in this segment will lead to a decrease in demand for some Russian energy products (coal, oil), reorient the supply to developing countries and generate a demand for the use of new advanced technologies in Russian fuel and energy export. The article is based on the international, German and Russian statistics and legal acts. The main global trends in consumption of traditional energy sources and forecasts of a number of agencies regarding their development are explored. The trends of renewable energy sources in Germany and the economic incentives for their development have been explored. An impact of renewable energy on the dynamics and structure of Russian energy exports to Germany is revealed.

Keywords: Germany, Russia, renewable energy sources, fuel and energy export, energy transition, breakthrough technologies and innovations.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420217182>

УДК: 339.92

Иван КОПЫТИН

Артем ПОПАДЬКО

ВОДОРОДНЫЕ СТРАТЕГИИ КРУПНЕЙШИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

Статья поступила в редакцию 12.05.2021

Аннотация. Цель настоящей статьи – анализ водородной стратегии крупнейших европейских энергетических компаний в условиях политики Евросоюза, нацеленной на ускорение перехода к низкоуглеродной парадигме развития. Для европейских нефтегазовых компаний развитие проектов чистого водорода является органичной политикой, так как крупнейшим конечным потребителем водорода остается нефтепереработка. Для европейских энергетических компаний решающее значение имеют возможности увеличить производство новых низкоуглеродных источников энергии. Сделан вывод, что водородная энергетика в Европе развивается по алгоритму, апробированному ранее в секторе возобновляемой зеленой энергетике. Драйвером водородных проектов является политический выбор Евросоюза в пользу зеленой экономики и декарбонизации. Сравнительно высокие издержки производства позволяют компаниям развивать зеленые водородные проекты только при поддержке государства и масштабном субсидировании за счет национальных и общеевропейского бюджетов.

Ключевые слова: водородная энергетика, корпоративные стратегии, серый, голубой и зеленый водород.

В последние несколько лет в мировой научной дискуссии по глобальному энергетическому транзиту обозначилась горячая тема – водород. «Водородооптимисты» считают, что этот энергоноситель сыграет ключевую роль в декарбонизации мировой энергетике. Согласно оценкам Водородного совета (Hydrogen Council), при оптимистическом сценарии к 2050 г. водород обеспечит 15% мирового спроса на первичную энергию [Hydrogen scaling up, 2017]. Рассматриваются возможности использования водорода в декарбонизации дорожного, морского и авиационного

© **Копытин Иван Александрович** – к.э.н., старший научный сотрудник, руководитель Центра энергетических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ. **Адрес:** 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. **E-mail:** kopytin@imemo.ru

© **Попадько Артем Михайлович** – младший научный сотрудник Центра энергетических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ. **Адрес:** 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. **E-mail:** aropadko@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420218394>

транспорта, теплоэнергетики, нефтепереработки и химической промышленности, производстве стали, цемента и стекла, хранении электроэнергии [Ishaq H., Dincer I. 2021]; [Dawood F., Anda M., Shafiullah G.M. 2020]; [McPherson, M, etc., 2018]. На начало 2021 г. долгосрочную стратегию развития водорода разной степени детализации обнародовали восемнадцать стран, на которые приходится 70% мирового ВВП¹. Наиболее активен в продвижении водорода Евросоюз [European Commission, 2020] и крупнейшие европейские страны, особенно Великобритания [Department for Business, Energy & Industrial Strategy, 2021], Германия [German Federal Government, 2020] и Нидерланды [Gigler J., etc., 2020]. Водород является одним из ключевых элементов дорожной карты ЕС по достижению нулевых выбросов парниковых газов к 2050 г. В частности, до 2030 г. намечено построить электролизеры совокупной мощностью 40 МВт для производства зеленого водорода [A Hydrogen Strategy for a climate neutral Europe, 2020].

Несмотря на длительную историю исследований перспектив водородной энергетики, научный анализ преимущественно ведется либо на макроуровне, либо на уровне отдельных секторов и отраслей экономики [Noussan, etc., 2021], [FCH JU, 2019], [Flood, 2012], [Winsche W.R., etc., 1973]. Цель настоящей статьи – исследовать водородные стратегии крупнейших европейских энергетических компаний. В конечном счете перспективы развития водородной энергетики зависят от способности компаний реального сектора интегрировать водород в свои бизнес-модели.

Экономика водорода: современное состояние

В настоящее время примерно 70 млн т водорода в чистом виде используется как промышленное сырье в нефтепереработке для очистки нефти и нефтепродуктов, а также в химической промышленности при производстве аммиака. В составе смеси других газов еще 45 млн т водорода применяется в сталелитейной промышленности и при производстве метанола [IEA, 2019]. Использование водорода как энергоносителя находится в зачаточном состоянии. При этом в исследовании [Reuß M., etc., 2017] указывается, что водород можно применять для организации альтернативного способа хранения энергии.

Существует несколько типов водорода, за каждым из которых стоит уникальный промышленный процесс. Серый водород получают из угля и природного газа. Три четверти потребляемого чистого водорода производится из природного газа и четверть из угля. [IEA, 2019] При производстве одного его килограмма в атмосферу выбрасывается 11 т углерода. В целом производство водорода сопровождается выбросами 830 млн т CO₂, что составляет около трех процентов от совокупных выбросов углерода глобальным энергетическим комплексом². Если производство серого водорода интегрировать с промышленными системами по улавливанию, захо-

¹ Patel S. How Much Will Hydrogen-Based Power Cost? Feb. 27, 2020. URL: <https://www.powermag.com/how-much-will-hydrogen-based-power-cost/> (дата обращения: 05.04.2021)

² Edwardes-Evans H. Green hydrogen costs need to fall over 50% to be viable: S&P Global Ratings. 20 Nov. 2020. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/electric-power/112020-green-hydrogen-costs-need-to-fall-over-50-to-be-viable-samp-global-ratings> (дата обращения: 05.04.2021)

ронению и хранению углерода (carbon capture and storage – CCS), получается голубой водород [Noussan M., etc., 2021]. Зеленый водород производят путем электролиза воды с использованием электроэнергии из НВИЭ, производство которой не сопровождается выбросами парниковых газов. Перспективы зеленого водорода подробнее рассматриваются в следующих работах [Noussan M., etc., 2021], [Velazquez A. A., etc., 2020], [Kakoulakia G., etc., 2021]. Выделяют также желтый водород, получаемый путем электролиза воды с использованием электроэнергии, произведенной на атомных электростанциях.

Дорожная карта ЕС по достижению нулевых выбросов парниковых газов к 2050 г. направлена на расширение производства и использования именно зеленого водорода. Так, в исследовании [Bhaskar A., etc., 2020] доказывается его важная роль в декарбонизации металлургии.

Однако в настоящее время этот вид водорода неконкурентоспособен в связи с высокими издержками производства (Табл.1) и [Al-Qahtani A., et al., 2021]. Согласно Глобальному рейтингу «Стандарт энд Пурс» (*S&P Global Ratings*), чтобы составить конкуренцию ископаемым видам топлива, издержки производства зеленого водорода должны к 2030 г. снизиться более чем на 50% – до 22,5 долл. за килограмм. Это может быть достигнуто за счет трех факторов: снижения издержек производства зеленой электроэнергии; снижения стоимости производства электролизеров; повышения коэффициента загрузки оборудования на всех стадиях производственного процесса.

Таблица 1

**Издержки производства серого, голубого и зеленого водорода, долл. за 1 кг
(данные на октябрь 2020 г.)**

	Нидерланды	США	Япония
Серый водород	1,7	1,25 – 2	2,7
Голубой водород	1,9		
Зеленый водород (электролиз с протонной обменной мембраной (PEM))	4,3	2,8 – 4,3	5,3

Источник: Edwardes-Evans H. Green hydrogen costs need to fall over 50% to be viable: S&P Global Ratings. 20 Nov 2020. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/electric-power/112020-green-hydrogen-costs-need-to-fall-over-50-to-be-viable-sampp-global-ratings> (дата обращения: 05.04.2021)

Неопределенность сохраняется относительно издержек транспортировки различных типов водорода трубопроводами, особенно на дальние расстояния, а также по распределительным сетям конечным потребителям. Исследования, в которых авторы полностью раскрывают методологию расчетов, ценовые прогнозы и экспертные гипотезы, показывают, что и в 2050 г. даже голубой водород будет более дорогим сырьем в секторе теплоэнергетики Европы в сравнении с конвенциональными тепловыми насосами [Baldino C., etc., 2021].

Расчеты «Стандарт энд Пурс» по актуальным данным подтвердили выводы научных работ [Winsche W. E., 1973], [Nemyth N., 1988] и [Scita R., etc., 2020], что

критическим фактором, определяющим скорость развития энергетического водорода, будет государственная поддержка¹.

Даже самые ярые приверженцы масштабного развития водородной энергетики сходятся в том, что продвижение водородного энергетического контура потребует масштабных государственных ресурсов и будет невозможным без кардинального снижения стоимости генерации электроэнергии из НВИЭ и технологий CCS. При этом в самом оптимистичном варианте прорыв в водородной энергетике возможен только после 2030 г. [Kova A., etc., 2021].

Водородные стратегии Бритиш Петролеум, Роял Датч Шелл и Тоталь

В создание отрасли энергетического водорода активно включились крупнейшие европейские вертикально интегрированные нефтяные компании, которые накопили компетенции в работе с водородом в качестве сырья в нефтепереработке и нефтехимии. При этом нефтегазовые компании стремятся продвинуть проекты не только зеленого, но и голубого водорода, то есть водорода, получаемого из природного газа, в комбинации со строительством мощностей по CCS. Подход исходит из того, что именно природный газ выступит в качестве переходного топлива или моста к декарбонизированной энергетической системе.

Компания Бритиш Петролеум (БП, *British Petroleum*) поставила цель завоевать десятипроцентную долю глобального производства чистого водорода к 2030 г. и активно продвигает проекты зеленого и голубого водорода в США, Великобритании, Европе, Австралии и Китае. Достижение цели позволит БП производить более 100 тыс. баррелей биоэнергии в день по сравнению с 22 тыс. в настоящее время². Компания будет развивать водородные проекты на фоне сокращения добычи нефти и газа более чем на 40% и обязательств БП по снижению выбросов углерода на 35–40% к 2030 г. Планируется десятикратно увеличить инвестиции компании в водородный сектор – до 5 млрд долл. в год.

Еще в 2018 г. германский нефтеперерабатывающий завод (НПЗ) БП в г. Линген стал первым в мире НПЗ, использующим наряду с серым зеленым водородом в процессе получения нефтепродуктов. В рамках реализации стратегии по достижению климатической нейтральности к 2050 г. БП в кооперации с германскими компаниями запланировала ввести в эксплуатацию на НПЗ Линген в 2024 г. электролизер мощностью 50 МВт, который позволит довести долю зеленого водорода в совокупном потреблении этого сырья до 20%. Окончательное инвестиционное решение по этому проекту должно быть принято в 2022 г. в зависимости от того, сможет ли компания получить финансовую поддержку ЕС. В будущем БП рассчитывает полностью перевести НПЗ Линген на зеленый водород и продавать его конечным потребителям.

¹ How Hydrogen Can Fuel the Energy Transition. S&P Global. URL: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/201119-how-hydrogen-can-fuel-the-energy-transition-11740867> (дата обращения: 08.04.2021)

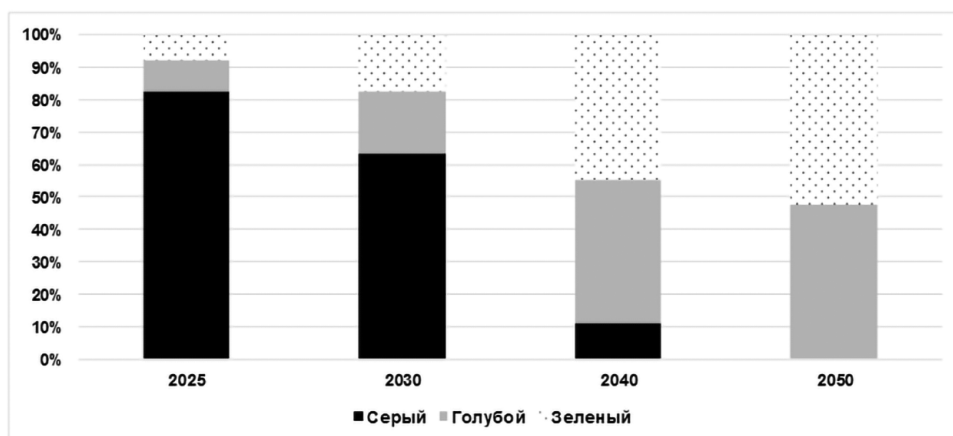
² Энергетическая стратегия компании БП. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/from-international-oil-company-to-integrated-energy-company-bp-sets-out-strategy-for-decade-of-delivery-towards-net-zero-ambition.html> (дата обращения: 05.04.2021)

Одним из самых перспективных водородных проектов БП может стать завод по производству голубого водорода в г. Тиссайд на северо-востоке Англии. Проект планируется реализовать в несколько этапов. К 2030 г. БП нацелена увеличить мощность завода до 1 ГВт, что составит 20% от плана правительства Великобритании по производству 5 ГВт водорода. Углекислый газ, образующийся в процессе получения водорода, будет улавливаться и отправляться на хранение в объеме до 2 млн т в год. Проект завода по производству водорода интегрирован со строительством двух хранилищ углекислого газа в том же регионе, операторами которых будет БП.

По прогнозу БП, к 2025 г. производство энергетического водорода составит от 0,6 до 3,6 млн т, к 2030 г. – от 1,8 до 13,4 млн т¹. Причем даже в радикальном сценарии достижения мировой экономикой к 2050 г. нулевых выбросов парниковых газов в 2030 г. на долю серого водорода будет приходиться более 60% и голубого – 19% совокупного производства водорода (Рис. 1).

Рисунок 1

БП: прогноз производства энергетического водорода по типам – сценарий нулевые выбросы CO₂ к 2050 г., доля в структуре совокупного производства водорода, %

Источник: BP Energy Outlook 2050: September 2020 <http://www.bp.com/energyoutlook>

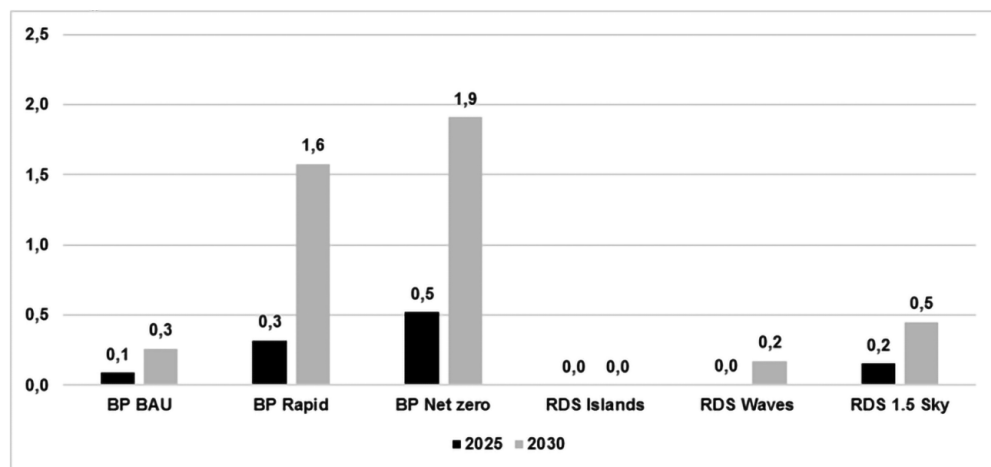
Основной площадкой по развитию водородных проектов для Роял Датч Шелл (РДШ, Royal Dutch Shell), которая поставила задачу поэтапно увеличить свою нишу на формирующемся рынке водорода, стали Германия и Нидерланды. Стратегическая цель РДШ – стать крупным производителем зеленого водорода посредством электролиза с использованием таких возобновляемых источников энергии, как ве-

¹ Подсчитано по BP Energy Outlook 2050: September 2020 <http://www.bp.com/energyoutlook>. При переводе водорода из эксаджоулей в тонны использован коэффициент 1 эксаджоуль равен 7 млн т – Hydrogen scaling up. A sustainable pathway for the global energy transition. Hydrogen Council November 2017. P. 20.

тер и солнце. Как и БП, РДШ намерена в качестве промежуточного решения производить голубой водород. Сценарные прогнозы РДШ относительно перспектив использования водорода даже более скромные в сравнении с ожиданиями БП (Рис.2).

Рисунок 2

Сценарные прогнозы на энергетический водород РДШ и БП, экскаджуоли

Источник: bp Energy Outlook 2050: September 2020 <http://www.bp.com/energyoutlook>; Shell International B.V.2021 The Energy Transformation Scenarios www.shell.com/transformationsscenarios

Действующая водородная программа РДШ разделена на несколько этапов, однако некоторые пока не имеют четких временных рамок (Табл.2).

В Германии компания планирует при получении софинансирования со стороны ЕС построить электролизер REFHYNE, который будет производить зеленый водород с использованием возобновляемых источников энергии. Этот электролизер мощностью 10 МВт, станет одним из крупнейших, использующих передовую технологию протонной обменной мембраны (PEM). Запланировано, что завод мощностью около 1,3 тыс. т водорода в год будет построен к 2022 г.

РДШ вместе с компаниями RWE, Equinor, Gasunie и Groningen Sea Ports участвует в крупнейшем европейском проекте по зеленому водороду North2 в Нидерландах, который намечено реализовать к 2040 г. В случае получения финансирования, участники проекта планируют производить более 800 тыс. т зеленого водорода за счет электроэнергии, вырабатываемой на морской ветровой электростанции мощностью 10 ГВт в Северном море.

Другой крупный водородный проект РДШ – создание зеленого водородного хаба в порту Роттердама. В июле 2020 г. Шелл (Shell) и Енеко (Eneco) выиграли тендер на строительство офшорного ветроэнергетического проекта Hollandse Kust Noord мощностью 759 МВт в Северном море, который должен производить около 18–22 тыс. т водорода в сутки с 2023 г. Полученный зеленый водород первоначально будет использоваться на НПЗ РДШ в Пернисе для частичной декарбонизации производства ископаемого топлива.

Оба проекта подтверждают, что реализация водородной стратегии РДШ критически зависит от получения внешнего финансирования. Темпы развития водородной энергетики целиком и полностью определяются возможностями и политикой стран ЕС и Брюсселя в целом по поддержке корпоративных водородных проектов в условиях экономического восстановления после кризиса COVID-19.

Таблица 2

Этапы водородной программы компании РДШ

Сроки	Этапы	Проекты
2020	Этап 0 Оценка рынка водорода, формирование и запуск пилотных проектов, согласование финансирования в рамках зеленых проектов ЕС, уточнение стратегии.	Строительство сети водородных автозаправочных станций в Германии (100 станций). Строительство водородных автозаправочных станции в Калифорнии (США). Демонстрационный проект транспортировки жидкого водорода в Японии.
2021	Этап 1 Собственное использование, удовлетворение потребностей в водороде в рамках существующих проектов, формирование генерирующих мощностей.	Производство зеленого водорода из НВИЭ в Германии (мощность 10 МВт с возможностью расширения до 100 МВт). Производство зеленого водорода в Роттердаме (Нидерланды) (200 МВт).
не определены	Этап 2 Обеспечение крупных водородных хабов; обслуживание конечных потребителей в локальных водородных хабах; создание коридоров поставок водорода и формирование рынка транспортировки водорода.	Строительство электролизеров в Китае (20 МВт). Строительство электролизеров в Германии (100 МВт). Строительство еще 50 водородных автозаправочных станции в Калифорнии (США). Проект по транспортировке водорода. Проект H-Vision (Нидерланды). Проект H2Accelerate - Phase 1 в Европе.
не определены	Этап 3 Создание кластеров. Выход на межрегиональный и международный уровень поставок. Совершенствование инфраструктуры.	Развитие проекта NortH2 (Нидерланды). Развитие проекта H2Accelerate - Phase 2 в Европе.
2035	Этап 4 Формирование рынка водорода. Расширение сети трубопроводов для транспортировки водорода, массовое внедрение водородных технологий в транспорте.	Обеспечение водородом авиационного и морского транспорта.

Источник: SHELL HYDROGEN STUDY. URL: https://www.shell.com/energy-and-innovation/new-energies-latest/hydrogen/_jcr_content/par/keybenefits_150847174/link.stream/1496312627865/6a3564d61b9af43e087972db5212be68d1fb2e8/shell-h2-study-new.pdf (дата обращения: 05.04.2021)

Водородные планы Тоталь (Total) более скромны в сравнении с британским и нидерландским нефтегазовыми гигантами. Они предусматривают пилотные проекты в сфере водорода. Тоталь концентрируется на исследовательских разработках в производстве голубого и зеленого водорода с использованием углеродно-нейтральных процессов на основе природного газа с улавливанием и хранением углерода с целью декарбонизации отраслей промышленности¹.

Стратегии EoN, EDF и RWE

Водороду уделяется значительное внимание в стратегии международной энергетической компании EoN. Однако стоит отметить, что основные водородные проекты отнесены к категории долгосрочных целей². Компания рассчитывает на финансирование ЕС в рамках программ «Зеленого курса» и программы по декарбонизации в Германии. В частности, EoN ведет переговоры с представителями Национального водородного совета ФРГ с целью получения государственной поддержки своих водородных проектов. Комплексные налоговые решения, уже апробированные германским правительством в ходе развития новой возобновляемой энергетики, могли бы помочь EoN и другим компаниям снизить издержки разработки водородных технологий и, в конечном счете, ускорить процесс энергетической трансформации. Компания принимает участие в нескольких инновационных проектах в рамках программы Европейской комиссии по финансированию «важных проектов, представляющих общеевропейский интерес» (IPCEI), целью которой является поддержка комплексных водородных проектов на всей территории Европы. На середину 2021 г. основные водородные проекты EoN сконцентрированы на формировании сети трубопроводов, транспортирующих водород и синтетический метан, для чего компания планирует совершенствовать технологии Power-to-Gas.

Согласно действующим в Германии нормам, в газопроводы при транспортировке природного газа может быть без ущерба для труб добавлено до 10% водорода³. EoN лоббирует повышение этой нормы до 20%. Наряду с этим компания изучает возможности использования действующей газопроводной инфраструктуры для прокачки чистого водорода. В ноябре 2020 г. стартовал уникальный проект дочерней компании EoN в г. Хольцвикеде, где существующий газопровод переоснащается для транспортировки чистого водорода.

В середине 2020 г. EoN и промышленный конгломерат Тиссенкруп (Thyssenkrupp) сформировали партнерство по производству экологически чистого водорода с использованием зеленой электроэнергии. Планируется, что виртуальная

¹ Universal Registration Document 2020. URL: <https://www.total.com/system/files/documents/2021-03/2020-universal-registration-document.pdf> (дата обращения: 05.04.2021)

² Annual Report 2020. URL: https://www.eon.com/content/dam/eon/eon-com/eon-com-assets/documents/investor-relations/en/annual-report/GB20_US_final_internet.pdf (дата обращения: 05.04.2021)

³ The National Hydrogen Strategy. URL: https://www.bmbf.de/files/bmwi_Nationale%20Wasserstoffstrategie_Eng_s01.pdf (дата обращения: 05.04.2021)

электростанция EoN будет дистанционно управлять электролизерами, которые автоматически включатся именно в тот момент, когда в энергосистеме будет наблюдаться избыток генерируемой электроэнергии¹.

Существенную нишу на европейском рынке водорода намерен занять один из главных производителей электроэнергии во Франции – компания EDF². Для компании новое направление бизнеса имеет особое значение на фоне усиливающегося давления Еврокомиссии, нацеленного на снижение, а в перспективе и закрытие атомной электроэнергетики на территории ЕС. Интерес EDF Group к водороду сформировался довольно давно. Еще в 2018 г. EDF приобрела около 22% акций McPhy, компании-производителя электролизеров. В 2019 г. EDF создала дочернюю компанию Hynamics, специализирующуюся на водородных проектах и декарбонизации производства. Стержневым водородным проектом EDF является строительство одного из крупнейших в Европе электролизеров мощностью 30 МВт в Хеммингштедте (Германия).

Продвижение водорода как ключевого элемента энергетического перехода в области речного и морского транспорта Hynamics осуществляет в рамках межрегионального проекта Северо-Западной Европы H2SHIPS, включающего три порта: Остенде (Бельгия), Амстердам и речной порт Париж³. Общий бюджет проекта, в котором французская компания является одним из ключевых участников, составляет 10 млн евро⁴.

Германский концерн RWE исходит из того, что зеленый водород является важным фактором для успеха энергетического перехода, а также будет иметь решающее значение для дальнейшего расширения возобновляемых источников энергии. Водород заменит ископаемое топливо во многих промышленных процессах и будет использоваться при транспортировке в тех случаях, когда неэффективны решения с использованием электробатарей. В настоящее время RWE остается единственной германской компанией, участвующей во всех этапах цепочки создания стоимости зеленого водорода. Цель европейской водородной стратегии RWE состоит в том, чтобы обеспечить в общей сложности 40 гигаватт электролизной мощности для производства зеленого водорода к 2030 г. Логично, что, будучи одним из крупнейших генераторов электроэнергии из возобновляемых источников, компания продвигает многочисленные проекты производства и транспортировки зеленого водорода.

¹ Thyssenkrupp and EON press release. URL: <https://www.thyssenkrupp.com/en/newsroom/press-releases/pressdetailpage/thyssenkrupps-water-electrolysis-technology-qualified-as-primary-control-reserve--eon-and-thyssenkrupp-bring-hydrogen-production-to-the-electricity-market-83355> (дата обращения: 04.05.2021)

² Annual Results 2020 EDF. URL: <https://www.edf.fr/sites/default/files/contrib/groupe-edf/espaces-dedies/espace-finance-en/financial-information/publications/financial-results/2020-annual-results/pdf/20210218-annual-results-2020-pr-en.pdf> (дата обращения: 05.04.2021)

³ THE H2SHIPS PLATFORM. URL: <https://h2ships.org/about-h2ships/> (дата обращения: 04.05.2021)

⁴ European project H2SHIPS. URL: https://www.steinbeis-europa.de/h2ships_en (дата обращения: 04.05.2021)

Опираясь на накопленную компетенцию, компания играет ведущую роль в крупных водородных проектах европейского значения. В частности, следует упомянуть открытый межсекторальный проект GET H2, в котором, помимо RWE, участвуют такие компании, как Generation, Nowega, OGE, Gascade, БП, BASF, Stadtwerke Lingen, Hydrogenious Technologies и другие. Задача этого амбициозного проекта – построить интегрированную водородную инфраструктуру, которая позволит связать воедино электроэнергетику, теплоэнергетику, промышленность и транспорт по всей цепочке создания стоимости. RWE также уделяет первоочередное внимание одному из самых амбициозных водородных проектов Европы – NorthH2, который уже упоминался выше. Этот масштабный проект, который, помимо RWE, реализуется крупнейшими нефтяными компаниями РДШ (Royal Dutch Shell) и Equinor, газотранспортной компанией и оператором газовой сети Gasunie (Нидерланды) и морским портом Гронинген, был инициирован в феврале 2020 г. с целью создания центра зеленого водорода для Северо-Западной Европы в северной части Нидерландов.

* * *

Проведенный анализ водородных стратегий крупнейших европейских энергетических компаний позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, водородная энергетика в Европе развивается по алгоритму, апробированному ранее в секторе возобновляемой зеленой энергетики. Драйвером водородных проектов стала не межтопливная ценовая конкуренция, а политический выбор Евросоюза в пользу зеленой экономики и декарбонизации. В настоящее время высокие издержки производства зеленого водорода позволяют компаниям развивать водородные проекты, только опираясь на прямую и косвенную поддержку государства.

Во-вторых, несмотря на возрастающую вовлеченность европейских энергетических компаний в водородный контур, в предстоящие десять–пятнадцать лет на макроуровне позиции водорода в топливно-энергетическом балансе европейских стран останутся более чем скромными. За последнее десятилетие издержки производства водорода снизились практически вдвое, но даже в максимально благоприятном сценарии к 2035 г. они останутся высокими в сравнении с конкурирующими видами топлива. Кардинально изменить ситуацию в пользу новых возобновляемых источников энергии и водорода может лишь введение в той или иной форме глобального налога на выбросы парниковых газов.

В-третьих, для европейских нефтегазовых компаний развитие проектов чистого водорода является органичной политикой, так как крупнейшим конечным потребителем водорода является и останется в обозримом будущем нефтепереработка. Неудивительно, что ряд водородных проектов электроэнергетических компаний также нацелен на обслуживание спроса со стороны нефтеперерабатывающих заводов.

В-четвертых, для европейских энергетических компаний развитие низкоуглеродной водородной энергетики позволяет поддерживать имидж ответственных экологических игроков, что крайне важно для увеличения капитализации и привлечения инвестиций.

Список литературы

Водородная экономика: новые надежды на успех. Энергетический бюллетень. Аналитический центр при Правительстве РФ. Выпуск № 73, июнь 2019.

Водородная энергетика. Энергетический бюллетень. Аналитический центр при Правительстве РФ. Выпуск № 89, октябрь 2020.

Макаров А.А., Митрова Т.А., Кулагин В.А. (2019) Прогноз развития энергетики мира и России 2019. ИНЭИ РАН–Московская школа управления СКОЛКОВО, Москва.

Митрова Т., Мельников Ю., Чугунов Д. (2019) Водородная экономика - путь к низкоуглеродному развитию. Московская школа управления СКОЛКОВО, Москва.

Пономарев-Степной Н.Н., Столяревский А.Я., Пахомов В.П. (2008) Атомно-водородная энергетика. Энергоатомиздат, Москва. 108 с.

References

A Hydrogen Strategy for a climate neutral Europe, EC 2020.

Al-Qahtani A., Parkinson B., Hellgardt K., Shaha N., Gonzalo Guillen-Gosalbez G. (2021) Uncovering the true cost of hydrogen production routes using life cycle monetisation – Applied Energy Volume 281, January 2021 115958.

Baldino C., O'Malley J., Searle S., Christensen A. (2021) Hydrogen for heating? Decarbonization options for households in the European Union in 2050. *The International Council on Clean Transportation*. Working paper 2021-09. March 2021.

Bhaskar A., Assadi M., Somehsaraei H. N. (2020) Decarbonization of the Iron and Steel Industry with Direct Reduction of Iron Ore with Green Hydrogen. *Energies*. 13(3), 758.

Dawood F., Anda M., Shafiullah G.M. (2020) Hydrogen production for energy: An overview. *Journal of Hydrogen Energy*, Volume 45, Issue 7, 7 February 2020, pp. 3847–3869.

European Commission, A Hydrogen Strategy for a Climate-Neutral Europe – Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions (Brussels: European Commission, 2020).

FCH JU. Hydrogen Roadmap Europe – A Sustainable Pathway for the European Energy Transition. (2019) Fuel Cells and Hydrogen Joint Undertaking, 6 February 2019.

Flood W. THE HYDROGEN ECONOMY - GLOBAL SOLUTION, OR PIE IN THE SKY? *Energy & Environment*. (2012) Vol. 23, No. 6/7, SPECIAL ISSUE: Innovation (2012), pp. 1097–1104.

German Federal Government—Federal Ministry for Economic Affairs and Energy. (2020) The National Hydrogen Strategy.

Gigler J., Weeda M., Hoogma R., de Boer J. (2020) Hydrogen for the energy transition. A programmatic approach for Hydrogen innovations in the Netherlands for the 2020–2030 period TKI NIEUW GAS Topsector Energie, January 2020.

IEA. The Future of Hydrogen Report. Seizing today's opportunities. IEA for the G20. Japan. (2019).

Industrial Decarbonisation Strategy. March 2021. P. 399.

Ishaq H., Dincer I. (2021) Comparative assessment of renewable energy-based hydrogen production methods. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, Volume 135, January 2021.

Kakoulakia G., Kougiassia I., Taylor N., Dolci F., Moya J., Jäger-Waldau A. (2021) Green hydrogen in Europe – A regional assessment: Substituting existing production with electrolysis powered by renewables. *Energy Conversion and Management*. Volume 228, January 2021, 113649.

Kova A., Paranos M., Marcus D. (2021) Hydrogen in energy transition: A review. *International Journal of Hydrogen Energy*, Volume 46, Issue 16. 3 March 2021, pp. 10016–10035.

Makarov A. A., Mitrova T. A., Kulagin V. A. (2019) Prognos rayvitiza energetiki mira i Rossii 2019 [Forecast of World and Russian Energy Development 2019] INEI RAN – Moskovskaya shkola upravleniya SKOLKOVO, Moscow. (in Russian).

McPherson M.; Johnson N.; Strubegger M. (2018) The role of electricity storage and hydrogen technologies in enabling global low-carbon energy transitions. *Appl. Energy* 2018, 216, 649–661.

Mitrova T., Melnikov Yu., Chugunov D. (2019) Vodorodnaya ekonomika – put' k nizkouglerodnomu razvitiu [Hydrogen economy – the way to low-carbon development]. *Moskovskaya shkola upravleniya SKOLKOVO*, Moscow. (in Russian).

- Nemyth N. (1989) The Seventh World Hydrogen Energy Conference Moscow September 1988. *Energy Exploration & Exploitation*, Vol. 7, No. 4, pp. 271–280.
- Noussan M., Raimondi P.P., Scita R., Hafner M. (2021) The Role of Green and Blue Hydrogen in the Energy Transition – A Technological and Geopolitical Perspective. *Sustainability*. 2021, 13(1), 298.
- Ponomarev-Stepnoi N.N., Stolzarevskii A. Ya., Pahomov V.P. (2008) Atomno-vodorodnaya energetika [Atom-hydrogen energy]. *Energoatomizdat*, Moscow. 108 p. (in Russian).
- Reuß M., Grube T., Robinius M., Preuster P., Wasserscheid P., Stolten D. (2017) Seasonal storage and alternative carriers: A flexible hydrogen supply chain model. *Applied Energy*. Volume 200, August 2017, pp. 290–302.
- Scita R., Raimondi P.P. and Noussan M. (2020) Green Hydrogen. Manfred Hafner. Published by Fondazione Eni Enrico Mattei (FEEM).
- Velazquez A.A., Dodds P.E. (2020) Green hydrogen characterisation initiatives: Definitions, standards, guarantees of origin, and challenges. *Energy Policy*. Volume 138, March 2020, 1113002020.
- Vodorodnaya ekonomika: novie nadejdi na uspeh [The hydrogen economy: new hopes for success]. *Energeticheskii buleten' Analiticheskii centr pri pravitelstve RF*. No. 73, 2019. (in Russian).
- Vodorodnaya energetika [Hydrogen energy]. *Energeticheskii buleten' Analiticheskii centr pri pravitelstve RF*. No. 89, 2020. (in Russian).
- Winsche W. E., Hoffman K. C and Salzano F. J. (1973) Hydrogen: Its Future Role in the Nation's Energy Economy. *Science*. Jun. 29, 1973, New Series, Vol. 180, No. 4093, pp. 1325–1332.

Hydrogen Strategies of the Largest European Energy Companies

Received 12.05.2021

Authors: Kopytin I., Candidate of Science (Economics), Head of the Center for Energy Studies Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. **Address:** 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation. **E-mail:** kopytin@imemo.ru

Popadko A., Junior research fellow of the Center for Energy Studies Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. **Address:** 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation. **E-mail:** apopadko@gmail.com

Abstract. The article outlines strategies of the largest European energy companies in the context of the EU climate policy aiming to accelerate the transition to a low carbon paradigm of development. For European oil and gas companies, the development of clean hydrogen projects is a natural policy since oil processing is the largest final consumer of hydrogen. Opportunities to increase production of new low-carbon energy sources are critical for European energy companies. It is concluded that hydrogen energy in Europe is developing in accordance with the algorithm previously applied in the sector of green renewable electricity. The driver of hydrogen projects is the political choice of the EU in favor of the green economy and decarbonization. Relatively high production costs allow companies to develop green hydrogen projects only relying on government support and large-scale subsidies from national and European budgets.

Keywords: hydrogen energy, corporate strategies, grey, blue and green hydrogen, BP, Royal Dutch Shell, Total, EoN, EDF, RWE.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420218394>

УДК 330.322; 331.55

Александр БУЛАТОВ

Анджей ГАБАРТА

Егор СЕРГЕЕВ

РОЛЬ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЕВРОПЫ В ПРИТОКЕ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВ И ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ*

Статья поступила в редакцию 02.06.2021

Аннотация. В статье проанализирована роль глобальных городов в притоке прямых иностранных инвестиций и трудовых мигрантов в зарубежную Европу. Цель работы – исследовать основные факторы, притягивающие такого рода экономические ресурсы, и выявить специфику европейских глобальных городов с точки зрения использования данных возможностей. Научная и практическая значимость статьи обусловлена выявлением транснациональных факторов, влияющих на развитие глобальных европейских городов и определением их роли в этом процессе. Несмотря на критику концепции глобальных городов за ее «западноцентричность», она остается общепризнанной интерпретацией современных урбанистических трендов. В исследовании показана специфика притяжения и использования зарубежных капиталовложений и труда иностранных работников в десяти ведущих глобальных городах зарубежной Европы. Выводы работы могут быть использованы для анализа развития глобальных городов России.

Ключевые слова: глобальные города, прямые иностранные инвестиции, иностранные трудовые мигранты, Амстердам, Берлин, Вена, Лондон, Мадрид, Париж, Стокгольм, Франкфурт, Цюрих.

© Булатов Александр Сергеевич – д.э.н., с.н.с. кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. Адрес: 117454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: bulatov.moscow@mail.ru

© Габарта Анджей Артурович – к.э.н., доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. Адрес: 117454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76; в.н.с. Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: a.habarta@inno.mgimo.ru

© Сергеев Егор Александрович – к.э.н., доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. Адрес: 117454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: sergeev-ea@yandex.ru

* Статья опубликована за счет гранта РФФИ № 19-18-00251.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope4202195106>

По данным ЮНКТАД, более трети накопленных в мире прямых иностранных инвестиций (ПИИ) находятся в развитых странах Европы – 12,6 трлн из 36,5 трлн долл. [UNCTAD, 2020]. Основная часть этих инвестиций сосредоточена в европейских городах, прежде всего, глобальных. Европа также притягивает основную часть трудовых мигрантов в мире: из 164 млн трудовых мигрантов примерно треть (около 52 млн) работала в Европе, преимущественно Западной (39 млн) [World Migration Report, 2020]. Большинство из них также осело в глобальных городах.

Концепцию глобальных городов часто критикуют за ее «западноцентричность», однако сегодня, в силу роста новых центров, она распространяется как на развитые, так и на развивающиеся страны [Surborg, 2011].

Идея глобального города является логическим продолжением концепции мирового города (англ. world city), разработанной Дж. Фридманом [Ghadge, 2019]. В своей известной работе [Friedman, 1986] ученый утверждал, что специфика и структура города зависит от его участия в глобальной экономике, характерных функций, которые он выполняет, и изменения параметров воздействия транснациональных факторов (потоков товаров, труда, капитала). Там же Фридман допускает иерархичность таких городов и возможность их сравнения. С. Сассен использовала термин «глобальные города», чтобы отделить полисы, развивающиеся под влиянием глобализации, от старых промышленных и торговых центров [Sassen, 2005]. С ее точки зрения, появление глобальных рынков – в первую очередь, финансовых – привело к необходимости управления ими и росту спроса на сервисные фирмы, обслуживающие транснациональные потоки. Любопытно, что, несмотря на универсальный характер глобализации, появление таких фирм требует локализации. В результате одним из важнейших вопросов функционирования глобальных городов становится проблема размещения аффилированных компаний глобальных ТНК [Goerzen, Asmussen, Nielsen, 2013]. Следствием роста локализации транснациональных факторов является «глобализированная урбанизация» [Brenner, Keil, 2014], ведущая к формированию сетей взаимодействия глобальных центров, что, в свою очередь, приводит к своеобразной конвергенции между ними с сохранением специфических характеристик (прежде всего экономических и институциональных) [Chakravarty et al., 2021].

Кроме того, общемировые тенденции, отражающие современный характер либерального капитализма, проникают в глобальные города, что приводит к социально-экономической поляризации, нестабильности и другим негативным последствиям [Curtis, 2018]. В результате конкуренция между глобальными городами усиливается [Ichikawa, Yamato, Dustan, 2017], что приводит к их специализации [Bulatov, Nabarta, Sergeev, 2021], а также повышает значимость притягивающих факторов.

В концепции, выдвинутой С. Сассен, глобальными считаются те города, в которых глобализация принимает конкретные экономические, политические и культурные формы [Sassen, 2005]. Из 236 городов, относимых по классификации университета Лафборо (Великобритания) к ведущим глобальным, примерно одна пятая находится в Европе. В своем исследовании авторы рассматривают такие аспекты глобализации европейских городов, как приток в них ПИИ и иностранной рабочей силы. Значение глобальных городов для международного движения капитала и трудовой миграции отмечается также в концепциях новых транснациональных ак-

торов [см, например, Лебедева, 2016] и глобальных городов как их хабов [Слука, Карякин, Колясев, 2020].

Существуют различные рейтинги глобальных городов, отражающие комплексные характеристики¹ и отдельные аспекты, например, роль как международных финансовых центров (МФЦ)², как объектов приложения инвестиций в недвижимость³ или как инновационных центров⁴. Для целей исследования были отобраны города Европы, которые занимают наиболее высокие места в рейтингах.

Лидерами всех 9 нижеприведенных рейтингов являются Лондон и Париж. Им уступают Амстердам, Мадрид и Стокгольм согласно 8 рейтингам. Вена и Цюрих были в числе европейских лидеров в 7 рейтингах, Франкфурт – в 6, Берлин – в 5.

Для анализа притока ПИИ и трудовых мигрантов авторы ставили следующие задачи: исследовать роль указанных выше городов в привлечении зарубежного капитала и иностранной рабочей силы, проанализировать структуру этих инвестиций и миграционных потоков, а также их значения для экономики самого города и остальных регионов страны. При этом авторы выявили особенности, исходя из предпосылки, что каждый глобальный город обладает своей экономической специализацией, которая зависит от ряда притягивающих факторов, включая общую инвестиционную и миграционную привлекательность страны. В связи с этим некоторые из городов рассматривались в паре в рамках одной страны (Франкфурт и Берлин).

Лондон

Лондон доминирует как объект приложения ПИИ в Британии. Во многом этому способствует наличие в британской столице мощного МФЦ, несколько уступающего в рейтингах лишь Нью-Йорку. Его функции состоят не столько в привлечении зарубежных инвестиций для самого Лондона и в последующей диффузии этих инвестиций в другие регионы Британии, сколько в содействии их транзиту в другие

¹ The World According to GaWC 2018. URL: <https://www.lboro.ac.uk/gawc/world2018.html#top> (дата обращения 19.06.2020); A.T. Kearney Global Cities Report 2019. URL: <https://www.kearney.com/global-cities/2019> (дата обращения: 20.06.2020); The Sustainable Cities Index 2018. URL: https://www.arcadis.com/media/1/D/5/%7B1D5AE7E2-A348-4B6E-B1D7-6D94FA7D7567%7DSustainable_Cities_Index_2018_Arcadis.pdf (дата обращения 20.06.2020); Global Power City Index 2019. URL: http://mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2019_summary.pdf (дата обращения: 20.06.2020); Global City Competitiveness Index/ URL: https://www.citigroup.com/citi/citiforcities/pdfs/eiu_hotspots_2012.pdf (дата обращения 30.06.2020); Cities of Opportunity 7. URL: <https://www.pwc.com/us/en/library/cities-of-opportunity.html> (дата обращения: 4.07.2020)

² Global Financial Centres Index 28. URL: <https://www.longfinance.net/publications/long-finance-reports/global-financial-centres-index-28/> (дата обращения: 31.10.2020)

³ Schreders' Global Cities Index 2020. URL: <https://www.schroders.com/en/uk/assetmanager/fund-centre/funds-in-focus/global-cities-index/what-is-a-global-city> (дата обращения: 01.06.2020)

⁴ Innovation Cities Index 2019. URL: <https://www.innovation-cities.com/index-2019-global-city-rankings/18842/> (дата обращения: 15.06.2020)

страны мира. Эта основная функция подкрепляется наличием у Британии обширной зарубежной офшорной сети вблизи страны и в Карибском бассейне, а также размещением в Лондоне большинства (3/4) всех европейских штаб-квартир ТНК. По оценке МВФ, чуть менее половины поступающих в Британию ПИИ являются транзитными [Damgaard, Elkjaer, 2017], и подавляющая их часть проходит через лондонский МФЦ.

Одновременно сама британская столица интересна иностранным инвесторам и как объект приложения ПИИ в лондонское городское хозяйство. Если в прежние десятилетия город был притягателен прежде всего как место осуществления проектов в сфере сбыта и маркетинга (на них в 1994–2018 гг. приходилось 74% всех проектов в городе с участием ПИИ), то в последние годы он все больше привлекает иностранных инвесторов как технологически и инновационно передовой город. В 2019 г. в зарубежной Европе из всех проектов в сфере цифровых технологий на базе ПИИ Великобритания обеспечила себе 30% проектов (432), из которых на Лондон пришлось 289.

Кроме того, британская столица является региональным хабом для инвестирования активов иностранных ТНК, размещенных в нем, в другие регионы страны, прежде всего, в Юго-Восточную Англию. В целом на этот регион в 2019 г. пришлось 59% проектов на базе поступивших в Британию ПИИ, в том числе на сам Лондон – 48,5% [Trends... 2020].

Из 9,3 млн проживающих в Великобритании мигрантов (жителей страны, родившихся за рубежом) более трети живет в Лондоне и составляет 38% его населения. Такова же доля британской столицы в общей численности работающих в стране иностранцев [Facing Facts, 2017]. Большинство трудовых мигрантов работает в отраслях с преобладанием низко- и среднеквалифицированных рабочих мест, однако среди высококвалифицированных работников также высока доля иностранных граждан. Например, в секторе финансовых и деловых услуг доля мигрантов в середине десятилетия составляла 12% по всей стране, во многом благодаря Лондону, в котором численность иностранцев, работающих в сфере финансовых и страховых услуг (главным образом в МФЦ), оценивалась в 118 тыс. человек (около 40% всех работающих в городе в этом секторе). [Facing facts, 2017]. Это объясняется заинтересованностью многочисленных лондонских финансовых компаний (около 60 тыс.), банков (264) и штаб-квартир ТНК поддерживать устойчивые деловые связи со всеми странами мира в значительной степени благодаря высококвалифицированным иностранным работникам.

Со своей стороны, иностранцы считают Лондон одним из наиболее удобных городов в мире для работы и проживания. Высокий уровень жизни, инновационный характер экономики, относительно невысокие налоги, комфортная деловая, правовая и культурная среда, высокий уровень толерантности по-прежнему делают британскую столицу одним из центров международной миграции. Так, население Лондона за 2005–2015 гг. увеличивалось в среднем на 1,5% в год преимущественно за счет приезжих.

В связи с брекзитом возник риск снижения инвестиционной привлекательности Лондона. Часть размещенных в британской столице иностранных компаний и банков планирует переезд как в традиционные европейские глобальные города (Амстердам, Франкфурт, Париж, Цюрих), так и в новые – прежде всего, в соседний Дублин.

Париж

Париж притягивает более половины всех входящих в страну ПИИ. Высокому уровню инвестиционной привлекательности французской столицы способствует сильная ориентация на НИОКР. Кроме того, в связи с брекзитом в 2019 г. на Сену переехал один из регуляторов ЕС – Европейское банковское агентство.

В Париже сосредоточено самое большое число штаб-квартир крупнейших ТНК. Однако практически все они так или иначе ассоциируются с французским, а не иностранным (как в Лондоне) капиталом, что говорит о слабой международной транзитной роли МФЦ Парижа.

Другой специфической чертой города можно считать сравнительно невысокую трансмиссионную функцию Парижской агломерации, поскольку значительная часть ПИИ остается здесь и не переходит в другие регионы. Представляется, что подобная ситуация является следствием давней специализации на высокотехнологичных отраслях и логистике: этот регион Франции аккумулирует до 36% всех инвестиционных проектов, связанных с НИОКР, в машиностроении, 25% проектов в производстве электрического оборудования, 59% проектов в логистике [Bilan des investissements internationaux en France, 2018: 71].

К числу конкурентных преимуществ Парижа как глобального города относят более низкую стоимость жилья, чем у основных конкурентов, транспортную доступность и богатый рекреационный потенциал города. Те же факторы можно считать основой для притока в город и агломерацию иностранных трудовых мигрантов. В этой сфере французская столица обладает своей спецификой: во-первых, на Парижскую агломерацию приходится порядка 40% численности мигрантов [OECD, 2018], во-вторых, в столичном регионе очень велика доля мигрантов из стран Африки (около 47%) и сравнительно невелика доля мигрантов из стран европейского континента (порядка 32%) [Paris Region Key Figures, 2019: 9].

Амстердам

Амстердам является частью крупной агломерации Рандстад, куда также входят Роттердам, Гаага и Утрехт и где проживает 40% всего населения страны. Рандстад формирует свой отдельный городской регион, который дает приблизительно 15% ВВП страны.

Крупные центры в составе агломерации обладают специализацией. Роттердам – промышленная и портовая столица, Гаага – политический центр и столица международных организаций, Амстердам – крупный МФЦ. Отсюда целенаправленная политика правительства по развитию города как финансовой столицы, а также космополитического центра. В город приходит до 40% всех ПИИ Нидерландов [Bulatov, Nabarta, Sergeev, 2021]. Специфика в том, что они практически не задерживаются в Амстердаме, т.к. столица отражает специализацию самой страны как транзитной базы для инвестиций (до 80% всех входящих ПИИ сразу же покидают континентальные Нидерланды).

Зарубежные капиталовложения преимущественно направлены в сферу ИКТ, финансовые и деловые услуги, креативные отрасли, недвижимость, инвестиции в которую обеспечивают основной прирост ВВП города [Economische Verkenning

2019], а также новые технологические отрасли. Например, более 10% всех дата-центров Европы расположены в Амстердаме [Econometrische Verkenning, 2016: 80].

Трудовых мигрантов привлекает хорошая транспортная инфраструктура, качество жизни, доступ к цифровым технологиям, преобладание в городе квалифицированных англоговорящих иностранных работников. Население Амстердама наиболее «интернационализировано» из всех нидерландских городов: около 54% его жителей являются мигрантами в первом или втором поколении, которые в целом определяют динамику численности города.

В миграционном составе города преобладают «незападные» мигранты (66%), однако доля «западных» жителей в городе (34%)¹ гораздо больше, чем в среднем по стране (10%), во многом за счет граждан Британии и США. Одновременно идет отток из города коренных жителей, и значительная часть бывших амстердамцев оседает в остальных частях агломерации (там соотношение коренного населения к некоренному составляет приблизительно 62:38).

Мадрид

В агломерации (автономном сообществе) Мадрида формируется более 19% ВВП страны [INE, 2020] и концентрируется около 60% поступающих ПИИ. При этом почти 50% иностранных инвестиций поступают из Люксембурга и Нидерландов, т.е. центров транзита ПИИ.

Столица активно привлекает зарубежный капитал. Здесь расположены многочисленные штаб-квартиры ТНК и их филиалы (37% от общего числа в Испании), фондовая биржа (в ведении которой находятся все местные фондовые биржи) и главные офисы основных испанских банков. В Мадриде также размещены региональные отделения Межамериканского банка развития (IADB), Европейского инвестиционного банка и Международной организации комиссий по ценным бумагам (IOSCO). Кроме того, благодаря географическому расположению и исторически сложившимся связям, испанская столица служит для европейского бизнеса воротами в Латинскую Америку и страны Северной Африки. К тому же город обладает хорошей развитой транспортно-логистической инфраструктурой.

Мадрид является основным центром притяжения иностранной рабочей силы на Иберийском полуострове. Так, в 2019 г. в испанскую столицу прибыло свыше 112 тыс. иностранцев (в автономное сообщество Мадрида – 173 тыс.). Более 40% мигрантов были гражданами стран Южной Америки – 13%, ЕС – 7,8%, Азии – 6,5%, Северной Америки – 3,7% и Африки (в основном Марокко) – 3% [Comunidad de Madrid, 2020]. Трудовые мигранты из развитых стран в основном заняты на предприятиях и в офисах ТНК, остальные категории мигрантов трудятся в сфере услуг и промышленности.

Стокгольм

Экономически объединенные в «Бизнес Альянс Стокгольма» (*Stockholm Business Alliance*) все 50 муниципалитетов стокгольмской агломерации производят

¹ Под «западными» мигрантами в нидерландской статистике понимаются мигранты из Европы (за исключением Турции), Северной Америки, Океании, Индонезии и Японии. Под «незападными» — выходцы из Африки, Латинской Америки, Азии (без Индонезии и Японии) и Турции. (Прим. авторов)

примерно 42% ВВП Швеции¹ и обеспечивают 29% экспорта и 43% импорта [Global Stockholm, 2015].

Стокгольм ориентируется на современные отрасли – фармацевтику, электронное машиностроение, ИКТ, финансы, научные исследования [Global Stockholm, 2015]. Эта двойная ориентация – на современные отрасли и внешнюю торговлю – обеспечивает дополнительную привлекательность города для ПИИ помимо остальных его выгодных аспектов (высококвалифицированная рабочая сила, сравнительно невысокие налоги, хорошая инфраструктура).

Однако проблемой остается высокая стоимость рабочей силы. Другой проблемой не только для ПИИ, но и для всей экономики Швеции является нехватка высококвалифицированной рабочей силы, которую страна старается восполнить, в том числе за счет мигрантов. Большинство иностранцев работает в Стокгольме, в результате чего в общей численности его жителей доля родившихся за рубежом составила 26% (по всей стране – 17%), а доля мигрантов в первом и втором поколении – 33%. В сфере услуг, прежде всего, в здравоохранении и социальных услугах занято 17,6% иностранных работников, в сфере деловых услуг – 17,4% и образовании – 11,5% [Migrant and Refugee Integration, 2019]. Однако уровень квалификации мигрантов остается недостаточным: в 2017 г. доля родившихся в Швеции жителей Стокгольма в возрасте от 15 до 64 лет, имевших университетское образование, составляла 63%, в то время как среди мигрантов она была равна 48%.

Цюрих

Цюрих – самый крупный город Швейцарии – является экономической столицей конфедерации (в нем выпускается около 1/6 продукции страны). Его профиль как глобального города определяется развитыми финансами (здесь находится один из главных европейских МФЦ) и высокотехнологичной промышленностью. Цюрих считается одним из главных технологических центров Европы [fDI Intelligence, 2020]. Данная характеристика города заметно влияет на приток в него ПИИ и иностранной рабочей силы.

МФЦ города (на него приходится немногим менее половины добавленной стоимости всего финансового сектора Швейцарии) специализируется, прежде всего, на обслуживании транзитных ПИИ. Из накопленных в Швейцарии европейских инвестиций (на них приходится 84% от всех зарубежных капиталовложений), более ¾ приходится на транзитные, – главным образом, из Нидерландов, Ирландии, Люксембурга и Австрии [Swiss National Bank, 2019]. Другая специализация этого МФЦ состоит в управлении банковскими активами клиентов из других стран мира. Из 7,2 трлн шв. франков на тех счетах клиентов, которыми управляют швейцарские банки, более 2,2 трлн принадлежат частным клиентам, что делает Швейцарию (прежде всего Цюрих) мировым лидером по управлению частными активами [Finanzplatz Zurich, 2020]. В результате 44% добавленной стоимости, производимой этим МФЦ, обеспечивают банки. Еще 45% приходится на страховые компании (и в этом третья особенность МФЦ Цюриха), которые заняты преимущественно перестрахованием.

¹ Befolkningsstatistikens sammandrag 1960–2019. URL: <https://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/befolkning/befolkningens-sammansattning/befolkningsstatistik/pong/tabell-och-diagram/helarsstatistik--rikt/befolkningsstatistik-i-sammandrag/> (дата обращения: 15.06.2020)

Уступая финансовому сектору, обрабатывающая промышленность Цюрихской агломерации привлекает ПИИ за счет своей ориентированности на высокие технологии. Швейцария одна из немногих европейских стран, в которой не произошло деиндустриализации. За 1990–2017 гг. доля обрабатывающей промышленности в ВВП страны снизилась лишь с 20,5 до 18,2% [PWC, 2018]. В Цюрихской агломерации (прежде всего, в кантоне Цуг) по-прежнему выпускается широкая номенклатура машин, оборудования, фармацевтических товаров высокого технологического уровня.

Страна является одним из лидеров по доле мигрантов в общей численности населения (к ним принадлежит около трети населения). В Цюрихе иностранцы составляют почти половину населения (если считать не только первое, но и второе поколение мигрантов). Более 2/3 из них – выходцы из других стран Европы, прежде всего, Германии и Италии. Высокий уровень квалификации этих мигрантов в сочетании с довольно жесткими требованиями со стороны миграционного законодательства обеспечивает стране достаточный приток квалифицированной рабочей силы из-за рубежа в условиях нехватки собственных трудовых ресурсов.

Вена

В Вене производится 34% ВВП страны. В экономике города преобладает сфера услуг, доля которой составляет 85% [ОЭСД, 2020]. Столица Австрии является экономическим центром, объединяющим Восток и Запад европейского континента, как лучший международный центр для установления деловых отношений с Восточной и Юго-Восточной Европой. В Вене сосредоточены штабквартиры ряда международных организаций: здесь работает более 3500 дипломатов и более 5000 сотрудников международных организаций [Vienna Business Agency, 2020].

Одновременно австрийская столица является знаменитым научным и образовательным центром. Благодаря большой концентрации учебных и исследовательских заведений, город является крупнейшим ИКТ-центром Европы после Лондона. Здесь функционирует более 5,8 тыс. компаний из области ИКТ с годовым доходом около 20 млрд евро. Свыше тысячи международных предприятий из данного сегмента разместили свои штаб-квартиры в Вене для работы в Центральной и Восточной Европе [Vienna Digital City, 2018].

Город также лидирует в сфере развития финансовых технологий. Столица Австрии один из лидеров в области цифровизации и европейский центр криптовалют [Invest in Austria, 2020]. Во многом благодаря этому австрийские банки, штабквартиры которых сосредоточены в Вене, смогли занять главные места в банковских системах стран Центральной и Восточной Европы в XXI в. Крупный научно-образовательный и инновационный кластер, масштабный банковский сектор, а также фондовая биржа (самая большая площадка в Центральной и Восточной Европе) сделали Вену центром притяжения для ПИИ в этом регионе. В 2019 г. приток зарубежных инвестиций в Австрию составил 4,6 млрд долл., из которых 65% поступило в столицу.

Вена еще с периода промышленной революции XIX в. была центром притяжения рабочей силы в рамках Австро-Венгерской империи. В настоящий момент 30%

населения города – это лица с иностранным гражданством [Stadt Wien, 2020]¹. В 2019 г. в Вену прибыли более 91 тыс. мигрантов. В настоящее время в ней проживает более 184 национальностей, в том числе сербы (4,1%), немцы (2,6%), турки (2,4%), поляки (2,3%) и румыны (1,9%) [Vienna in figures 2020, 2020].

Франкфурт и Берлин

Специфика ФРГ заключается в наличии нескольких соревнующихся друг с другом глобальных городов, а также в значительной конкуренции между федеральными землями. Результат этого соперничества – высокая степень распыленности ПИИ и трудовых мигрантов не только между самими землями, но и между городами одних и тех же земель.

Даже учитывая безоговорочное лидерство Франкфурта как крупнейшего города земли Гессен, на него приходится не более 70% всех накопленных ПИИ в этой федеральной земле, а по отношению ко всей стране данный показатель составит около 10% [Vulатов, Nabarta, Sergeev, 2021] при том, что доля города в ВВП страны составляет около 2%. Что касается Берлина, то это единственный крупный финансовый центр в Восточной Германии, на который приходится не более 4% от всех накопленных ПИИ.² Тот факт, что доля Берлина в притоке ПИИ совпадает с долей города в ВВП страны (те же 4%), говорит о незначительной роли иностранных инвестиций в экономике города.

Основа конкурентоспособности Франкфурта и его специализации – развитый финансовый сектор, расположение здесь ключевых институтов и банков Германии и ЕС (ЕЦБ, Европейского агентства страхования и пенсий и ряда других). В целом финансовый сектор аккумулирует до 20% входящих ПИИ, затем следуют ИКТ, деловые услуги, торговля и транспорт. Отраслями специализации Берлина можно считать только инвестиции в недвижимость и в стартапы (хотя и здесь позиции города несколько пошатнулись). Подобная узкая специализация вызвана не большой инвестиционной привлекательностью Восточной Германии [KPMG, 2020].

Для этих двух городов значительную роль играет большая доля мигрантов в первом или втором поколении. В Берлине этот показатель составляет 33%³, а во Франкфурте – 51% [Frankfurter Integrations- und Diversitätsmonitoring, 2017]. В Берлине 12% всех иностранцев составляют турки, далее следуют поляки (7%), сирийцы (6%), итальянцы (4%) и американцы (3%). Во Франкфурте крупнейшие иностранные диаспоры представлены турками (11%), хорватами (7%), итальянцами (7%), румынами (5%) и сербами (4%)⁴. Стоит отметить, что уровень квалификации мигрантов остается недостаточным для их активного участия в наиболее производительных секторах городской экономики как во Франкфурте, так и в Берлине.

¹ Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sdg_08_10/default/table?lang=en (дата обращения: 15.06.2020)

² Deutschland in Zahlen. URL: <https://www.deutschlandinzahlen.de/tab/bundeslaender/aussenwirtschaft/direktinvestitionen/auslaendische-direktinvestitionen-im-inland> (дата обращения: 15.06.2020)

³ Расчеты авторов по данным Statistisches Bundesamt. URL: www.destatis.de (дата обращения: 15.06.2020)

⁴ Расчеты авторов по [100 Jahre Groß Berlin, 2019] и [Statistisches Jahrbuch, 2019].

Заключение

Крупные глобальные города являются основными каналами притока ПИИ и трудовых мигрантов, что подтверждает национальная и международная статистика. С точки зрения притока иностранных инвестиций, глобальные города могут выполнять три функции: хаба для транзитных ПИИ, объекта притяжения инвестиций в городскую экономику и регионального хаба. Из исследуемых в статье десяти городов все три функции одновременно выполняет только Лондон, который остается одним из главных глобальных городов мира, несмотря на брекзит. Остальные крупные глобальные города зарубежной Европы исполняют не более двух функций, что не позволяет им на равных конкурировать с британской столицей по объему притока ПИИ.

Уровень развития страны и региона заметно сказывается на структуре ПИИ в экономике самих глобальных городов. В Лондоне, Париже, Амстердаме, Стокгольме, Цюрихе, Вене все большим объектом приложения инвестиций становятся высокотехнологичные отрасли, что менее заметно в Дублине, Мадриде и Берлине. В то же время в исследованных городах (кроме Берлина) давно развит финансовый сектор во многом на базе МФЦ. Отсюда следует вывод, что МФЦ необходим для глобального города с экономической точки зрения. Берлин является глобальным городом преимущественно в политическом и культурном значении.

Наибольшие успехи в привлечении трудовых мигрантов имеют те глобальные города, куда направляются высококвалифицированные трудовые мигранты (Стокгольм, Цюрих, отчасти Амстердам и Вена), среди которых заметна доля специалистов по отдельным профессиям, как в случае с финансовыми и деловыми услугами в Лондоне.

Список литературы

Лебедева М.М. (2019) Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, № 1. С. 7–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rol-i-gorodov-i-vnutrigosudarstvennyh-regionov-v-mirovoy-politike> (дата обращения: 20.04.2020)

Слука Н.А., Карякин В.В., Колясев Е.Ф. (2020) Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, № 13(1). С. 203–226. URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/601/486> (дата обращения: 08.05.2020)

References

Bilan des investissements internationaux en France (2018) Business France, Paris, 161 p. URL: https://www.businessfrance.fr/Media/Production/PROCOM/Articles%20-%20News/Bilan_int_INVEST-FR-BD.pdf (accessed: 25.05.2020)

Brenner N., Keil R. (2014) From Global Cities to Globalized Urbanization, *Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation*, Vol. 3, pp. 1–17.

Bulatov A., Habarta A., Sergeev E. (2021) “International Financial Centers as Channels for Foreign Investment Inflow to European Cities”, *Journal of Globalization Studies*, No 1., pp.101-116.

Chakravarty D., Goerzen A., Musteen M., Ahsan M. (2021) Global Cities: A Multi-disciplinary Review and Research Agenda, *Journal of World Business*, No 56, 101182.

Curtis S. (2018) Global Cities and the End of Globalism, *New Global Studies*, Vol. 12(1), pp. 75–90.

Damgaard J., Elkjaer T. (2017) The Global FDI Network: searching for Ultimate Investors. IMF Working Paper. WP/17/258. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2017/11/17/The-Global-FDI-Network-Searching-for-Ultimate-Investors-45414> (accessed: 25.06.2020)

- Economische Verkenningen Metropoolregio Amsterdam 2016. (2016) Gemeente Amsterdam, 156 p. URL: https://omgevingswet.zaanstad.nl/system/attachments/files/000/003/447/original/economische_verkenningen_metropoolregio_amsterdam_2018.pdf (accessed: 25.05.2020)
- Economische Verkenningen Metropoolregio Amsterdam 2019. (2019) Gemeente Amsterdam, 150 p. URL: <https://www.neo-observatory.nl/site/wp-content/uploads/2019/08/PDF-148.pdf> (accessed: 20.05.2020)
- fDI Intelligence (2020) Stockholm: setting standards for Scandinavia and Europe. URL: <https://www.fdiintelligence.com/article/27644> (accessed: 01.11.2020)
- Folck S. (2014) Location of Foreign Direct Investment in Services: Some Cross-Industry Evidence from Sweden. *Revue d'Economie Regionale et Urbaine*. URL: https://www.cairn.info/revue-d-economie-regionale-et-urbaine-2014-2-page-285.htm?try_download=1 (accessed: 26.10.2020)
- Frankfurter Integrations- und Diversitätsmonitoring. (2017) Amts für Multikulturelle Angelegenheiten, Frankfurt am Main, 205 p.
- Friedman J. (1986) The World City Hypothesis, *Development and Change*, No. 17, pp. 69–84.
- Ghadge R. (2019) Toward a Critical Understanding of the World/Global City Paradigm, *The Journal of Public and Professional Sociology*, Vol. 11, No. 1, Article 3.
- Global Stockholm (2015) Profiling the capital region's national competitiveness and connections. The Brookings Institution. Metropolitan policy program. URL: <https://www.brookings.edu/research/global-stockholm-profiling-the-capital-regions-international-competitiveness-and-connections/> (accessed: 12.09.2020)
- Goerzen A., Asmussen C., Nielsen B. (2013) Global Cities and Multinational Enterprise Location Strategy, *Journal of International Business Studies*, No. 44, pp. 427–450.
- Ichikawa H., Yamato N., Dustan P. (2017) Competitiveness of Global Cities from the Perspective of the Global Power City Index, *Procedia Engineering*, No. 198, pp. 736–742.
- Invest Stockholm. Official guide (2019) URL: <https://www.investstockholm.com/> (accessed: 25.10.2020)
- KPMG (2015) “Business Destination Germany: Benefiting from Opportunities in Europe’s Largest National Economy”. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2015/11/intbusiness-studie-sec.pdf> (accessed: 10.09.2020)
- KPMG (2020) “Business Destination Germany 2020”. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/nl/pdf/2020/persberichten/business-destination-germany.pdf> accessed: 10.09.2020)
- Lebedeva M. (2019) Transformatsiya roli gorodov i vnutrigosudarstvennyh regionov v mirovoy politike [Transformation of the role of cities and domestic regions in world politics]. *Ojkumena. Regional researches*, No 1, pp. 7–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-roli-gorodov-i-vnutrigosudarstvennyh-regionov-v-mirovoy-politike> (accessed: 20.04.2020). (In Russ.).
- London and the UK (2019) A declaration of interdependence. London, Greater London Authority, 45 p. URL: <https://www.london.gov.uk/business-and-economy-publications/london-and-uk-declaration-interdependence> (accessed: 10.05.2020)
- Migrant and Refugee in Stockholm. A Scoping Note (2019) OECD, 56 p. URL: <http://www.oecd-inclusive.com/wp-content/uploads/2019/05/Stockholm-Migrant-Integration.pdf> (accessed: 02.10.2020)
- OECD Regions and Cities at a Glance 2020. (2020) OECD, URL: https://www.oecd-ilibrary.org/urban-rural-and-regional-development/oecd-regions-and-cities-at-a-glance-2020_959d5ba0-en;jsessionid=cXklH2grJWlgr-w9d6-UXPz.ip-10-240-5-34, (accessed: 04.12.2019)
- PWC (2018) Global Manufacturing and Industrialization Summit. URL: <https://www.gmisummit.com/wp-content/uploads/2018/09/GMIS-and-PwC-Report-on-Switzerland.pdf> (accessed: 09.11.2020).
- Sassen S. (2005) The Global City: Introducing a Concept. *The Brown Journal of World Affairs*. Winter. Spring 2005, Vol. XI, Issue 2, pp. 27–43. URL: <http://www.saskiasassen.com/pdfs/publications/the-global-city-brown.pdf> (accessed: 15.05.2020)
- Sibley C. (2020) More than a third of Irish FDI is ‘phantom’ investment. *The Irish Times*, June 22. URL: https://www.irishtimes.com/topics/topics-7.1213540?article=true&tag_person=Christopher+Sibley (accessed: 02.02.2020)
- Sluka N.A., Karyakin V.V., Kolyasev E.F. Global’nye goroda kak haby novyh transnatsional’nyh aktorov [Global Cities as the Hubs of New Transnational Actors]. *Outlines of Global Transformations: Poli-*

tics, Economics, Law, Vol. 13, No 1, pp. 203–226. URL: <https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/601/486> (accessed: 08.05.2020) (In Russ.).

Surborg B. (2011) World Cities Are Just “Basing Points for Capital”: Interacting with the World City from the Global South, *Urban Forum*, No. 23, pp. 315–330.

Swiss National Bank (2019) Direct Investment 2018. 28 p. URL: https://www.snb.ch/en/mmr/reference/Direktinvestitionen_2018/source/Direktinvestitionen_2018_12.en.pdf (accessed: 03.11.2020)

Szlovak P., Power J. (2015) Migrants at the Irish economy. October. Dublin, The Integration Centre. 53 p. URL: <https://www.atlanticphilanthropies.org/wp-content/uploads/2015/09/report-migrants-irish-economy.pdf> (accessed: 29.11.2019)

UNCTAD (2020) World Investment Report 2020. International Production Beyond the Pandemic. Geneva, 2020, p. 242. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf (accessed: 21.07.2020)

Vienna Digital City. (2018) City of Vienna. URL: <https://www.wien.gv.at/wirtschaft/standort/pdf/vienna-digital-city-en.pdf>, (accessed: 04.12.2019)

Vienna in figures 2020. (2020) City of Vienna, URL: <https://www.wien.gv.at/statistik/pdf/viennainfigures-2020.pdf>, (accessed: 04.12.2019)

Wirtschafts International: Ausländische Unternehmen im IHK-Bezirk Frankfurt am Main (2019) IHK Frankfurt am Main, 47 p. URL: <https://www.frankfurt-main.ihk.de/images/broschueren/Wirtschaft%20International%202019.pdf> (accessed: 10.11.2020)

World Migration Report (2020) Geneva, International Organization for Migration, 478 p. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed: 01.12.2019)

The Role of European Global Cities in the Inflow of FDI and Labor Migrants

Received 02.06.2021

Authors: Bulatov A., Doctor of Science (Economics), Professor, Senior Researcher, World Economy Dept., MGIMO University. **Address:** 76, prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 117454. **E-mail:** bulatov.moscow@mail.ru

Habarta A., Candidate of Science (Economics), Associate Professor, World Economy Dept., MGIMO University. **Address:** 76, prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 117454; Leading Researcher of the Central and Eastern Europe Studies Dept., Institute of Europe, RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** a.habarta@inno.mgimo.ru

Sergeev E., Candidate of Science (Economics), Associate Professor, World Economy Dept., MGIMO University. **Address:** 76, prospect Vernadskogo, Moscow, Russia 117454. **E-mail:** sergeev-ea@yandex.ru

Abstract. The article addresses the role of global cities in the inflow of foreign direct investment and labour migrants to Europe. Despite the concept of global cities being criticized due to its “west-centricity” it remains widely accepted interpretation of modern urban developments. The authors explore main factors attracting these economic resources to major cities, and identify how the comparative specifics of European global cities affect the usage of these resources. Different approaches to the interaction with labour migrants and FDI lead to diverse results cementing unique roles of global cities in their own countries. Cross-examination of causes, structures and effects of the forementioned factors constitutes the scientific and practical significance of the article. Based on the world’s leading rankings of global cities the study reveals how each city advances socio-economic strategies in order to maintain their significant roles in inflow of FDI and labour migrants. In order to evaluate the significance of each city we distinguish the most developed and profitable sectors of economy. European urban agglomerations seek to attract highly qualified labour force that is able to contribute to their development. The outcomes of the research is useful for analysis the development of global cities in Russia.

Key words: global cities, foreign direct investment, foreign labor migrants, Amsterdam, Berlin, Vienna, Dublin, London, Madrid, Paris, Stockholm, Frankfurt, Zurich.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope4202195106>

УДК 339.9

Дарья СОЛДАТЕНКО

ПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЕС

Статья поступила в редакцию 22.03.2021

Аннотация. В статье проанализирована взаимосвязь между динамикой использования отдельных объектов интеллектуальной собственности и инновационной политикой ЕС. Предметом исследования является промышленная интеллектуальная собственность, в частности товарные знаки и патенты на изобретения как фактор инновационного развития Евросоюза. Выбор именно этих видов промышленной собственности обусловлен спецификой их применения и предоставления охраны. На основании данных ежегодного Европейского инновационного табло и авторского анализа динамики активности стран–членов ЕС в сфере исследуемых объектов интеллектуальной собственности автором была определена выборка государств ЕС, имеющих наибольший потенциал в сфере использования обозначенных объектов промышленной интеллектуальной собственности. В ходе проведенного классового анализа заявок на базе Ниццкой классификации выявлено, что охрана товарного знака наиболее широко применяется в средне- и высокотехнологичных отраслях экономик стран выборки, однако наблюдается определенная дифференциация по масштабу и динамике использования. Отмечается высокая заинтересованность третьих стран (США, Японии и Китая) в получении конкурентных преимуществ на территории ЕС посредством регистрации товарного знака. Наиболее используемые национальные патентные системы в рамках выборки исследования – немецкая и французская. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о высоком преимуществе системы интеллектуальной собственности в Нидерландах, а также об успешной реализации задач инновационной политики в ряде стран Европейского союза посредством формирования системы исключительных прав на промышленную интеллектуальную собственность.

Ключевые слова: ЕС, интеллектуальная собственность, промышленная собственность, товарный знак, патент на изобретение, инновационная система.

Цель данного исследования – выявление особенностей взаимосвязи инновационного развития и использования таких объектов промышленной собственности,

© Солдатенко Дарья Михайловна – к.э.н., старший преподаватель кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. **E-mail:** darya.soldatenko@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021107118>

как товарные знаки и патенты на изобретения. Ограничение только двумя обозначенными объектами интеллектуальной собственности (далее – ИС) объясняется специфическими характеристиками всех видов промышленной собственности [Солдатенко, 2016]. Учитывая, что товарный знак – это наиболее востребованная форма ИС, анализ классовой структуры подаваемых заявок на регистрацию согласно Ниццкой классификации позволил выявить, в каких именно отраслях экономики наиболее успешно реализована инновационная политика Союза. Патенты на изобретения напрямую отражают эффективность инновационных процессов и научно-технического развития, наделяя правообладателя монопольными привилегиями и тем самым формируя конкурентные преимущества в отраслях применения. Промышленные образцы и полезные модели исключены из данного исследования, поскольку первые защищают лишь декоративный или эстетический аспект промышленного изделия, а вторые признаются охраноспособным объектом ИС не во всех странах. Применение последних чаще всего распространяется только на технические средства решения задач в виде устройства, что существенно ограничивает сферу их применения.

Эволюция мировой экономики в последнее десятилетие подтвердила неоспоримость положительного вклада инноваций в ускорение и поддержание темпов экономического роста, однако в контексте интеллектуализации международной торговли взаимосвязь инновационного развития и использования промышленной собственности представляет особый интерес.

Значительная роль научно-технического сотрудничества в развитии наднациональной инновационной системы ЕС неоспорима [Смирнов, Кириллов, 2016]. Несмотря на высокую степень экономической интеграции государств-членов ЕС, национальные инновационные системы существенно различаются, что обусловлено спецификой экономик и особенностями реализации механизмов технологического развития [Edquist, 2009]. Данное явление, получившее распространение в литературе под названием «инновационный парадокс» [Edquist, 2005; Asheim and Gertler, 2005], не потеряло свою актуальность и сегодня. Оно дополняется возможностями замещения одного механизма развития другим [Haus-Reve et al., 2019].

Вопросы взаимосвязи между инновационной политикой, инновациями, а также конкурентоспособностью и производительностью фирм достаточно хорошо изучены [Crepon et al., 1998; Hall, 2011; Mohnen and Hall, 2013; Borrás and Edquist, 2013; Dosso, 2018]. Однако опосредование различных элементов инновационной системы через такие формы ИС, как товарные знаки и патенты на изобретения, заслуживает дополнительного рассмотрения, поскольку может служить одним из критериев эффективности инновационного развития. Темпы, масштабы и результативность внедрения новых разработок в хозяйственную деятельность существенно различаются среди стран-членов ЕС [Szopik-Depczyńska et al, 2020], что, безусловно, находит отражение в получении патентной охраны на изобретения одновременно в нескольких странах ЕС.

Современная промышленная политика ЕС свидетельствует об усилении инновационного вектора развития [Циренщиков, 2020]: политика в данной сфере направлена на создание благоприятной среды для развития науки и техники при участии малых и средних предприятий [Radicic et al, 2016], выступающих активными участниками европейской системы охраны интеллектуальной собственности.

Согласно принятому в декабре 2020 г. многолетнему финансовому плану ЕС на 2021–2027 гг. (the EU's Multiannual Financial Framework for 2021–2027), примерно 88 млрд евро, т.е. больше половины из 143 млрд евро, выделяемых на поддержание инноваций, единого рынка и цифровизации, будет потрачено именно на исследования и разработки. Особое значение в плане имеет дигитализации и распространению цифровых технологий. Для поддержания перехода создается специальная программа финансирования – Digital Europe, подразумевающая более интенсивное использование искусственного интеллекта и инструментов кибербезопасности, что уже нашло отражение в ряде инициатив ЕС [Markopoulou, Papakonstantinou, Hert, 2019; Cohen, Evgeniou, Gerke, Minssen, 2020]. Учитывая колоссальное, если не определяющее, значение ИС при формировании конкурентных преимуществ в цифровой среде, можно утверждать, что развитие обозначенных направлений финансирования в рамках ЕС будет способствовать в том числе и интенсификации использования исследуемых объектов промышленной собственности в ближайшем будущем. Особое значение приобретает охрана товарных знаков и знаков обслуживания, поскольку именно этот вид ИС является наиболее универсальным средством коммуникации с потребителем в цифровом пространстве.

Очевидно, что инновационная система ЕС имеет многоуровневый и разветвленный характер и находит отражение как в сфере экономики, так и оказывает влияние на социальную политику, нередко имеющую весьма сложный характер [Власкин, 2005; Исаченко, Чубарова, 2000; Циренщиков, 2020], что особенно проявилось в период пандемии COVID-19. В рамках данного исследования для количественной оценки эффективности инновационной модели развития ЕС рассмотрена только ее интеллектуальная составляющая.

Роль товарных знаков и патентов на изобретения

В качестве фактора ускорения научно-технического и интенсификации инновационного развития выступают инструменты охраны ИС, активно используемые членами ЕС [Лихачев, 2014]. Законодательство Евросоюза в области регулирования ИС сформировано на основе международных документов, а также европейских и национальных правовых норм [Рыбковская, 2015]. При этом существует определенный блок проблем по соотношению норм права ЕС и национальных законодательств, международных договоров [Рузакова, Пирогов, 2015]. Положения об охране ИС также содержатся в торговых соглашениях между ЕС и третьими странами [Сидоренко, 2019; Наку, Макаренко, 2018]. Согласно Лиссабонскому договору, на территории ЕС предусмотрена единообразная система охраны прав ИС, а также механизмов координации и защиты (ст. 118), что усложняет взаимодействие с некоторыми торговыми партнерами Союза [Nemlioglu, 2019]. При этом стоит отметить, что достигнуты определенные успехи в вопросах гармонизации некоторых аспектов ИС.

В частности, на территории Евросоюза существует возможность получения товарного знака ЕС (знака обслуживания ЕС) и промышленного образца, а также сформирована четырехуровневая система регистрации, которая сосуществует с национальными системами (Директива 2015/2436 Европейского парламента и совета от 16 декабря 2015 г.).

Кроме того, ведется работа по вопросу получения единого патента на изобретение на всей территории ЕС. В 2012 г. решением Европарламента и Евросовета была сформирована правовая основа для введения единого патента ЕС, однако процесс защиты такого изобретения в разных странах может сопровождаться некоторыми трудностями ввиду отсутствия специализированного наднационального судебного органа. Роль такого института в перспективе может исполнить Единый патентный суд (the Unified Patent Court), хотя выход Британии из ЕС замедлил процесс его создания. Текущая формулировка проекта документа не предусматривает возможности государствам, не входящим в ЕС, быть одной из сторон договора. План также предполагает верховенство права ЕС и приоритет решений Европейского суда над решениями Единого патентного суда, т.е. они обязательны к исполнению всеми сторонами, в том числе потенциально – Британией.

Можно констатировать, что достигнутые результаты в вопросе введения единого патента ЕС весьма ограничены, по сравнению с товарным знаком, поскольку сохраняется необходимость доказывать патентоспособность изобретения во всех странах ЕС, где испрашивается охрана ИС. Данный факт выступает сдерживающим фактором для углубления инновационного взаимодействия на наднациональном уровне.

Учитывая, что важную роль в обеспечении интеллектуального лидерства играют академические учреждения, университеты и государственные аналитические институты, система негосударственных аналитических центров [Буторина, Захаров, 2015: 64] и, безусловно, инновационные компании [Thoma, Zimmermann, 2020; Thoma, 2017], мы проводим анализ спроса со стороны резидентов ЕС на получение охраны исследуемых объектов промышленной собственности как на территории ЕС, так и за рубежом, а также объем заявок нерезидентов в патентное ведомство ЕС.

Принимая во внимание, что товарный знак является наиболее используемой формой ИС в мире [Солдатенко, 2016], целесообразно начать анализ с него. В таблице 1 приведена динамика подачи заявок на регистрацию товарного знака в Патентом ведомстве ЕС стран, не входящих в Евросоюз (количественная оценка объема заявок) и тех государств ЕС, чье общее количество заявок превысило 4000 единиц в 2019 г.

Исходя из данных таблицы 1, видно, что безусловным лидером среди европейских стран по масштабу использования товарного знака на территории Союза является Германия. Далее следуют Италия, Испания, Франция и Нидерланды. Выявленная специфика вполне закономерна, принимая во внимание особенности национальных инновационных систем. Наибольшие темпы прироста за исследуемый период продемонстрировала Польша, – показатель оценивается двузначными цифрами. Однако эта динамика может быть объяснена незначительными абсолютными показателями, несопоставимыми с показателями мировых лидеров.

Таблица 1 также позволяет выявить несколько особенностей получения охраны товарных знаков на территории ЕС со стороны нерезидентов. Во-первых, десятка лидеров в 2019 г. по количеству подаваемых заявок сформирована на 40 процентов из заявок со стороны третьих стран, хотя стоит отметить, что сюда включена недавно покинувшая ЕС Британия и имеющая тесные торгово-экономические связи с Союзом Швейцария. Во-вторых, количество запросов со стороны американских

правообладателей значительно превышает аналогичный показатель всех членов ЕС, кроме Германии, что говорит о высокой степени интегрированности американского и европейского рынков ИС в данной области. В-третьих, беспрецедентные темпы прироста числа заявок демонстрирует Китай (30,4%), что отражает общую политику китайских правообладателей в сфере ИС при выходе на внешние рынки.

Таблица 1

Динамика подачи заявок на регистрацию товарного знака в Патентное ведомство ЕС (EUIPO) в 2010–2019 гг., в ед., и среднегодовые темпы прироста за период 2011–2019 гг., в %

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Темп прироста *
Страны ЕС											
<i>Германия</i>	18503	19667	19857	19782	18687	20086	20708	21579	21766	22550	2,222
<i>Испания</i>	7785	7984	8098	8494	8742	9391	9860	10089	10408	10674	3,569
<i>Франция</i>	6948	7359	7380	7502	7392	7854	7943	8467	8851	8749	2,594
<i>Италия</i>	8022	7988	8107	8810	9297	9829	11972	11157	12930	12781	5,311
<i>Нидерланды</i>	3740	3858	3904	3879	3941	4429	4830	4780	4944	5498	4,374
<i>Польша</i>	1773	1970	2147	2751	3209	3655	3666	3796	3884	4325	10,416
Остальной мир											
<i>США</i>	12947	14045	14303	14803	15041	16201	16083	16284	17319	18298	3,918
<i>Китай</i>	1350	1780	2082	2000	2822	4145	8254	12334	13841	14696	30,379
<i>Великобритания</i>	8905	9523	10493	10849	11993	12329	11924	11083	11481	11231	2,612
<i>Япония</i>	1985	2173	2381	2223	2371	2399	2489	2618	2744	2895	4,282
<i>Швейцария</i>	3465	3575	3539	3980	4187	3792	3957	4112	4330	4403	2,698
Всего заявок	98616	105332	108877	113928	118979	127896	138544	144563	152984	159132	5,461

* рассчитано автором по формуле $(\frac{a}{b}) * 100 - 100$, где a – показатель за 2019 год, b – показатель за 2010 год.

Источник: составлено автором по информации центра статистических данных ВОИС по ИС URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/index.htm?tab=trademark>

Механизм регистрации товарного знака в ЕС является одним из наиболее простых и необременительных, рост валового числа заявок в Патентное ведомство ЕС со стороны резидентов (на них в 2019 г. пришлось 65% всех заявок в Патентное ведомство ЕС) продолжит расти, в первую очередь, за счет таких стран, как Германия, Италия, Испания. Именно на эти государства приходится около 30% всех заявок со стороны членов ЕС.

Что касается прогноза числа заявок со стороны нерезидентов, то, с одной стороны, принимая во внимание текущую эпидемиологическую обстановку в мире и вытекающие из нее тенденции мирового сообщества к протекционистской торговой политике, можно предположить, что динамика числа заявок со стороны нерезидентов замедлится. Данные особенности могут нивелировать положительные темпы развития, обеспеченные резидентскими заявками. С другой стороны, торговая война США и Китая – основных мировых заявителей в Патентное ведомство ЕС – способствует росту интереса китайских и американских производителей к получению охраны товарных знаков на европейском рынке. Учитывая, что на долю этих двух нерезидентов в 2019 г. пришлось около 20% всех запросов, можно предположить, что замедления темпов роста числа заявок от нерезидентов в среднесрочной перспективе не будет. Таким образом, положения Лиссабонского договора успешно реализуются в рамках отдельных инновационных систем.

Анализ мирового опыта получения охраны товарного знака показывает, что чаще всего процедура завершается предоставлением охраны (т.е. регистрацией), хотя и может сопровождаться определенными сложностями. Согласно расчетам автора, основанным на информации центра статистических данных ВОИС, в 2019 г. 89% валовых заявок на регистрацию товарного знака через Патентное ведомство ЕС были удовлетворены, превысив аналогичный среднемировой показатель на 9 п.п. При этом наибольшее число товарных знаков было зарегистрировано по следующим классам Ниццкой классификации: 9-й, 5-й и 25-й. Класс 9 включает в основном аппаратуру и инструменты для научных или исследовательских целей, аудиовизуальные средства и оборудование информационных технологий. Класс 5 составляют фармацевтические препараты и другие препараты для медицинских или ветеринарных целей. Класс 25 относится в основном к одежде и обуви. На основании проведенного анализа можно констатировать, что инновационные достижения стран-лидеров ЕС сконцентрированы в таких отраслях, как машино- и приборостроение, электроника, ИКТ, фармацевтика.

Важнейшим направлением инновационного развития ЕС является коммерциализация разрабатываемых технологий и НИР. Ее уровень частично можно оценить на основе анализа активности правообладателей патентов на изобретения из ЕС. Однако необходимо учитывать особенность охраны этого вида промышленной собственности: статистика демонстрирует, что менее половины изобретений соответствуют критериям патентоспособности, а данные за 2019 г. по абсолютному числу поданных и удовлетворенных заявок на получение патента на изобретение показывают, что менее половины – 46% – всех заявок были завершены выдачей соответствующего охранного документа. Таким образом, для объективной оценки эффективности воплощения инновационного потенциала ЕС в форме патентов на изобретения проанализирована статистика только выданных патентов с учетом доли этого компонента в валовых заявках членов ЕС. Еще одним ограничением выборки выступает критерий отнесения члена ЕС к категории ведущей страны инновационного развития на основании Европейского инновационного табло (критерий 1) и вхождение этой страны в число мировых лидеров по числу выданных патентов на изобретение (критерий 2). Традиционно к странам с очень высоким уровнем инновационного развития относят Германию, Данию, Финляндию и Швецию; к странам, приближающимся к лидерам, обычно относят Австрию, Бельгию, Ирландию, Люк-

сембург, Нидерланды и Францию. Среди обозначенных стран в топ 20 мировых лидеров, согласно критерию 2, входят: Германия, Франция, Нидерланды, Швеция, Австрия, Финляндия, Бельгия и Дания. Именно эта восьмерка членов ЕС стала выборкой для анализа.

Согласно статистическим данным ВОИС, лидером среди стран ЕС по числу получаемых в мире патентов на изобретения является Германия. Структурный анализ патентов немецких заявителей показывает, что на протяжении всего исследуемого периода категориями, где наиболее активно использовались запатентованные изобретения, были: транспорт (доля в валовом числе выданных патентов в 2019 г. составила 9,85%), электрооборудование, аппаратура (8,73%), механические элементы (6,72%), измерения (6,34%), двигатели, насосы, турбины (5,33%) и медицинские технологии (5,28%). Суммарно на долю обозначенных групп пришлось 42,25% всех выданных патентов.

Второе место по количеству получаемых патентов принадлежит Франции. В этой стране правообладатели больше всего стремятся защитить свою ИС с помощью патентов в таких направлениях, как транспорт (11,82%), электрооборудование, аппаратура (7,17%), двигатели, насосы, турбины (5,47%), измерения (5,21%), что отчасти совпадает с отмеченными тенденциями в Германии. Однако выявленные ранее особенности французской национальной инновационной системы находят отражение в отраслевой специфике получаемых патентов на изобретения. Так, значительная часть патентов сосредоточена в цифровой связи (4,91%), механических элементах (4,84%) и компьютерных технологиях (4,79%). Все обозначенные направления аккумулируют 44,2% полученных Францией патентов в 2019 г.

С существенным отставанием по числу полученных патентов на изобретения тройку лидеров замыкают Нидерланды. Наибольшее число патентов сконцентрировано в таких сферах, как медицинские технологии (10,97%), электрооборудование, аппаратура (7,72%), компьютерные технологии (6,31%), измерения (5,34%), прочие специальные машины (4,71%) и органическая тонкая химия (4,3%) – всего 39,35% всех выданных патентов за исследуемый год (2019).

Основные отрасли рассмотренных экономик, наиболее активно использующие патентную охрану изобретений, среди исследуемых стран во многом совпадают. Это говорит о высокой степени интеграции национальных инновационных систем и отчасти отражает тенденцию к углублению взаимодействия в патентной сфере на наднациональном уровне, способствуя разработке и коммерциализации технологических достижений в Евросоюзе. Кроме того, можно сделать общий вывод о широкой диверсификации направлений патентной охраны изобретений стран-лидеров ЕС, что также коррелирует с общими целями инновационного и научно-технического развития Союза.

Для выявления перспектив глобализации европейского рынка рассматриваемых объектов промышленной собственности целесообразно рассмотреть, как распределены выданные патенты в ведомствах стран-лидеров выборки (Германии, Франции и Нидерландов) по географическому охвату и определить степень привлекательности внутреннего рынка для нерезидентов. Для оценки данного параметра обратимся к таблице 2.

Таблица 2

**Число выданных патентов некоторыми патентными
ведомствами ЕС в 2019 г., в ед.**

Страна	Критерий	Показатель	Доля в валовом показателе*, %
Франция	Всего	13593	35,94
	Резидентам	11673	41,18
	Нерезидентам	1920	20,26
Германия	Всего	18255	48,27
	Резидентам	11770	41,53
	Нерезидентам	6485	68,44
Нидерланды	Всего	1936	5,12
	Резидентам	1578	5,57
	Нерезидентам	358	3,78
Валовый показатель по 8 патентным ведомствам стран выборки	Всего	37820	-
	Резидентам	28344	-
	Нерезидентам	9476	-

* рассчитано автором.

Источник: составлено автором по информации центра статистических данных ВОИС по ИС URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/index.htm?tab=patent>

Согласно представленным в таблице 2 данным, наибольшее число патентов в 2019 г. выдано Немецким патентным ведомством. Причем, экономика Германии, с точки зрения охраны ИС, оказалась одновременно наиболее привлекательной как для резидентов страны (64,48% всех заявок), так и для нерезидентов. Географическая структура наибольшего числа полученных патентов со стороны нерезидентов и партнеров по интеграционному блоку представлена следующими членами ЕС: Австрией, Швецией, Францией, Люксембургом, Нидерландами. Однако наибольшее число патентов было выдано немецким ведомством представителям Японии, США и Республики Кореи, что говорит о наибольшей привлекательности немецкого рынка для третьих стран по сравнению с остальными экономиками выборки.

Меньшая, но все же существенная, доля, почти 36% от всех выданных патентов принадлежит французскому ведомству. Характерная для Франции, Германии и других стран выборки особенность значительного предпочтения в выдаче патентов резидентам над нерезидентами является прямым следствием проведения внутрен-

ней инновационной политики. Максимально сбалансирован данный показатель в Дании: соотношение выдачи патентов резидентам и нерезидентам составляет 58 и 42% соответственно, хотя стоит отметить незначительное валовое количество выданных прав ИС в этой стране. Что касается географии правообладателей патентов на изобретения во Франции, то среди стран ЕС наибольшее число отмечается у Германии, Испании, Бельгии, Люксембурга и Италии. Среди нерезидентов лидируют Япония, США и Китай.

Тройку лидеров по размеру доли в валовом количестве выданных патентов замыкают Нидерланды со скромным показателем в 5,12%. На нерезидентов приходится менее 20% от общего числа патентов, причем, на США, Китай и Японию суммарно – 38% от всех положительных решений ведомств. Среди членов ЕС наибольшую активность в получении охраны исследуемого объекта ИС на территории анализируемой страны проявили Бельгия, Германия и Франция.

На основании проведенного статистического анализа патентных данных можно сделать вывод о высоком уровне развития немецкой и французской инновационных систем и их привлекательности для членов ЕС и для стран-лидеров мирового технологического развития.

Выводы

Инновационное развитие ЕС воплощается в реальные активы в форме объектов промышленной собственности – товарные знаки и патенты на изобретения.

Анализ динамики использования товарного знака в ЕС в качестве средства закрепления исключительных прав производителей показал следующее. Во-первых, выступая одним из мировых центров по числу получаемых заявок, ЕС вносит существенный вклад в формирование мировой тенденции роста спроса на охрану в сфере высоко- и среднетехнологичных товаров, являясь значимым субъектом мирового рынка товарных знаков. Во-вторых, наибольшее число товарных знаков, зарегистрированных Патентным ведомством ЕС в исследуемом году, были отнесены к 5-му и 9-му классам Ниццкой классификации. Основные объекты применения товарного знака по данным классам (аппаратура и инструменты для научных или исследовательских целей, оборудование информационных технологий, фармацевтические препараты и другие препараты для медицинских нужд) напрямую отражают успешность реализации инновационной политики ЕС. Германия в ближайшей перспективе останется безусловным лидером.

Особенности географической структуры выдачи патентов показывают прямую взаимосвязь с торгово-экономическими отношениями как внутри блока, так и со странами остального мира. Можно предположить, что в среднесрочной перспективе основное взаимодействие в патентной сфере будет между такими парами стран, как Германия – Япония, Германия – США, Германия – Республика Корея; Франция – Германия, Франция – Япония, Франция – США, Франция – Китай; Нидерланды – Бельгия, Нидерланды – США, Нидерланды – Китай; Швеция – Финляндия. Данная особенность отражает высокий потенциал научно-технического сотрудничества ЕС с третьими странами и, безусловно, может быть оценена как сильная сторона инновационного развития.

Высокий спрос на получение патентной охраны среди стран–членов объединения обусловлен большой долей региональной торговли и тесным взаимопроникновением экономик. Высокий уровень развития национальных институтов ИС некоторых стран – особенно Германии, Франции и Нидерландов – продолжит оказывать положительное влияние на масштаб использования патентной системы ЕС и будет выступать центростремительным фактором углубления инновационного взаимодействия в рамках ЕС.

Инновационное развитие ЕС, помимо прочего, воплощается в активы в форме товарных знаков и патентов на изобретения как наиболее востребованные объекты промышленной собственности. Однако данная взаимосвязь имеет дуалистичный характер: возможность получения монопольных прав на промышленную собственность, наряду со сформированной системой охраны ИС, превышающей стандарты, закрепленные на многостороннем уровне, способствует повышению инновационной активности на территории Евросоюза как со стороны резидентов, так и нерезидентов.

Двойственный характер взаимосвязи инновационного развития и использования товарных знаков и патентов на изобретения на территории ЕС способствует интенсификации инновационного развития на наднациональном уровне, что может быть учтено странами–членами ЕЭАС при формировании единого рынка объектов промышленной интеллектуальной собственности.

Список литературы

- Буторина О.В., Захаров А.В. (2015) О научной основе Евразийского экономического союза. *Евразийская экономическая интеграция*, № 2 (№ 27). С. 52–68.
- Власкин Г.А., Ленчук Е.Б. (2005) Инновационное измерение промышленной политики стран Центральной и Восточной Европы. *Инновации*, № 3 (№ 80). С. 65–71.
- Исаченко Т.М., Чубарова Т.В. (2000) Европейский союз и проблемы социальной защиты населения стран–участниц. *Труд за рубежом*, № 3. С. 86–105.
- Лихачев В.А. (2014) Современное состояние защиты прав интеллектуальной собственности в ЕС. *Российский внешнеэкономический вестник*, № 5. С. 80–88.
- Наку А.А., Макаренко А.К. (2018) Соглашение о зоне свободной торговли между Европейским союзом и Сингапуром. *Вопросы российского и международного права*, № 1А. Том 8. С. 186–194.
- Рыбковская О. Н. (2015) О стратегии интеллектуальной собственности Европейского союза. *Правовая информатика*. № 2. С. 61–64.
- Рузакова О. А., Пирогов А. И. (2015) Проблемы унификации и кодификации законодательства стран ЕС об интеллектуальной собственности. *Экономика. Право. Общество*, № 1 (№ 1). С. 75–80.
- Сидоренко Т.В. (2019) Европейский Союз – Мексика: заключение торгового договора «нового поколения». *Мир новой экономики*, № 13 (№ 3). С. 72–78.
- Смирнов Е.Н., Кириллов В.Н. (2016) Инновационный механизм развития экономики Европейского союза в условиях международного движения факторов производства. *Вестник университета*, № 1. С. 205–211.
- Солдатенко Д.М. (2016) Россия на мировом рынке объектов интеллектуальной собственности. *Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность*, № 11. С. 57–64.
- Солдатенко Д.М. (2016) Понятие и общая характеристика объектов интеллектуальной собственности. *Горизонты экономики*, № 1 (№ 27). С. 53–57.
- Циренщиков В.С. (2020) Новые меры инновационной политики ЕС в борьбе с пандемией коронавируса. *Европейский союз: факты и комментарии*, № 102. С. 35–39. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts4202035>
- Циренщиков В.С. (2020) Очередная версия промышленной политики ЕС. *Современная Европа*, № 6. С. 153–162. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020153162>

References

- Asheim, B., Gertler, M. (2005) The geography of innovation: regional innovation systems. The Oxford Handbook of Innovation. Oxford University Press, New York.
- Borrás, S., Edquist, C. (2013) The choice of innovation policy instruments. *Technol. Forecast. Soc. Change*, No 80(8), pp. 1513–1522.
- Butorina O.V., Zaharov A.V. (2015) O nauchnoj osnove Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [On the scientific basis of the Eurasian Economic Union]. *Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya*, No 2 (No 27), pp. 52–68. (in Russian).
- Cirenschchikov V.S. (2020) Novye mery innovacionnoj politiki ES v bor'be s pandemiej koronavirusa [New EU innovation policy measures in the fight against the coronavirus pandemic]. *Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii*. No 102, pp. 35–39. (in Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts4202035>
- Cirenschchikov V.S. (2020) Ocherednaya versiya promyshlennoj politiki ES [The next version of the EU industrial policy]. *Sovremennaya Evropa*, No 6, pp. 153–162. (in Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020153162>
- Cohen I.G., Evgeniou T., Gerke S., Minssen T. (2020) The European artificial intelligence strategy: implications and challenges for digital health. *Lancet Digital Health*, No 2, pp. 376–79.
- Crepon, B., Duguet, E., Mairesse, J., (1998) Research, innovation, and productivity: an econometric analysis at the firm level. *Econ. Innov. New Technol*, No 7 (3), pp. 115–156.
- Dosso, M., Martin, B.R., Moncada-Paternò-Castello, P., (2018) Towards evidence-based industrial research and innovation policy. *Sci. Public Policy*, No 45 (2), pp. 143–150.
- Edquist, C., (2005) Systems of innovation: perspectives and challenges. In: The Oxford Handbook of Innovation. Oxford University Press, New York.
- Edquist et al (2009) Small Country innovation systems: Globalization, change and policy in Asia and Europe. Cheltenham. Edward Elgar.
- Hall, B.H., (2011) Innovation and Productivity. *Nordic Economic Policy Review* (2), pp. 167–204.
- Haus-Reve, S., Fitjar, R., Rodriguez-Pose, A. (2019) Does different types of collaboration always benefits firms? *Research Policy*, No 48, pp. 1476–1486.
- Isachenko T.M., Chubarova T.V. (2000) Evropejskij soyuz i problemy social'noj zashchity naseleniya stran-uchastnic [The European Union and the Problems of Social Protection of the Population of the Member States]. *Trud za rubezhom*, No 3, pp. 86–105. (in Russian).
- Lihachev V.A. (2014) Sovremennoe sostoyanie zashchity prav intellektual'noĭ sobstvennosti v ES [The current state of the protection of intellectual property rights in the EU]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* No 5, pp. 80–88. (in Russian).
- Markopoulou D., Papakonstantinou V., Hert P. (2019) The new EU cybersecurity framework: The NIS Directive, ENISA's role and the General Data Protection Regulation. *Computer law and security*, Volume 35, Issue 6.
- Mohnen, P., Hall, B.H., (2013) Innovation and productivity: an update. *Eurasian Bus. Rev.* 3 (1), pp. 47–65.
- Naku A.A., Makarenko A.K. (2018) Soglashenie o zone svobodnoĭ trgovli mezhdru Evropejskim soyuzom i Singapurom [Free Trade Area Agreement between the European Union and Singapore]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*, Vol. 8. No 1A, pp. 186–194. (in Russian).
- Nemlioglu I. (2019) A Comparative Analysis of Intellectual Property Rights: A case of Developed versus Developing Countries. *Procedia Computer Science*, Volume 158, pp. 988–998.
- Radicic, D., Pugh, G., Hollanders, H., Wintjes, R., Fairburn, J. (2016) The impact of innovation support programmes on SME innovation in traditional manufacturing industries: An evaluation for seven European Union regions. *Environment and Planning C: Government and Policy*, No 34 (No 8), pp. 1425–1452.
- Ruzakova O. A., Pirogov A. I. (2015) Problemy unifikacii i kodifikacii zakonodatel'stva stran ES ob intellektual'noj sobstvennosti [Problems of unification and codification of the legislation of the EU countries on intellectual property]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*, No 1 (No 1), pp. 75–80. (in Russian).
- Rybkovskaya O. N. (2015) O strategii intellektual'noj sobstvennosti Evropejskogo soyuza [On the strategy of intellectual property of the European Union]. *Pravovaya informatika*, No 2, pp. 61–64. (in Russian).
- Sidorenko T.V. (2019) Evropejskiĭ soyuz – Meksika: zaklyuchenie torgovogo dogovora «novogo pokoleniya» [European Union – Mexico: Conclusion of a "new generation" trade agreement]. *Mir novoi ekonomiki*, No 13 (No 3), pp. 72–78. (in Russian).

Smirnov E.N., Kirillov V.N. (2016) Innovacionnyĭ mekhanizm razvitiya ekonomiki Evropeiskogo soyuza v usloviyah mezhdunarodnogo dvizheniya faktorov proizvodstva [An innovative mechanism for the development of the European Union economy in the context of the international movement of factors of production]. *Vestnik universiteta*, No 1, pp. 205–211. (in Russian).

Soldatenko D.M. (2016) Rossiya na mirovom rynke ob'ektov intellektual'noj sobstvennosti [Russia in the world market of intellectual property objects]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'*, No 11, pp. 57–64. (in Russian).

Soldatenko D.M. (2016) Ponyatie i obshchaya harakteristika ob'ektov intellektual'noj sobstvennosti [Concept and general characteristics of intellectual property objects]. *Gorizonty ekonomiki*, No 1 (No 27), pp. 53–57. (in Russian).

Szopik-Depczyńska K. et al (2020) Innovation level and local development of EU regions. A new assessment approach. *Land Use Policy*. Volume 99.

Thoma, J. (2017) DUI mode learning and barriers to innovation: a case from Germany. *Research Policy*, Volume 46. Issue 7, pp. 1327–1339.

Thoma, J., Zimmermann, V. (2020) Interactive learning – The key to innovation in non-R& D intensive SMEs. *Journal of Small Business Management*, No 58:4, pp. 747–776.

Vlaskin G.A., Lenchuk E.B. (2005) Innovacionnoe izmerenie promyshlennoj politiki stran Central'noj i Vostochnoj Evropy [An innovative dimension of industrial policy in Central and Eastern Europe]. *Innovacii*, No 3 (No 80), pp. 65–71. (in Russian).

Industrial Intellectual Property as the EU's Innovative Development Factor

Received 22.03.2021

Author: Soldatenko D., Candidate of Science (Economics), Lecturer at the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). **Address:** 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** darya.soldatenko@gmail.com

Abstract. The article addresses correlation between the use of different intellectual property objects and the general goals of innovation policy of the EU. The subject of the research is industrial intellectual property along with trademarks and patents for inventions. The research period is limited to 2010–2019. Based on the data from annual European innovation board and analysis of the dynamics of the activity of the EU member states in the field of intellectual property, the author identifies a group of EU countries that have the biggest potential in the use of the stipulated industrial property. It is show that trademark protection is mostly used in the medium and high-tech industries of the sample countries. However, there is a certain differentiation in the scale and dynamics of its application. Moreover, the author points out a high interest of the third countries such as USA, Japan and China in obtaining competitive advantages in the EU market through registration of a trademark in the European Union intellectual property office. The unified patent system in the EU is still at the preliminary stage as the most used national patent systems within the EU are the German and the French ones. The analysis demonstrates advantages of intellectual property systems in the Netherlands and Sweden. The author concludes that the successful implementation of the EU innovation policy through the creation of a system of exclusive industrial property rights is under way.

Key words: EU, intellectual property, industrial property, trademark, patent for invention, innovation system.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021107118>

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

УДК 327 + 061.1EU

Александр ЕГОРОВ

Александр ПЕТРОВСКИЙ

**ШОК COVID-19: СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА СТРАН ЕС**

Статья поступила в редакцию 11.02.2021

Аннотация. В статье проанализирована социальная политика государств–членов Евросоюза в начальный период пандемии коронавируса. На данном этапе в ЕС был практически парализован наднациональный уровень принятия и проведения решений. Каждое государство, входящее в ЕС, было вынуждено трансформировать социальную политику, пытаться смягчить кризисные последствия пандемии для своего населения. Установлено, что главное внимание органы государственной власти уделяли мерам в сфере социального (физического) дистанцирования, ограничениям деятельности образовательных учреждений, обеспечению доступа к услугам здравоохранения, оказанию помощи социально уязвимым категориям населения, включая пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями, бездомных. Определена национальная практика, смягчающая негативные последствия пандемии в социальной сфере. Выявлены проблемы в виде нехватки важнейших ресурсов, включая необходимое медицинское оборудование. Сделан вывод, что государства Евросоюза не нашли оптимального ответа в социальной области на вызов пандемии коронавируса.

Ключевые слова: Европейский союз, пандемия, социальная политика, права человека, ограничения, образование, здравоохранение.

В марте 2020 г. Европа оказалась в эпицентре пандемии коронавируса. С момента первого случая, зафиксированного 24 января 2020 г., все 27 стран ЕС подтвердили на своей территории факты заболевания вирусом COVID-19. По состоянию на 6 апреля

© **Егоров Александр Игоревич** – д.и.н., доцент, зав. кафедрой экономики и гуманитарных дисциплин, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева. **Адрес:** 603950, Россия, Н. Новгород, ул. Минина, д. 24. **E-mail:** dr.egoroff-al2012@yandex.ru

© **Петровский Александр Михайлович** – директор Дзержинского филиала Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. **Адрес:** 606026, Россия, Нижегородская область, г. Дзержинск, ул. Гайдара, д. 49. **E-mail:** pposdf@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021119128>

2020 г. он поразил в ЕС 527 544 человека, из которых 42 744 умерли [Coronavirus, 2020: 13; Poljanšek K., Vernaccini L., Ferrer M., 2020: 18–24].

Пандемия создала серьезные проблемы для европейской солидарности [Яковенко А.В., 2020: 8; Borell J., 2020], практически парализовала наднациональный уровень принятия и проведения решений в ЕС [Варфоломеев А.А., 2020: 16], поставила под сомнение перспективы продвинутого сотрудничества в области свободы, безопасности и правосудия [Войников В.В., 2020], неукоснительного соблюдения прав человека [Gimpolongo E., Benczur P., Campolongo F., Cariboni J., Manca A.R., 2020: 9], вызвала нарастание экономических проблем и безработицы [Montalto V., Sacco P.L., Alberti V., Panella F., Saisana M., 2020: 8, 15; Lapatinas A., 2020: 8–9], сокращение доходов населения [Fana M., Tolan S., Torrejón S., Urzi Brancati C., Fernández-Macías E., 2020: 9–17], породила немало вопросов относительно адекватности высказываний и действий ряда политиков ЕС [Чучалин А.Г. 2020: 7; Щипков А.В., 2020: 13], укрепила позиции евроскептиков [Gostyńska-Jakubowska A, Scazzieri L., 2020a]. Чтобы обеспечить ключевое право граждан – на жизнь и здоровье – органы государственной власти стран ЕС предприняли широкомасштабные меры по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции [Бабынина Л.О., 2020: 4–7]. Эти меры вызвали беспрецедентные изменения в повседневной жизни стран ЕС и повлияли на осуществление многих положений Хартии ЕС об основных правах (Страсбург, 12 декабря 2007 г.). При этом три государства-члена ЕС – Эстония, Латвия и Румыния – использовали возможность, чтобы отступить от обязательств, наложенных Европейской конвенцией по правам человека ввиду чрезвычайной ситуации, что допускает п. 1 ст. 15 этой Конвенции¹. Между тем основной принцип международных стандартов в области прав человека гласит, что любые ограничения прав осуществляются в исключительных случаях, носят временный характер, подвергаются мониторингу и контролю; определенные права и свободы обеспечиваются при любых обстоятельствах². К тому же ограничения, вытекающие из принятых мер, должны соответствовать международным правовым стандартам.

Пандемия со всей остротой поставила на повестку дня вопрос о том, придется ли ЕС выбирать между соблюдением прав человека и обеспечением общественной безопасности. Данная проблема имела важнейшее значение для устойчивости ЕС [Tschinderle F., 2020]. На первый взгляд, консенсус государства и общества в условиях начавшейся пандемии был обеспечен. Об этом свидетельствовали результаты опросов общественного мнения, проведенных в государствах-членах ЕС. 22 марта 2020 г. состоялся интернет-опрос 1500 человек в возрасте 18 лет и старше, итоги которого продемонстрировали безусловную поддержку европейским гражданским обществом действий, осуществленных государством. В ответ на вопрос: что думают

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г., 13 мая 2004 г.). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/2540800/paragraph/1531:0> (дата обращения: 10.02.2021)

² European Court of Human Rights, Guide on Article 15 of the European Convention on Human Rights, updated on 31 December 2019. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_15_ENG.pdf (дата обращения: 02.02.2021)

респонденты об ограничительных мерах, предпринятых в их стране – подавляющее большинство респондентов в Италии, Испании и Франции их одобрили: 90, 88 и 86%, соответственно.

Появились доказательства того, что европейская общественность готова принять ограничения основных гражданских прав. Например, Австрийский институт изучения общественного мнения Дж. Гэллапа с 16 по 18 марта 2020 г. провел опрос лиц в возрасте 16 лет и старше, в ходе которого 94% респондентов указали, что пожертвуют рядом своих гражданских прав и свобод, если это поможет предотвратить распространение коронавируса [Coronavirus, 2020: 14]. Однако угрозы, возникшие в связи с пандемией, могли в любой момент поколебать консенсус европейского общества [Gostyńska-Jakubowska A, Scazzieri L., 2020b].

Меры социального (физического) дистанцирования

На первый план с точки зрения масштабности и относительной простоты реализации выдвинулись меры по обеспечению безопасного социального (физического) расстояния. 12 марта 2020 г. Европейский центр профилактики и контроля заболеваний (ECDC) определил перечень необходимых мер для смягчения воздействия пандемии¹, включая немедленную изоляцию лиц с симптомами заболевания COVID-19, приостановку массовых собраний [Iacus S.M., Santamaria C., Sermi F., Spyrtatos S., Iacus S.M., Annunziato A., Tarchi D., Vespe M., 2020a: 6–7], социальное (физическое) дистанцирование на рабочих местах или перевод сотрудников на дистанционную работу, временное прекращение деятельности учебных заведений в очном формате, введение карантина в жилых районах с высоким уровнем распространения коронавируса.

Синхронность действий государств-членов ЕС в обеспечении социального дистанцирования отсутствовала [Anghel S., Drachenberg R., 2020]. Они ввели такие меры в разное время и с неодинаковой интенсивностью. На ранних этапах пандемии власти в странах Евросоюза пошли по сравнительно мягкому пути [Iacus S.M., Santamaria C., Sermi F., Spyrtatos S., Tarchi D., Vespe M. 2020b: 5], обязав инфицированных и подверженных риску заражения лиц самостоятельно изолироваться. В некоторых странах (Болгария, Италия) было принято решение ввести карантин в целых провинциях и городах. В федеративных государствах (например, в Германии) отдельные субъекты приняли свои карантинные меры². Ряд стран ЕС (Хорватия и др.) остановили общественный транспорт, а другие (Греция, Франция, Италия, Испания) – ввели запрет на его передвижение без специального разрешения.

¹ ECDC (2020), Rapid risk assessment: Novel coronavirus disease 2019 (COVID-19) pandemic: increased transmission in the EU/EEA and the UK – sixth update, 12 March 2020, URL: <https://www.ecdc.europa.eu/en/publications-data/rapid-risk-assessment-novel-coronavirus-disease-2019-covid-19-pandemic-increased> (дата обращения: 31.01.2021)

² Germany, Focus (2020), Kontakte, Masken, Kinder: Hier sehen Sie, welche Regeln für Sie ab heute gelten, 25 March 2020, URL: https://www.focus.de/finanzen/recht/grosser-ueberblick-kontakte-radius-kinder-an-diese-corona-regeln-sollen-sie-sich-aktuell-halten_id_12601147.html (дата обращения: 23.01.2021)

Методы контроля для обеспечения соблюдения данных мер также отличались. В Венгрии предупреждающей табличкой красного цвета на двери отмечались помещения, где проживает человек, обязанный оставаться на карантине; полиция регулярно проверяла, как он соблюдает режим изоляции. Лица, нарушающие правила карантина, подвергались штрафам в сумме до 425 евро¹. Кроме финансовых санкций, в пространстве ЕС было введено уголовное наказание: лишение свободы за несоблюдение карантинных мер (например, до трех месяцев в Бельгии)².

Ограничения в деятельности образовательных учреждений

Страны ЕС, за исключением Швеции, к концу марта 2020 г. в связи с распространением вируса COVID-19 временно закрыли учебные заведения для посещения учениками и студентами. Вместе с тем треть стран ЕС (Австрия, Бельгия, Чехия, Дания, Эстония, Германия, Венгрия, Нидерланды и Словения) оставили школы открытыми для детей, чьи родители вынуждены оставаться в период пандемии на рабочем месте, а также для семей, в которых уход за детьми обеспечивался пожилыми родственниками.

Кроме того, государства-члены ЕС ввели дистанционное обучение, которое заключалось в отправке домашних заданий обучающимся по электронной почте, записи уроков в интернете, использованию онлайн-платформ и образовательных приложений для общения преподавателей со школьниками и студентами. Австрия, Франция и Словения предоставили для дистанционного обучения правительственные онлайн-платформы. В то время как в Хорватии, Венгрии и на Кипре образовательные материалы транслировались по телевидению. Однако не все учебные заведения, с одной стороны, и студенты – с другой, оказались обладателями необходимых технических средств для осуществления дистанционного обучения. По подсчетам Евростата в 2019 г. десять процентов домохозяйств в государствах-членах ЕС не имели доступа в интернет³. В ряде стран ЕС (Кипр, Болгария, Греция) образовательный процесс в центрах для беженцев был прекращен.

Полезной практикой стало предоставление необходимого оборудования для обучающихся из семей с низким уровнем доходов. Так, в Хорватии школам было поручено обеспечить компьютерами обучающихся, которые не имели материальной возможности для их приобретения. Понимая затруднения учебных заведений, правительство Хорватии выделило школам около 500 тыс. евро для закупки компьютеров [Coronavirus, 2020: 18]. Также школы были обязаны предоставить бесплатные сим-

¹ Hungary, Origo (2020), Ilyen piros lapokat kapnak a házi karanténban élők, 13 March 2020, URL: <https://www.origo.hu/itthon/20200313-piros-figyelmezteto-lapokat-kapnak-a-hazi-karanténban-levok.html> (дата обращения: 03.02.2021)

² Belgium, Police Fédérale (2020), La police veille à l'application stricte de l'interdiction de rassemblement, 18 March 2020, URL: <https://www.police.be/5998/fr/presse/la-police-veille-a-l-application-strict-de-linterdiction-de-rassemblement> (дата обращения: 01.02.2021)

³ Digital economy and society statistics - households and individuals. Eurostat. Statistics Explained. Data extracted in September 2020, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Digital_economy_and_society_statistics_-_households_and_individuals (дата обращения: 29.01.2021)

карты на неограниченный срок тем своим ученикам, которые не имели домашнего интернета.

Доступ к услугам организаций здравоохранения

Приоритет лечения COVID-19 поставил под сомнение право каждого на медицинскую помощь на условиях, предусмотренных национальным законодательством и практикой (ст. 35 Хартии Европейского союза об основных правах). В ряде стран ЕС отложили несрочное хирургическое вмешательство, чтобы освободить медицинских работников для борьбы с коронавирусом. Это, в свою очередь, породило значительный риск для пациентов с другими серьезными заболеваниями, – например, онкологическими. Основная проблема заключалась в том, что европейская система здравоохранения оказалась не готова к борьбе с большим количеством тяжелых случаев заражения вирусом [Laky Z., 2020; Braun D., 2020: 38–41].

Возникла ситуация, в условиях которой врачи должны были делать трудный выбор: кому из пациентов оказывать помощь в первую очередь. Вскоре с целью ин- структирования медицинских учреждений в Италии и Испании появились руководства, с помощью которых определялись приоритеты в части того, каких больных прежде прочих нужно лечить от вируса COVID-19¹. Ключевыми критериями стали возраст пациента и наличие/отсутствие сопутствующих патологий. Это вызвало негативную реакцию медицинских работников в странах ЕС. В Страсбурге во Франции врачи коллективно выразили возмущение тем, что руководством больниц и клиник к аппаратам искусственной вентиляции легких было решено не подключать больных в возрасте старше 80 лет².

Опасения вызвали также проблемы с доступом к медицинской помощи, которые возникли у определенных групп населения. Представители малых этнических групп обладали более высоким риском заражения в силу неблагоприятных условий жизни. Так, в Швеции пять из первых пятнадцати смертельных случаев, связанных с COVID-19, произошли среди беженцев из Сомали, проживавших в перенаселенных и социально неблагополучных окраинах Стокгольма³.

Возникли проблемы с доступом к профилактической медицинской помощи для людей, находящихся в тюрьмах и приютах; для душевнобольных мигрантов; к медикаментам ввиду роста цен на фоне высокого спроса в период пандемии. В ряде государств–членов Евросоюза (Болгарии, Чехии и Франции) были установлены верхние

¹ См., напр.: Italy, SIAARTI (2020), Raccomandazioni di etica clinica per l'ammissione a trattamenti intensivi e per la loro sospensione, in condizioni eccezionali di squilibrio tra necessità e risorse disponibili, 6 March 2020, URL: https://www.ilmattino.it/uploads/ckfile/202003/documento%20anestesiisti_08100700.pdf (дата обращения: 02.02.2021)

² France, Franceinfo (2020), Coronavirus: comment sera décidé le tri des patients admis en réanimation si les hôpitaux arrivent à saturation? 19 March 2020, URL: <https://fr.news.yahoo.com/coronavirus-sera-d%C3%A9cid%C3%A9-tri-patients-105751190.html> (дата обращения: 18.01.2021)

³ Sweden, Swedish Television (2020), Läkarförening larmar: Flera svensksomalier bland coronadödsfall i Stockholmsområdet, 23 March 2020, URL: <https://www.svt.se/nyheter/inrikes/lakarforening-larmar-over-halften-av-de-doda-ar-svensksomalier> (дата обращения: 19.01.2021)

пределы цен на лекарства. В Португалии были возбуждены уголовные дела за получение прибыли от незаконной продажи спиртосодержащего геля.

Поддержка уязвимых общественных групп

Меры, принятые органами власти в свете пандемии коронавируса, затронули различные общественные группы, в том числе и те, которые оказались в особо уязвимом положении.

В начале пандемии Всемирная организация здравоохранения указала, что пожилые люди, живущие в учреждениях интернатного типа (домах престарелых), подвержены большому риску заболевания COVID-19 в связи с возрастным ослаблением здоровья и затруднениями в соблюдении социального дистанцирования¹. Подчиняясь необходимости, большинство государств–членов ЕС пошли по пути временного ограничения или приостановления визитов в такие социальные учреждения в попытке предотвратить распространение коронавируса. Это вызвало негативную реакцию со стороны правозащитников. Так, словенский омбудсмен по правам человека предупредил, что ограничения по посещению домов престарелых должны быть обоснованными [Coronavirus, 2020: 27]. Между тем в домах престарелых были зафиксированы множественные случаи заражения COVID-19, а необходимой социальной ответственности сотрудники домов престарелых не проявили. В Мадриде персонал частного дома престарелых, опасаясь за свое здоровье, перестал ходить на работу после того, как в нем выявились случаи заболеваний коронавирусом. Больные подопечные были оставлены без присмотра, что привело к смерти 25 человек².

Государственные органы стран ЕС прилагали усилия для обеспечения доступа пожилых людей к жизненно важным услугам и информации. На Мальте пожилые были занесены в базу под названием «Аптека по вашему выбору», после чего получали двухмесячный запас лекарств. Это позволяло сократить время их пребывания в общественном пространстве, а значит, уменьшить риск заражения COVID-19. Люксембург разработал онлайн-платформу для того, чтобы пожилые люди могли приобрести все необходимые товары. В Словакии был введен в действие телефон доверия для пенсионеров, а в социальных сетях была размещена информация о том, на какую помощь со стороны государства они могут рассчитывать.

13 марта 2020 г. Европейский форум инвалидов (EDF) в открытом письме к лидерам ЕС и его государств–членов проанализировал круг угроз в отношении инвалидов, в том числе приостановление оказания услуг, необходимых для поддержания

¹ WHO (World Health Organization) (2020), Infection prevention and control guidance for long-term care facilities in the context of COVID-19: interim guidance, 21 March 2020, URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/331508> (дата обращения: 19.07.2020)

² General Prosecution Office (2020), The Prosecutor's Office investigates the Defense complaint about the state of some homes for the elderly, March 23, 2020, URL: <https://www.fiscal.es/web/fiscal/-/la-fiscalia-investiga-la-denuncia-de-defensa-sobre-le-estado-de-algunas-residencias-de-anciano> (дата обращения: 02.02.2021)

их жизнедеятельности¹. Это повышало риск развития серьезных заболеваний или даже смерти лиц с ограниченными возможностями здоровья. Страны ЕС приняли различные меры по соблюдению прав и удовлетворению потребностей инвалидов. Болгарское правительство открыло муниципалитетам дополнительное финансирование в сумме 10 млн евро² для оказания прямой денежной поддержки нуждающимся, в первую очередь инвалидам. Тем не менее проблемы сохранились. Большинство из них было связано с отказом от социальных обязательств государственных и частных компаний, испытывавших серьезные затруднения в связи с существенным сокращением доходов. 20 марта 2020 г. Национальное общество бельгийских железных дорог (SNCB) объявило об отмене льгот для лиц с ограниченными возможностями³. В Словакии были приостановлены бесплатные групповые занятия по обучению юридической защите, проводимые Ассоциацией лиц с ограниченными интеллектуальными возможностями.

В тяжелом положении оказались бездомные, которые по понятным причинам не могли самоизолироваться. Европейская федерация национальных организаций по работе с бездомными (FEANTSA) отметила, что они оказались в зоне особого риска заражения COVID-19⁴.

В нескольких государствах-членах ЕС учли это обстоятельство при планировании и реализации мер, сдерживающих распространение коронавируса. Например, в Латвии были проверены на наличие симптомов COVID-19 все лица, содержащиеся в приютах для бездомных. В Хорватии организовали контроль за бездомными, употребляющими пищу на общественных кухнях. Муниципалитеты Нидерландов создали специальный жилищный фонд для бездомных, зараженных коронавирусом. Министр жилищного строительства Франции объявил, что государство потратит 50 млн евро на размещение граждан, оставшихся без жилья⁵. В ряде стран Евросоюза

¹ European Disability Forum (2020), Open Letter to Leaders at the EU and in EU Countries: Covid-19 – Disability Inclusive Response, 13 March 2020, URL: <https://www.edf-feph.org/publications/human-rights-report-impact-of-covid-19-on-persons-with-disabilities/> (дата обращения: 03.02.2021)

² Bulgaria, State Gazette (Държавен вестник) (2020), Закон за мерките и действията по време на извънредното положение, обявено с решение на Народното събрание от 13 март 2020 г., 24 March 2020, Art.12, URL: <https://dv.parliament.bg/DVWeb/showMaterialDV.jsp?id-Mat=147150> (дата обращения: 09.02.2021)

³ Belgium, National Railway Company (NMBS/SNCB) (2020), Reizigers met beperkte mobiliteit, URL: <https://www.belgiantrain.be/nl/travel-info/prepare-for-your-journey/assistance-reduced-mobility> (дата обращения: 20.01.2021)

⁴ European Federation of National Organisations Working with the Homeless (FEANTSA) (2020), COVID-19: “Staying Home” Not an Option for People Experiencing Homelessness, 18 March 2020, URL: <https://www.feantsa.org/en/news/2020/03/18/covid19-staying-home-not-an-option-for-people-experiencing-homelessness?bcParent=26> (дата обращения: 28.12.2020)

⁵ France, Government Website (2020), L’État mobilise 50 million d’euros et met à disposition des chambres d’hôtel pour les plus démunis, 20 March 2020, URL: <https://www.gouvernement.fr/covid-19-l-etat-mobilise-50-millions-d-euros-et-met-a-disposition-des-chambres-d-hotel-pour-les-plus> (дата обращения: 31.01.2021)

обозначились серьезные проблемы: в Германии и Люксембурге стали известны случаи непредоставления услуг бездомным, что официальные лица пытались объяснить отсутствием необходимых средств индивидуальной защиты для работников социальных учреждений. В Ирландии множество бездомных было размещено в аварийном жилье, требующем капитального ремонта.

Выводы

Социальный шок периода пандемии привел к актуализации конфликта между соблюдением прав человека и необходимостью их ограничения в чрезвычайной эпидемиологической ситуации. Резко обострилось противоречие между гражданскими и государственными интересами, преодолеть которое страны-члены Евросоюза оказались не в состоянии. Их усилия были направлены на смягчение последствий тех ограничений, которые пришлось ввести в связи с угрозой массового заражения вирусом COVID-19. Члены ЕС не продемонстрировали единства в сроках и содержании антикризисных мер, пытаясь действовать в зависимости от складывающейся обстановки в их регионах. Социальная политика в условиях роста заболеваний коронавирусом претерпела трансформацию, сосредоточив внимание на мерах физического дистанцирования, временного прекращения образовательного процесса в очном формате, усилиях в сфере здравоохранения, выделении дополнительной помощи социально слабым слоям населения.

На этом пути страны Евросоюза столкнулись с рядом серьезных трудностей, которые вытекали из неподготовленности ключевых общественных институтов к встрече с пандемией коронавируса. Под угрозой оказалось ключевое право человека на медицинскую помощь, поскольку система здравоохранения стран ЕС не обладала достаточным запасом ресурсов, необходимых для оказания помощи всем зараженным COVID-19. В ряде государств ЕС медицинские учреждения, руководствуясь инструкциями властей, фактически обрекли на смерть многих граждан старшего поколения. Не с лучшей стороны зарекомендовала себя и система негосударственных социальных организаций, осуществлявших уход за пожилыми людьми. Выявились существенные проблемы в сфере образования, порожденные недостатком компьютерной техники и отсутствием интернета у ряда домохозяйств в странах Евросоюза.

Список литературы

Бабынина Л.О. (2020) Коронавирус: что может сделать и делает Европейский союз, *серия “Аналитические записки Института Европы РАН”*, № 195, URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an195.pdf> (дата обращения: 28.12.2020)

Варфоломеев А.А. (2020) Международные организации и борьба с новыми пандемиями. *Международная жизнь*, № 7, С. 16–25.

Войников В.В. (2020) Продвинутое сотрудничество в рамках пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС. *Современная Европа*, № 3. С. 16–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020>

Чучалин А.Г. (2020) Мы расплавляемся за нашу беспечность. *Международная жизнь*, № 5. С. 4–7.

Щипков А.В. (2020) Политическая философия коронавируса. *Международная жизнь*, № 5, С. 12–19.

Яковенко А.В. (2020) COVID-19: поле битвы или возможность для сотрудничества? *Международная жизнь*, № 5, С. 8–11.

References

Anghel S., Drachenberg R. (2020) The European Council as COVID-19 crisis manager a comparison with previous crises. *European Parliamentary Research Service*. PE 642.822. March, URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/642822/EPRS_BRI%282020%29642822_EN.pdf (accessed: 18.07.2020)

Babynina L.O. (2020) Koronavirus: chto mozhет sdelat' i delaet Evropejskij soyuz, [Coronavirus: what the European Union can and is doing], seriya "Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN" No 195, URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an195.pdf> (accessed: 18.07.2020) (in Rus.).

Borell J. (2020) The Post-Corona World is already there, *International Politics*, No 4, URL: <https://internationalepolitik.de/de/die-post-corona-welt-ist-schon-da> (accessed: 18.07.2020)

Braun D. (2020) How we learned to stop the Pandemic, *International Politics*, No 4, pp. 38–41.

Chuchalin A.G. (2020) My rasplachivaemysya za nashu bespechnost' [We are paying for our carelessness], *Mezhdunarodnaya zhizn'*, No 5, pp. 4–7. (in Rus.).

Coronavirus Pandemic in the EU – Fundamental Rights Implications (2020) Bulletin 1. 1 February – 20 March/ FRA, *European Union Agency for Fundamental Rights*, Luxembourg, Publications Office of the European Union, 60 p.

Gimpolongo E., Benczur P., Campolongo F., Cariboni J., Manca A.R. (2020) Time for transformative resilience: the COVID-19 emergency, *Publikations Office of the European Union*, Luxembourg, 14 p.

Gostyńska-Jakubowska A, Scazzieri L. (2020a) The EU can emerge stronger from the coronavirus crisis, URL: <https://www.cer.eu/in-the-press/eu-can-emerge-stronger-coronavirus-crisis> (accessed: 18.07.2020)

Gostyńska-Jakubowska A, Scazzieri L. (2020b) The EU needs to step up its response to the COVID-19, Centre for European Reform. 23 March, URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/in-sight_AG_LS_23.3.20.pdf (accessed: 18.07.2020)

Fana M., Tolan S., Torrejón S., Urzi Brancati C., Fernández-Macías E. (2020) The COVID confinement measures and EU labour markets, *Publikations Office of the European Union*, Luxembourg, 32 p.

Iacus S.M., Santamaria C., Sermi F., Spyratos S., Tarchi D., Vespe M. (2020a) How human mobility explains the initial spread of COVID-19, *Publikations Office of the European Union*, Luxembourg, 25 p.

Iacus S.M., Santamaria C., Sermi F., Spyratos S., Tarchi D., Vespe M. (2020b) Mapping Mobility Functional Areas (MFA) by using Mobile Positioning. Data to Inform COVID-19 Policies, *Publikations Office of the European Union*, Luxembourg, 52 p.

Laky Z. (2020) Novel Coronavirus Outbreak. State of Play, and the EU's Public Health Response, *Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies Directorate-General for Internal Policies*, Brussels, 9 p.

Lapatinas A. (2020) The effect of COVID-19 confinement policies on community mobility trends in the EU, *Publikations Office of the European Union*, Luxembourg, 39 p.

Montalto V., Sacco P.L., Alberti V., Panella F., Saisana M. (2020) European Cultural and Creative Cities in COVID-19 times Jobs at risk and the policy response, *Publikations Office of the European Union*, Luxembourg, 37 p.

Poljanšek K., Vernaccini L., Ferrer M. (2020) Inform COVID-19. Risk Index Methodology and results, *Publikations Office of the European Union*, Luxembourg, 29 p.

Rappold J. (2020) Presidency in the Pandemic, *International Politics*, No 4, pp. 76–77.

Shchipkov A.V. (2020) Politicheskaya filosofiya koronavirusa [Political philosophy of coronavirus], *Mezhdunarodnaya zhizn'*, No 5, pp. 12–19. (in Rus.).

Tschinderle F. (2020) Democracy under lockdown, *International Politics*, No 4, URL: <https://internationalepolitik.de/de/demokratie-unter-lockdown> (accessed: 18.07.2020)

Varfolomeev A.A. (2020) Mezhdunarodnye organizacii i bor'ba s novymi pandemiyami [International organizations and the fight against new pandemics], *Mezhdunarodnaya zhizn'*, No 7, pp. 16–25. (in Rus.).

Vojnikov V.V. (2020) Prodvinutoe sotrudnichestvo v ramkah prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudiya ES [Advanced cooperation within the EU space of freedom, security and justice], *Sovremennaya Evropa*, No 3, pp. 16–27. (in Rus.). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020>

Yakovenko A.V. (2020) COVID-19: pole bitvy ili vozmozhnost' dlya sotrudnichestva? [COVID-19: Battleground or Opportunity for Cooperation?], *Mezhdunarodnaya zhizn'*, No 5, pp. 8–11. (in Rus.).

COVID-19 Shock: EU Member's Social Policy

Received 11.02.2021

Authors: Egorov A., Doctor of Science (History), Associate professor, Head Department of Economics and Humanities, Nizhny Novgorod State Technical University R.E. Alekseev. **Address:** 24 Minin, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950. **E-mail:** dr.egoroff-al2012@yandex.ru

Petrovsky A., Director of the Dzerzhinsky branch of the Nizhny Novgorod State Technical University R.E. Alekseev. **Address:** 49 Gaidar, Dzerzhinsk, Nizhny Novgorod region, Russia, 606026. **E-mail:** pposdf@mail.ru

Abstract. The article analyzes social policies implemented by the European Union member states during the initial period of the coronavirus pandemic. Despite the fact that the whole region faced the same universal threat, the supranational level of decision-making and implementation was practically paralyzed in the European Union at this period. Each member state of the EU had to transform social policies in an attempt to combat spread of the pandemic and mitigate its consequences. Nevertheless, exclusions of essential civil and human rights made to strengthen anti-COVID measures turned out to be major fault lines in the relationship between society and governments. It became evident that the main attention of the state authorities was paid to measures in the field of social (physical) distancing, restrictions in the activities of educational establishments, ensuring access to health services, providing assistance to socially vulnerable groups of the population, including the elderly, the disabled, and the homeless. The authors explore different approaches implemented throughout EU to tackle social and medical issues created by coronavirus. The main obstacles such as lack of essential resources, including the necessary medical equipment and their causes are highlighted. It is concluded that the European Union member states have not found an optimal response in the social field when they confronted the challenge of the coronavirus pandemic.

Key words: European Union, pandemic, social policy, human rights, restrictions, education, health.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021119128>

УДК 314.1

Элеонора ЕРМОЛЬЕВА

Надежда КУДЕЯРОВА

ИСПАНИЯ В МНОГОМЕРНОМ КРИЗИСЕ: СОЦИАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Статья поступила в редакцию 26.08.2020

Аннотация. В статье проанализирована социально-экономическая обстановка в современной Испании. Показана взаимосвязь демографических процессов и структурно сложных социальных феноменов. Отмечается падение рождаемости, кризисное положение молодежи в результате пандемии коронавируса. Авторы также затронули проблемы пенсионеров. На основе статистических данных проанализированы среднесрочные перспективы демографических изменений, оценивается влияние миграционного фактора, показано, как меняющаяся возрастная структура и ее последствия ставят перед обществом все более широкий круг вопросов, касающихся как молодого поколения, так и других возрастных групп. Методологический принцип комплексного анализа демографических и социально-экономических проблем позволяет выявить взаимосвязь важнейших составляющих социальной модели государства.

Ключевые слова: Испания, демография, миграция, молодежная безработица, пенсионная система, государство всеобщего благосостояния.

Испания в 2020 г. столкнулась с новым витком социально-экономических проблем. В результате пандемии COVID-19 часть трудностей, порожденных глобальным кризисом 2008–2009 гг., обрела хронический характер. Последовавшее десятилетие стагнации экономики и медленного тяжелого восстановления наглядно выявило воздействие демографической составляющей на социальную сферу. Постепенное старение населения, снижение рождаемости и активный миграционный приток в совокупности привели к серьезным трансформациям, ставящим под вопрос устойчивость социальной модели, ориентированной на построение государ-

© *Ермольева Элеонора Георгиевна* – к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт Латинской Америки РАН. **Адрес:** 115035, Россия, Москва, ул. Б. Ордынка, 21.
E-mail: ermolieva@gmail.com

© *Кудеярова Надежда Юрьевна* – к.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт Латинской Америки РАН. **Адрес:** 115035, Россия, Москва, ул. Б. Ордынка, 21.
E-mail: n.kudeyarova@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021129139>

ства всеобщего благосостояния [Zaragoza, 2014; Mari-Klose et al., 2014]. Авторы статьи ставят перед собой задачу определить основные демографические тенденции в Испании и проследить их влияние на связанные с ними феномены, негативная динамика которых может заложить основу для развития масштабного кризиса социальной сферы Испании.

Демографическая трансформация и положение молодого поколения

Демографическая динамика стала одним из ключевых элементов, определяющих текущее состояние и перспективу социальных процессов [Cabré et al., 2002; Gómez Faugén, 2010]. Численность населения Испании к 2021 г. достигла 47 млн 394 тыс. человек, из которых 5 млн 375 тыс. – мигранты. С начала XXI в. население страны увеличилось на 6 млн 665 тыс. человек¹. Этот рост был неравномерным, наиболее активно он проходил в первом десятилетии XXI века и впоследствии затормозился, в отдельные периоды 2010-х гг. демонстрируя отрицательные значения. На прирост населения положительно повлияла миграция, которая превратилась в самостоятельную демографическую «третью силу». На фоне пандемии COVID-19 это стало особенно заметно. Результаты 2020 г. показали усиление негативного тренда: в относительном выражении ежегодный прирост населения замедлился до 0,13% (для сравнения в 2019 г. он составлял 0,84%). Смертность в Испании в 2020 г. увеличилась на 17,7% в сравнении с предыдущим годом [INE, 2021b: 1]. Хотя взаимодействие трех факторов уравнения демографического баланса (сложение/вычитание рождаемости, смертности и миграции) показало увеличение численности населения, этот результат складывался из отрицательного показателя естественного прироста -153 тыс. человек (338,5 тыс. рождений против 491,6 тыс. смертей), компенсированного положительным миграционным сальдо в 216,2 тыс. человек [INE, 2021a: 1].

За двадцать лет, прошедших с начала мощного иммиграционного притока, структура и численность жителей иностранного происхождения в Испании стабилизировались. Однако миграционные потоки в стране были неравномерно распределены по территории. Это приводило к развитию противоположных тенденций: с одной стороны, оттоку людей из глубинных районов, а с другой — к концентрации переселенцев в столичных агломерациях прежде всего в Мадриде и Барселоне.

Увеличение продолжительности жизни естественным образом привело к росту числа граждан пенсионного возраста. Плавное перемещение поколения «бэби-бума» 1950–1960 гг. и его потомков первого поколения по возрастной пирамиде отражало демографические сдвиги: в 2020 г. люди моложе 16 лет составляли 15,7% населения, в возрасте от 16 до 44 лет – 36,3%, от 45 до 64 лет – 29,8%, а доля пожилых испанцев в возрасте 65 лет и старше достигла 20%. В дальнейшем тенденция к сокращению количества молодежи усилится². Как отмечал французский политиче-

¹ INE. Cifras de Población. URL: <https://ine.es/> (дата обращения: 08.07.2021)

² Population Pyramids of the World from 1950 to 2100. Spain. URL: <https://www.populationpyramid.net/spain/2020/> (дата обращения: 08.07.2021)

ский философ Сами Наир, новая реальность «демографической зимы» в европейских странах во многом будет определяться концепцией «демографических потоков»¹. Наблюдаемые с 2015 г. отрицательные показатели естественного прироста населения компенсировались притоком иностранцев. Так, все большее влияние на демографические параметры стала оказывать миграция: если в 2020 г. в Испании показатель медианного возраста составлял 43,6 года, то среди жителей иностранного происхождения – 36,1 года. Еще более наглядно различие прослеживалось в наиболее активном с трудовой и репродуктивной точек зрения возрастном диапазоне 16–44 лет, в который входили 34,1% испанцев и 55% жителей, родившихся за пределами страны².

Параллельно с ростом продолжительности жизни развивался и другой процесс, вызывающий многочисленные споры и противоречивые оценки – снижение рождаемости. Обзор испанского Национального института статистики (Instituto Nacional de Estadística, INE) «Естественное движение населения» отразило усиление негативного тренда на фоне пандемии: «В 2020 г. было зарегистрировано 339,2 тыс. рождений, что на 5,9% меньше, чем в прошлом году. За прошедшее десятилетие общая тенденция к снижению была прервана только в 2014 г. С 2010 г. показатель числа рождений снизился на 30,3%» [INE, 2021b: 1]. На длительном временном интервале динамика выглядит более рельефно: в 2020 г. на свет появилось на 49% меньше младенцев, чем 45 лет назад в 1976 г., когда население страны было на четверть меньше. Самой возрастной автономией стала Астурия, где средний возраст жителей составил 48,6 года (для сравнения: в центрах миграционного притяжения – Мадриде и Каталонии – показатель на шесть лет ниже)³.

Также значителен вклад переселенцев в позитивную динамику рождаемости: 27,2% от общего числа новорожденных появились у родителей-иммигрантов (14,9% всех новорожденных появились в парах, где оба родителя были иностранного происхождения)⁴. Как отмечалось в «Опросе о деторождении», проведенном INE, во всех возрастных группах женщины иностранного происхождения имели больше детей, чем женщины, родившиеся в Испании [INE, 2019: 3]. Испанки, как правило, рожают детей позже в сравнении с женщинами-иммигрантами, откладывая появление первенца на срок от двух до пяти лет. Основными причинами такого решения в опросе назывались финансовые, трудовые или одновременно семейные/трудовые отношения. Отсрочка намерения молодой матери иметь ребенка во

¹ Naïr S. Demografía y migraciones futuras, *El País*, 23.06.2018. URL: https://elpais.com/elpais/2018/06/22/opinion/1529684710_483678.html (дата обращения: 08.07.2021).

² Jiménez F.S. La inmigración sale al rescate de España y su crisis demográfica: la población extranjera registra el mayor aumento desde 2008, *El Economista*, 11.04.2019. URL: <https://www.eleconomista.es/economia/noticias/9818015/04/19/La-inmigracion-sale-al-rescate-de-Espana-y-su-crisis-demografica-la-poblacion-extranjera-registra-el-mayor-aumento-desde-2008.html> (дата обращения: 08.07.2021)

³ INE. Indicadores de Estructura de la Población. URL: <https://ine.es/> (дата обращения: 08.07.2021)

⁴ INE. Movimiento natural de la población. Nacimientos por mes, nacionalidad de la madre y nacionalidad del padre. URL: <https://ine.es/> (дата обращения: 08.07.2021)

многим соотносилась с появлением большей финансовой и трудовой стабильности [INE, 2019: 10]. Особенностью проведенного опроса стало включение мужчин в число респондентов. Результаты показали, что «95,1% мужчин в возрасте до 30 лет еще не были отцами, доля мужчин в возрасте от 30 до 34 лет, уже имеющих одного ребенка, составляла 20%» [INE, 2019: 8]. Можно заключить, что откладывание решения о появлении потомства характерно не только для женщин, но и для мужчин.

В Испании, как и везде в мире, ключевой сферой демографической трансформации была и остается семья. Изменения в модели семьи кардинальным образом повлияли на динамику, качественные и количественные характеристики происшедших сдвигов. Исторически в Испании поддерживалась модель традиционной семьи, где основная функция кормильца принадлежала мужчине, а женщине отводилась роль наставницы детей [Mosakova, 2019: 153]. Спусковым механизмом для изменения такой парадигмы послужил переход к демократии после смерти Франко. Модель семейных отношений, унаследованная от прежнего политического режима, все менее соответствовала запросам общества, экономическим и политическим условиям. В Конституции 1978 г. было провозглашено равенство полов, что символизировало смену прежней модели семейных отношений. Политические изменения, социальные и экономические факторы стимулировали включение женщин в трудовую жизнь. Как отмечал российский исследователь М.А. Клупт, «эмпирические данные показывали, что ориентация на модель, где основным добытчиком был отец, а мать – домохозяйка, оказалась менее благоприятной к рождаемости» [Клупт, 2014: 44]. Становление новой парадигмы семьи в Испании не сопровождалось фокусированной государственной поддержкой, что усиливало конфликт между материнской и профессиональной ролями женщин. По сути, это создало условия для демографического провала, с которым страна столкнулась на рубеже XX–XXI вв. Демографическая динамика породила алармистский подход к проблемам старения населения и низкой рождаемости, переключив внимание на репродуктивное поведение, зачастую игнорируя воздействие значимых социальных и макроэкономических факторов. На этом фоне пандемия привела к еще одному слабо прогнозируемому результату – резкому сокращению числа заключенных браков в 2020 г. – на 45,7% меньше по сравнению с 2019 г. [INE, 2021b: 1].

В Испании можно проследить переход к реализации элементов семейной политики, успешно опробованных в других странах Европы. Основным направлением стало равноправное участие. Статистика отмечает постепенный рост вовлеченности мужчин в уход за детьми. Все больше отцов берут отпуск по уходу за новорожденным: если в 2010 г. такой возможностью воспользовались 56,6% мужчин, то в 2018 г. – уже 69%. Однако характерно и другое явление: при 370 тыс. родившихся детей, только 252,7 тыс. матерей обратились за пособием по беременности и родам, что составило 68% от общего числа [Informe..., 2019: 89]. Необходимо отметить, что декретный отпуск для женщин в Испании составляет 16 недель, уступая среднему показателю по ЕС в 26 недель.

В феврале 2019 г. испанское правительство приняло закон, значительно увеличивший для мужчин длительность отпуска по уходу за детьми. Предусматривалось увеличение этого срока до 16 недель в течение двух лет, что уравнивает его по времени с отпуском женщин [Real Decreto..., 2019]. Решение принималось в

целях укрепления гендерного равенства. Несмотря на скепсис консервативных кругов, число отцов, пользующихся этим социальным инструментом, растет. Показательно, что лидер партии «Подemos» Пабло Иглесиас перенес дату вступления в электоральную кампанию весны 2019 г. из-за своего отпуска по уходу за ребенком¹.

Учитывая перспективу ускорения процесса старения населения, в Испании начали разработку национальной политики в области демографии. В марте 2019 г. совет министров согласовал общие принципы Национальной стратегии по решению демографических проблем [Estrategia Nacional..., 2019]. В ней обозначены действия по трем основным направлениям: достижение равенства женщин и мужчин на рынке труда и в системе социальной защиты; обеспечение устойчивости системы социального обеспечения и особенно государственных пенсий; борьба с нестабильностью на рынке труда и повышение качества занятости. В марте 2021 г. в рамках Стратегии был утвержден план реализации 130 конкретных мер, направленных на борьбу с депопуляцией и на обеспечение социальной и территориальной сплоченности страны [Plan..., 2021]. Показательно, что в программы, касающиеся демографических задач, включены меры, напрямую не связанные с репродуктивным поведением. Акцент сделан на факторах, обеспечивающих социально-экономическую стабильность. В этом контексте важен вопрос о структуре и качестве занятости, прежде всего, жителей страны молодого возраста. Устойчивость их положения играет ключевую роль в решении демографических задач, поскольку на поколение молодых ложится нагрузка по компенсации тех экономических потерь, которые появляются из-за старения населения. В Испании именно молодежь, только выходящая на рынок труда, наиболее глубоко ощутила последствия кризиса 2008–2009 гг., а теперь – пандемии.

На испанском примере видна характерная для Южной Европы тенденция, «при которой в группе трудящихся, подверженных наибольшему риску бедности, место пожилых все больше занимает молодежь» [Ermólieva, 2018: 111]. Даже в короткий период выхода из рецессии положение молодежи не улучшилось, а с начавшейся пандемией – продолжило ухудшаться. Не менее 1,8 млн молодых испанцев (18–29 лет) живут в состоянии умеренной бедности², а доля нетрудоустроенных молодых людей (по данным на июль 2021 г.) в 2,4 раза превышала процент безработных среди лиц старше 25 лет – 36,9% против 15,3% [Eurostat, 2021]. Ситуация осложняется и психологическим фактором: данные Еврофонда показали более высокий уровень растерянности и неуверенности в своей

¹ Iglesias no interrumpirá su permiso de paternidad a pesar del adelanto electoral, y regresará en marzo, *El Periódico*, 15.02.2019. URL: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20190215/iglesias-no-interrupcion-permiso-paternidad-adelanto-electoral-7306076> (дата обращения: 08.07.2021)

² Joven con estudios y trabajo: el insospechado perfil de la pobreza severa en España. *El Economista*, 16.07.2020. URL: https://www.eleconomista.es/economia/noticias/10671037/07/20/Joven-con-estudios-y-trabajo-el-insospechado-perfil-de-la-pobreza-severa-en-Espana.html?gclid=CjwKCAjw_o-HBhAsEiwAN (дата обращения: 08.07.2021)

профессиональной судьбе и финансовых возможностях у молодых людей, чем в иных возрастных группах [Eurofound, 2021].

Важным обстоятельством, влияющим на нестабильность занятости в Испании, является высокая степень дуальности рынка труда – сосуществование долгосрочных и кратковременных трудовых соглашений. По данным INE, половина (46,95%) работающей молодежи в возрасте 16–29 лет имела временные трудовые контракты¹ с диапазоном срока действия от менее одной недели до полугода. С приходом пандемии именно временные рабочие места в первую очередь подвергались сокращению. Работники моложе 35 лет составили около половины от числа тех, кто оказался за пределами рынка занятости с наступлением карантина в 2020 г.²

Испанские эксперты, равно как и их коллеги из соседних стран, считают, что негативные последствия COVID–19 проявятся не только во всплеске числа молодых безработных, но и в увеличении поколения «ni-ni» (NEET, в английской версии; в исп. ni estudia, ni trabaja) – молодежи, которая не учится и не работает. По данным Евростата, к проблемной молодежи по всему ЕС относится 16,5% населения в возрасте 18–29 лет, или в абсолютном выражении – около 9,5 млн человек³. В IV квартале 2020 г. в Испании число «ни-ни» в возрасте 16–29 лет оценивалось в 1,1 млн человек или 20,9% обозначенной группы⁴. Такое явление существенно ослабляет финансовую стабильность молодой группы, что негативно сказывается на многих сторонах жизни, в том числе и на демографических перспективах. Нарастающая уязвимость трудовой ситуации молодежи давала основание испанским обозревателям левого толка констатировать, что Испанию можно отнести к числу стран, «где трудно быть молодым».

Проблемы «третьего возраста»

Пенсионная проблематика, вытекающая из объективного увеличения числа людей старше 65 лет, стала одной из ключевых тем общественных и политических дебатов. Главная проблема связана с необходимостью поддерживать заявленный уровень пенсий в условиях демографических изменений. «В последние годы страх сокращения населения приобрел значительный резонанс из-за той опасности, которую оно создает для жизнеспособности пенсионной системы и

¹ INE. Ocupados a tiempo parcial según grupos de edad y periodo, IV trimestre 2020. URL: <https://ine.es/> (дата обращения: 08.07.2021)

² La pandemia pinta un panorama oscuro para los jóvenes, *Infobae*, 11.06.2020. URL: <https://www.infobae.com/america/agencias/2020/06/11/la-pandemia-pinta-un-panorama-oscuro-para-los-jovenes/> (дата обращения: 08.07.2021)

³ Eurostat. Young people neither in employment nor in education and training (NEET), by sex and age – quarterly data. URL: <https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do#> (дата обращения: 08.07.2021)

⁴ ¿Cuántos Ni-Nis hay en España? 04.05.2021. URL: <https://www.epdata.es/datos/nis-ninis-estudian-trabajan-espana-datos-graficos/280> (дата обращения: 08.07.2021)

государства всеобщего благосостояния», – отмечалось в испанском издании *El Economista*¹.

Являясь важнейшей составной частью средиземноморской социальной модели, солидарная распределительная пенсионная система Испании имеет свои особенности. Одним из ее социальных преимуществ считается высокий уровень замещения пенсией трудовых доходов – 72% при полном страховом стаже [OECD, 2019: 4]. При этом ее недостатком стала особая чувствительность к соотношению между численностью плательщиков взносов и получателей пенсий. В середине 2021 г. на каждого пенсионера приходилось всего двое активных работников (19,5 млн человек), что является «критическим порогом для удовлетворительного финансового баланса пенсионной системы»². При сокращении занятости и сопутствующем ему снижении числа участников системы социального страхования происходит заметное снижение взносов в фонд социального обеспечения, «который в последнее десятилетие стал хронически дефицитным. В 2011–2018 гг. аккумулированный дефицит пенсионной системы Испании составил 101 млрд евро (настоящая финансовая «черная дыра»), которые правительству пришлось изыскивать за счет других статей государственного бюджета» [Яковлев, 2020]. По данным на 31 мая 2021 г., дефицит «пенсионной копилки» составил 1 млрд 142,32 млн евро³.

«Содержание пенсионеров будет недешево обходиться как государству, так и лицам трудоспособного возраста», – подчеркивал баскский экономист Роберто Веласко [Velasco, 2019: 184]. В июне 2021 г. на содержание 9,8 млн пенсионеров из испанской казны было выделено 10 млрд 180 млн евро⁴, что составило 12,4% к ВВП. По прогнозам Еврокомиссии, в ближайшие два–три десятилетия Испания превратится в страну с высоким показателем пенсионной зависимости. Если в 2020 г. на 100 человек трудоспособного населения в возрасте 15–64 лет в стране приходилось 29 пенсионеров (лиц старше 65 лет), то к 2050 г. этот показатель вырастет до 59 человек [Ageing Europe..., 2020: 23]. По мнению специалистов МВФ, «испанская система социального обеспечения является весьма щедрой по отношению к пенсионерам, но это может негативно сказаться в ближайшем будущем на уровне жизни более молодого поколения»⁵.

¹ Jiménez F.S. La inmigración sale al rescate de España y su crisis demográfica: la población extranjera registra el mayor aumento desde 2008, *El Economista*, 11.04.2019. URL: <https://www.eleconomista.es/economia/noticias/9818015/04/19/La-inmigracion-sale-al-rescate-de-Espana-y-su-crisis-demografica-la-poblacion-extranjera-registra-el-mayor-aumento-desde-2008.html> (дата обращения: 08.07.2021)

² ¿Cuál es el futuro de las pensiones en España? *Tu proyecto de vida*, 15.04.2021. URL: <https://www.tuprojectodevida.es/futuro-pensiones/> (дата обращения: 08.07.2021)

³ La Seguridad Social registra un saldo negativo de 1.142,32 millones de euros. *Seguridad social*, 30.06.2021. URL: <https://revista.seg-social.es/2021/06/30/la-seguridad-social-registra-un-saldo-negativo-de-1-14232-millones-de-euros/> (дата обращения: 08.07.2021)

⁴ Las pensiones en España, en datos. 25.05.2021. URL: <https://www.epdata.es/datos/pensiones-graficos-datos/20/espana/106> (дата обращения: 02.07.2021)

⁵ El FMI pide a España cambiar el sistema de pensiones para que los jóvenes no asumen todo el coste, *El Mundo*, 30.01.2020. URL:

Когда в январе 2020 г. социалистам удалось сформировать «Прогрессистское правительство» в коалиции с «Унидас-Подемос», в печати подчеркивалась срочность решения финансового вопроса в связи с тем, что с 2021 г. на пенсию начнет выходить многочисленное поколение «бэби-бума». Но из-за начавшейся пандемии пересмотр закона о пенсиях было решено отложить.

В январе 2021 г. правительство Педро Санчеса (правда, уже без участия лидера партии «Подемос» и вице-премьера Пабло Иглесиаса, который неожиданно заявил о выходе из состава правительства [Верников, 2021]), вернулось к вопросу. Напряженные переговоры велись с социальными партнерами: с одной стороны, с ведущими профсоюзами – Всеобщим союзом трудящихся (UGT) и Рабочими комиссиями (ССОО), а с другой – с Испанской конфедерацией предпринимательских организаций (СЕОЕ) и Испанской конфедерацией мелких и средних предприятий (СЕРУМЕ). К июню 2021 г. правительство достигло предварительного соглашения об изменении пенсионной системы. Новая пенсионная реформа в Испании носит многоэтапный характер и начнется с 2022 г. В нее вошел принятый в Европе набор мер *параметрического характера*: постепенное повышение пенсионного возраста и необходимого страхового стажа для получения минимального и полного пенсионного пособия, ограничение возможности досрочного выхода на пенсию, изменение формулы расчета пенсии и ее индексации. Так, для поддержания покупательной способности пенсионеров вводится индексация пенсий по старости в соответствии с изменениями индекса потребительских цен. Постепенно повышаясь, пенсионный возраст к 2027 г. составит 67 лет, при этом ужесточаются условия для досрочного выхода на пенсию. Важным аспектом трехстороннего соглашения стала отмена *фактора стабилизации* – сложной формулы, предусматривающей автоматическую корректировку пенсий в соответствии с ростом продолжительности жизни и доходами/расходами пенсионной системы. Данный механизм был принят правой Народной партией в 2013 г. и должен был вступить в действие в 2019 г., но в связи со сменой власти был отменен.

Основная идея новой испанской пенсионной реформы состоит в курсе на продление активной трудовой жизни лиц третьего возраста, на внедрение принципа солидарности для достойного пенсионного обеспечения будущих поколений. Проведение пенсионной реформы является составной частью национального «Плана восстановления, трансформации и устойчивости испанской экономики» (Plan de Recuperación, Transformación y Resiliencia 2021–2026), финансовая поддержка которого осуществляется в рамках общеевропейского проекта #NextGenerationEU.

Пандемия коронавируса стала своеобразным мультипликатором накапливавшихся в последнее десятилетие проблем в демографической, трудовой и пенсионной сферах. Решение каждой из них по отдельности не представляется возможным. Многомерный кризис, обусловленный как социально-демографической динамикой, так и обострением хронических проблем в сфере занятости, спровоцированных рецессией 2008–2013 гг., был усилен пандемией. Возникновение непро-

<https://www.elmundo.es/economia/empresas/2020/01/30/5e330791fc6c83b3118b4594.html> (дата обращения: 08.07.2021)

гнозируемого фактора в виде ограничительных мер карантина нанесли серьезный удар по рынку труда. Цена коронакризиса высока не только для сферы занятости. Показательно, что многие эксперты анализировали воздействие пандемии через оптику демографической проблематики. Так, Испания – страна с высокой долей пожилых людей – сильно пострадала от пандемии. При этом возрастной критерий был важной, но не единственной причиной повышающейся смертности [Valbo et al., 2020: 2]. Увеличение избыточной смертности влияет и на динамику других показателей: по прогнозам, наблюдавшийся в Испании с 2009 г. поступательный среднегодовой прирост ожидаемой продолжительности жизни, в 2020 г. сократился на 1,24 года [INE, 2021b: 5]. Кризис, вызванный пандемией, отразился на перспективах рождаемости. Выводы исследователей подтверждали уже известную закономерность снижения вероятности рождения детей в периоды неопределенности [Valbo et al., 2020: 4]. Однако, рассматривая испанский пример, эксперты не склонны переоценивать влияние нового кризиса – снижение рождаемости становится результатом действия механизмов, обусловленных как различными экономическими, демографическими и политическими предпосылками докризисного периода, так и посткризисными перспективами. В наибольшей степени воздействие кризиса будет проявляться в странах с низкой рождаемостью, к числу которых относится Испания [Luppi et al., 2020: 11].

Пандемия COVID-19 стала испытанием на прочность всех опор социального государства – систем социального и пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования. Структурный кризис государства всеобщего благосостояния, этого значимого достижения испанской нации, созданного в период демократического транзита и испанского экономического чуда [Navarro López, 2004], будет продолжаться. «Государство благополучия» (Estado del Bienestar) все больше становится «государством неблагополучия» (Estado del Malestar), несмотря на все попытки правительств – как в недавнем прошлом, так и в настоящем – спасти его от полного демонтажа. В ситуации, когда на долгосрочные перспективы развития воздействует целый узел социальных проблем, период восстановления может растянуться в Испании на более долгий срок, чем в других странах.

Список литературы

Испания в новой национальной и международной реальности (2020) Под ред. Яковлева П.П., Куракиной-Дамир А.А. ИЛА РАН, Москва, Россия. 225 с.

Верников В.Л. (2021) Политический перформанс Пабло Иглесиаса, *Аналитические записки Института Европы РАН*, № 12. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2021/an242.pdf> (дата обращения: 08.07.2021)

Клупт М.А. (2014) Парадигмы и оппозиции современной демографии, *Демографическое обозрение*, т. 1, № 1. С. 34–56.

Яковлев П.П. (2020) Эффект COVID-19: Испания перед вызовами корона-кризиса, *Перспективы*, 28.05.2020. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/effekt_covid-19_ispanija_pered_vyzovami_koronakrizisa_2020-05-28.htm (дата обращения: 08.07.2021)

References

(2021) Ageing Europe, looking at the lives of older people in the EU. 2020. Luxembourg, Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Ageing_Europe_-_looking_at_the_lives_of_older_people_in_the_EU (accessed: 08.07.2021)

- Balbo N., Kashnitsky I., Melegaro A., Meslé F., Mills M.C., de Valk H., Vono de Vilhena D. (2020) Demography and the Coronavirus Pandemic, Population Europe's Policy Brief, No 25, May 2020. URL: <https://population-europe.eu/policy-brief/demography-and-coronavirus-pandemic> (accessed: 08.07.2021)
- Cabré A., Domingo A., Menacho T. (2002) Demografía y crecimiento de la población española durante el siglo XX, *Mediterráneo Económico*, N 1, p. 121-138. URL: <https://www.publicacionescajamar.es/publicaciones-periodicas/mediterraneo-economico/mediterraneo-economico-1-procesos-migratorios-economia-y-personas/344> (accessed: 08.07.2021)
- Ermólieva E.G. (2018) Tiempos nublados para la juventud ibérica en el mundo global, *Iberoamérica*, No. 2, pp. 98–123.
- (2019) Estrategia Nacional frente al Reto demográfico. 29.03.2019. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/consejodeministros/Paginas/enlaces/290319-enlace-reto.aspx> (accessed: 08.07.2021)
- Eurofound (2021). Living, working and COVID-19): Mental health and trust decline across EU as pandemic enters another year. <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2021/living-working-and-covid-19-update-april-2021-mental-health-and-trust-decline-across-eu-as-pandemic> (accessed: 08.07.2021)
- Eurostat (2021) Eurostat News Release, Euro area unemployment at 7.9%, 74/2021, 01.07.2021. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/11563151/3-01072021-AP-EN.pdf/a99763ae-8bcf-33cb-0be8-adb9943cb9ca?t=1625127399537> (accessed: 08.07.2021)
- INE (2021a) *Notas de prensa*, Cifras de Población a 1 de enero de 2021. Estadística de Migraciones. Año 2020. 23.06.2021. https://ine.es/prensa/cp_e2021_p.pdf (accessed: 08.07.2021)
- INE (2019) *Notas de Prensa*, Encuesta de Fecundidad. Año 2018. Datos definitivos, 09.04.2019, Madrid, 11 p. URL: <https://ine.es/> (accessed: 08.07.2021)
- INE (2021b) *Notas de prensa*, Movimiento Natural de la Población. Indicadores Demográficos Básicos. Año 2020. 17.06.2021. https://ine.es/prensa/mnp_2020_p.pdf (accessed: 08.07.2021)
- Informe Evolución de la Familia en España 2019* (2019) Madrid, Instituto de política familiar, 109 p. URL: <http://www.ipfe.org/Espa%C3%B1a/Documentos/IPF> (accessed: 08.07.2021)
- Ispaniya v novoj nacionalnoy i mezhdunarodnoy realnosti* (2020) (Eds. Yakovlev P.P., Kurakina-Damir A.A.) [Spain in the new national and international reality], Moscow, ILA RAN. (in Russ.).
- Gómez Fayrén J. (2010) Cambios de las variables demográficas en la población española a inicios del s. XXI, *Papeles de Geografía*, No 51–52, p. 147–158.
- Klupt M.A. (2014) Paradigmy i opozicii sovremennoj demografii [Paradigms and Oppositions of Modern Demography], *Demograficheskoe obozrenie*, Vol. 1, No. 1, pp. 34–56. (in Russ.).
- Luppi F., Arpino B., Rosina A. (2020) The impact of COVID-19 on fertility plans in Italy, Germany, France, Spain and UK. May 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/341596511_The_impact_of_COVID-19_on_fertility_plans_in_Italy_Germany_France_Spain_and_UK Authors: (accessed: 08.07.2021)
- Mari-Klose P., Moreno Fuentes F.J., del Pino-Matute E. (2014) The Spanish social model in the crisis years, Policy Network. London, 12.06.2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/278035963_The_Spanish_social_model_in_the_crisis_years (accessed: 08.07.2021)
- Mosakova E.A. (2019) Transición demográfica en España en los siglos XX-XXI: transformación de la institución de familia y matrimonio, *Iberoamérica*, No. 1, pp. 149–169.
- Navarro López V., ed. (2004) *El Estado de Bienestar en España*, Barcelona, Tecnos/Universitat Pompeu Fabra, 416 p.
- OECD (2019) *Pensions at a glance, 2019*. Country profiles – Spain, 4 p. URL: <https://www.oecd.org/els/public-pensions/PAG2019-country-profile-Spain.pdf> (accessed: 08.07.2021)
- (2021) Plan de recuperación. 130 medidas frente al reto demográfico https://www.miteco.gob.es/es/reto-demografico/temas/plan_recuperacion_130_medidas_tcm30-524369.pdf (accessed: 08.07.2021)
- (2019) Real Decreto-ley 6/2019, de 1 de marzo, de medidas urgentes para garantía de la igualdad de trato y de oportunidades entre mujeres y hombres en el empleo y la ocupación, *BOE*, núm. 57, 07.03.2019, 21692-21717 p. URL: <https://www.boe.es/eli/es/rdl/2019/03/01/6> (accessed: 08.07.2021)

Velasco R. (2019) *Las fisuras del bienestar en España*, Madrid: Los libros de la Catarata, 285 p.

Vernikov V.L. (2021) Politicheskij performans Pablo Iglesiasa [The Political Performance of Pablo Iglesias], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, No 12. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2021/an242.pdf> (accessed: 08.07.2021) (in Russ.).

Yakovlev P.P. (2020) Effekt COVID-19: Ispaniya pered vyzovami korona-krizisa [COVID-19 Effect: Spain facing the corona-crisis challenges], *Perspektivy*, 28.05.2020. URL: www.perspektivy.info/oykumena/europe/effekt_covid-19_ispanija_pered_vyzovami_koronakrizisa_2020-05-28.htm (accessed: 08.07.2021) (in Russ.).

Zaragoza G. (2014) *Cronica del bienestar en tiempos de malestar*, Valencia, Universidad de Valencia, 140 p.

Spain in a Multidimensional Crisis: a Social Projection of Demographic Trends

Received 26.08.2020

Authors: Ermolieva E., Candidate of Science (Economics), Leading Researcher, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILA RAS). **Address:** 21/16, Bolshaya Ordynka st., Moscow, Russia, 115035. **E-mail:** ermolieva@gmail.com

Kudeyarova N., Candidate of Science (History), Leading Researcher, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILA RAS). **Address:** 21/16, Bolshaya Ordynka st., Moscow, Russia, 115035. **E-mail:** n.kudeyarova@yandex.ru

Abstract. The socio-economic situation in modern Spain is complex in many aspects, which makes it possible to characterize the current state of affairs as a multidimensional crisis. The Spanish case shows the interconnection of demographic processes with structurally complicated social phenomena. An overview of the demographic decline and birth rate drop are examined, as well as the plight of young Spaniards as a result of the COVID-19 coronavirus pandemic is given. The article also explores the problems of elder generation going through difficult times. On the basis of statistical data, the authors analyze the medium-term prospects in the dynamics of population panorama, examine the impact of the migration factor, and show how the changing age structure and its attendant consequences pose an ever-wider range of issues for society, concerning both the younger generation and other age groups. From the perspective of demographic transformations, the article observes the situation in the pension sector, in light of the fact that Spain is one of the rapidly aging countries. The methodological approach used by the authors for a comprehensive analysis of demographic and socio-economic problems makes it possible to identify a range of interrelationships between the most important pillars of the Spanish social model.

Key words: Spain, demographics, migration, youth unemployment, pension system, welfare state.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021129139>

ПАРТИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

УДК 329.05

Наталья ВЕЛИКАЯ

Роман ТАТАРОВ

**НЕИЗМЕННЫЕ СОЮЗНИКИ
И НЕПОСТОЯННЫЕ ИНТЕРЕСЫ: «МАЯТНИК»
НОВОГО ПОПУЛИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА**

Статья поступила в редакцию 21.01.2021

Аннотация. В статье рассматриваются основные популистские политические партии Республики Молдова на современном этапе, выявляются причины их появления и социально-политические факторы, определившие содержание популистского дискурса в постсоветский период. Феномен нового популизма в Молдавии проистекает, во-первых, из высокой вовлеченности в ее внутривнутриполитическую жизнь внешних игроков, которые связывают себя партнерскими отношениями с молдавскими политическими силами, выступая их неизменными союзниками. Во-вторых, для политических сил Республики Молдова свойственно непостоянство интересов, которые под влиянием внешних сил способны трансформироваться, порой кардинально. Оценивая популистскую риторику и популистские технологии как главный ресурс политических акторов в условиях неопределенности, авторы рассматривают партии правой и левой части политического спектра. Показано, что доминирующими в популистском дискурсе в современной Молдавии стали следующие темы: противопоставление европейской модели интеграции альтернативному ей движению на более тесное сотрудничество с Россией, традиционная для экономической сферы оппозиция левого толка либеральным конструктам, проблема коррупции. Делается вывод о возможном расширении популистской риторики в ближайшие годы и закреплении ряда популистских партий в политической системе.

Ключевые слова: популизм, политические партии, правый и левый популизм, Приднестровье, блок Uniea, коррупция, евро-атлантические институты.

© **Великая Наталья Михайловна** – д.полит.н., профессор, заместитель директора, Институт социально-политических исследований (ИСПИ) ФНИЦС РАН, декан социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). **Адрес:** 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; ИСПИ ФНИЦС РАН. **E-mail:** natalivelikaya@gmail.com

© **Татаров Роман Александрович** – соискатель, Институт социально-политических исследований (ИСПИ) ФНИЦС РАН, преподаватель, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. **Адрес:** 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128. **E-mail:** tatarov-roman.93@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021140150>

Введение

Возрождение интереса к исследованиям популистских партий и движений в современной политической науке было обусловлено как кризисом традиционных институтов в старых демократиях, так и появлением новых акторов, с трудом поддающихся типологизации, – в государствах, находящихся в состоянии транзита. Не является исключением в этом смысле и Республика Молдова, где политический процесс находится в состоянии непрекращающихся трансформаций, темпы движения и направления которых определяются как внешними, так и внутренними факторами.

Несмотря на определенную концептуализацию понятия «популизм» в последние десятилетия, предпринятую в первую очередь Э. Лаклау и Ш. Муфф [Laclau, 2005; Mouffe, 2018], однозначного мнения о природе и функциях популистских партий в академическом дискурсе не существует. Однако спектр работ, посвященных изучению популистских движений в отдельно взятых странах, довольно широк и позволяет выделить целый ряд его общих черт, проявляющихся в рамках и правого, и левого популизма [Van Elsas, 2016].

Целью настоящей статьи является выявление популистских партий и технологий их продвижения в политическом пространстве Республики Молдовы. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем популизм как специфический дискурс [Jagers, Stefaan, 2007], который отражает разрыв между политическим классом и народом как фундаментальную проблему общества [Aslanidis, 2016]. Эмпирической базой для статьи стал анализ дискурсивной стратегии в рамках избирательных кампаний наиболее значимых акторов: политических партий и кандидатов в президенты.

Многие существенные элементы популизма присутствуют в общественном мнении Молдавии и принимаются относительно многочисленными социальными группами. Это проявляется в затянувшемся кризисе идентичности молдавского общества, в воспроизводстве целого ряда исторических и социальных мифов, в негативистском отношении граждан к политическим институтам и к политической элите.

При этом выделить популистские партии на традиционном лево-правом континууме довольно сложно, учитывая подвижность различных сегментов политического пространства, а также мультипартийность политической системы Республики Молдовы. Как справедливо заметил Марко Д'Эрамо, смещение условного центра политического спектра вызывает сдвиги и на его флангах, что затрудняет идентификацию тех или иных популистских объединений в парадигме лево-правых идеологических конструкций [Д'Эрамо, 2013].

Историко-социологические основания появления популистских партий в Республике Молдова

Идеологическая палитра молдавского политического пространства начала складываться с момента образования независимого государства – Республики Молдова.

Конец 1980-х гг. в СССР характеризуется усилением дезинтеграционных процессов, связанных с ростом популярности националистических настроений в союз-

ных республиках, призывающих к выходу из единого государства. Подпитываемые идеями суверенизации и необходимости «восстановления исторической справедливости» националистические организации, видевшие молдавскую землю исконно румынской территорией, стали источником и социальной базой появления после 27 августа 1991 г. особых форм популизма, связанных с попытками разрешения болезненного для молдавской политической элиты вопроса обретения легитимности для решения внешнеполитических задач.

Процесс обретения суверенитета и независимости Республики Молдова сопровождался противостоянием сторонников и противников нового курса. Принятие в 1989–1990 гг. резонансного закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», «Декларации о суверенитете ССРМ», а также «Заключения комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.», по сути, выводили за рамки молдавского государства территорию Приднестровья, которая в 1990 г. провозгласила независимость.

Свертывание проекта интеграции Молдавии с Румынией в начале 1990-х гг. не означает отказа от него, поскольку в каждом электоральном цикле активно проявляются силы, которые выступают за «Унирею» (Unirea) – объединение с Румынией, обещают процветание Молдовы как территории Евросоюза, а также решение вопросов безопасности, вовлекая страну в евро-атлантические институты.

Суверенизация Республики Молдова обнажила проблему ее ресурсообеспеченности, что поставило государство в зависимость от внешних ассигнований, которые молдавские политические силы с переменным успехом ищут то на западе, то на востоке. Ресурсная база молдавского государства скудеет также из-за коррупции, что признается в качестве проблемы большей частью политических сил Молдавии.

Антикоррупционная составляющая остается частью программ Партии «Платформа DA», Партии «Действие и солидарность» (PAS), Либерально-демократической партии, Партии коммунистов (ПКРМ), партии «Гражданский конгресс». Борьба с коррупцией уже стала неизменным пунктом предвыборной кампании политических сил вне зависимости от их идеологической принадлежности. Не теряющий актуальности призыв бороться с коррупцией, по сути, стал «переходящим знаменем» в среде оппозиции. Заметим, что проблема коррупции в переходных демократиях зачастую носит системный характер, а ее истоки лежат в непотизме, в слабых институтах парламентского контроля, в неэффективности судебной системы. Татьяна Гирко отмечает: «Лидеры, атакующие “кумовской капитализм”, устанавливают вместо него новые формы коррумпируемых систем»¹.

Таким образом, стратегические ориентиры молдавской политики, с одной стороны, призваны удовлетворить запрос электората после очередного избирательного цикла, а с другой – обеспечить преемственность и устойчивость политической системы.

¹ Гирко Т. «Популизм и коррупция – одного поля ягоды?». 30.01.2017. Наша газета. URL: <http://nashagazeta.ch/news/politique/populizm-i-korruptsiya-odnogo-polya-yagody> (дата обращения: 15.01.2021)

Доминирующие темы политического дискурса в Республике Молдова

В зависимости от смысловой доминанты политического дискурса молдавские политические силы условно можно разделить на несколько групп.

Первую представляют политические силы, ориентирующиеся на интеграцию Молдавии с евроатлантическими институтами. В риторике официальных лиц и программных документах политических партий евроатлантической направленности неоднократно звучат призывы к необходимости вовлечения в институты Европейского союза и НАТО. В палитре политических сил Молдавии, выступающих за евроатлантический вектор внешней политики, особо стоит отметить PAS¹, а также внепарламентские, но достаточно активные политические силы: Платформу DA², Демократическую партию³, Либерально-демократическую партию⁴, Pro Moldova⁵, Европейскую народную партию⁶.

В идеологической платформе евро-ориентированных политических партий лежит курс на европейскую интеграцию, призванную создать условия для «реинтеграции Приднестровья», а также обеспечить устойчивый социально-экономический курс молдавского государства. Стоит признать, что европейские институты формируют разветвленную сеть грантовых проектов по развитию торгово-экономического сектора Молдавии, по развитию гражданского общества, модернизации системы государственного управления, восстановлению объектов культурного наследия и др.

Однако вопрос о готовности вступления страны в евро-атлантические структуры и желания Евросоюза видеть в своем составе нового члена остается открытым, да и опыт правления проевропейской коалиции в Молдавии показывает, что между декларацией приоритетов и практическими шагами их достижения – большая дистанция.

Вторая группа – это националистические политические силы, унионистского толка, ориентирующиеся на объединение с Румынией – блок Unirea, Партия нацио-

¹ Программа политической партии «Действие и солидарность». Утверждена на учредительном съезде 15 мая 2016 г. E-democracy. URL: <http://www.e-democracy.md/files/parties/pas-program-2016-ru.pdf> (дата обращения: 04.11.2020)

² Programul Partidul Politic “Platforma Demnitate și Adevăr”. Adoptat la Congresul II Extraordinar din 5 februarie 2017. E-democracy. URL: <http://www.e-democracy.md/files/parties/pppdaprogram-2017-ro.pdf> (дата обращения: 04.11.2020)

³ Программные цели демократической партии Молдовы. Принято 16 июня 2012 г. E-democracy. URL: <http://www.e-democracy.md/files/parties/pdm-program-2012-ru.pdf> (дата обращения: 04.11.2020)

⁴ Programul Partidul Liberal Democrat din Moldova. Adoptat la Congresul V din 11 decembrie 2011. E-democracy. URL: <http://www.e-democracy.md/files/parties/pldmprogram-2011-ro.pdf> (дата обращения: 04.11.2020)

⁵ Manifest PRO MOLDOVA. Adoptat la 6 octombrie 2020. E-democracy. - URL: <https://promoldova.eu/manifest> (дата обращения: 04.11.2020)

⁶ Statutul Partidului Popular European din Moldova. Adoptat la Congresul de Constituire din 26 iulie 2015. E-democracy. URL: <http://www.e-democracy.md/files/parties/ppem-statute-2015-ro.pdf> (дата обращения: 04.11.2020)

нального единства¹ и Национал-либеральная партия Молдавии². При этом румынские политические проекты направлены на ползучую интеграцию части регионов Молдавии, Украины, Приднестровья в свой состав, поскольку там проживают соотечественники. Политические силы унионистского толка, где много представителей крайне радикальных взглядов, пользуются поддержкой Бухареста, который вполне допускает в перспективе включение новых территорий в свой состав. Это является общеевропейской особенностью современного популизма, способного вовлекать в свои ряды сторонников радикальных взглядов как правого, так и левого толка [Швейцер, 2018: 44].

В третью группу входят политические силы, которые выступают за тесное сотрудничество Молдавии с Россией, не отказываясь при этом от партнерства с ЕС. Таковой себя позиционирует Партия социалистов (ПСРМ), которую возглавляет бывший президент Игорь Додон. Усиление политического веса Партии социалистов началось еще в 2014 г., когда на очередных парламентских выборах она получила большинство голосов. Додон, выстроивший президентскую предвыборную кампанию 2016 г. на основе тезисов о сбалансированной внешней политике страны, о правовом обеспечении функционирования русского языка, о «реинтеграции Приднестровья», возвращался к ней снова – уже в период президентской избирательной кампании 2020 г.

Решение включить представителей Приднестровья в молдавский парламент³ без всестороннего урегулирования отношений между сторонами позволяет предположить, что президент ориентировался в большей степени на внешние силы, которые и поддерживали действия молдавского руководства.

Мозаичность политического спектра современной Молдавии предполагает необходимость заключения коалиций и объединений. Однако попытки создания коалиционных соглашений между политическими силами разной направленности не всегда приводят к долговременному сотрудничеству. Примечательными в этом контексте являются события июня 2019 г., когда под лозунгом борьбы с олигархатом (В. Плахотнюк и Демократическая партия) образовалась коалиция партии социалистов и блока ACUM⁴. Характерно, что процесс подписания коалиционного соглашения проходил после консультаций с прибывшими в молдавский парламент послов США и России. Эта коалиция распалась спустя шесть месяцев в ноябре 2019 г., так и не достигнув существенных результатов. Чуть позже социалисты заявили о готовности подписать коалиционное соглашение уже с Демократической

¹ Programul Partidului Politic “Dreapta”. Adoptat la Congresul de Constituire din 14 februarie 2016. E-democracy. URL: <http://www.e-democracy.md/files/parties/dreapta-program-2016-ro.pdf> (дата обращения: 05.11.2020)

² Statutul Partidului Național Liberal. Adoptat la Congresul III din 3 decembrie 2011. E-democracy. URL: <http://www.e-democracy.md/files/parties/pnl-statute-2011-ro.pdf> (дата обращения: 05.11.2020)

³ Додон призвал представителей Приднестровья в парламенте Молдавии быть активнее. 26.12.2019. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7431959> (дата обращения: 09.02.2021)

⁴ ACUM – коалиция правых проевропейских партий – PAS и Платформы DA, созданная с целью совместного участия в парламентских выборах в 2019 г.

партией, на борьбу с которой в июне 2019 г. были мобилизованы большие ресурсы. Это подтверждает тезис об игнорировании идеологических расхождений в угоду практическим целям.

Высокий уровень трудовой миграции из Молдавии ведет к тому, что электоральные предложения политических партий направлены на внешнее окружение. Молдавскую политическую реальность характеризует острая конкуренция между европейскими и евразийскими интеграционными объединениями. В свою очередь, руководство Молдавии стремится всячески сохранить имеющиеся преференции как на Западе, так и на Востоке, откладывая принятие окончательного решения по этому вопросу.

Не случайно тема внешнеполитических ориентиров актуализируется в ходе предвыборных кампаний. Во многом обеспечившая победу Майи Санду на президентских выборах в 2020 г. европейская диаспора стала той силой, за голоса которой идет ожесточенная борьба внутри Молдавии, равно как и за голоса диаспоры из России, которая, вопреки прогнозам, отдала свое предпочтение Ренато Усатому¹.

Таким образом, ориентация на внешних игроков остается одним из приоритетов государственной политики, что позволяет говорить о «популизме власти», которая подает себя как безальтернативную, представляющую интересы всей (или подавляющего большинства) нации. Именно в этом контексте разыгрывается карта единственного защитника от внешних и внутренних врагов. Такого рода популизм ограничивается деятельностью других политических сил, также эксплуатирующих популистскую тематику, что хорошо заметно на примере Партии национального единства и Европейской народной партии.

При этом немажоритарные партии становятся популистскими в чистом виде, не имея возможности рассчитывать на электоральный успех и присутствие в законодательных органах страны.

Правые и левые популисты в политическом поле Молдавии

В политической науке существует ряд подходов к пониманию природы правового популизма. Функе определяет его как синтез правой политической ориентации с «народнической» агитацией [Функе, 2004: 75]. Популизм правой направленности (PAS, Платформа DA, Pro Moldova, Либерально-демократическая партия, Либеральная партия, Партия национального единства) характеризуется доминированием особого стиля политического поведения, направленного на привлечение в свои ряды представителей протестного электората и избирателей, пассивно относящихся к текущему курсу Молдавии. В качестве альтернативы эти политические силы предлагают решать стоящие перед государством проблемы путем реформирования молдавского законодательства в соответствии с нормами ЕС с последующей интеграцией в объединение.

¹ Диаспора в России отдала больше голосов Усатому, чем Додону. 6.11.2020. Point.md. URL: <https://point.md/ru/novosti/politika/diaspora-v-rossii-otdala-bol-she-golosov-usatomu-chem-dodonu> (дата обращения: 09.02.2021)

Крупнейшей партией правого толка в Молдове является PAS, которая по результатам досрочных парламентских выборов 11 июля 2021 г. набрала 52,80% голосов¹. Остальные партии правого толка не преодолели проходной барьер.

Неизменная союзническая поддержка проевропейских политических сил со стороны европейских институтов говорит о системном подходе ЕС по вовлечению в сферу влияния новых членов. В качестве основных союзников в Европе проевропейские партии Молдавии рассматривают немецкий Христианско-демократический союз, Европейскую народную партию, румынскую Национальную либеральную партию.

В риторике официальных лиц правых популистских политических партий заметно не только противопоставление элиты народу, но и разделение внутреннего и внешнего окружения на своих и чужих. Настаивая на полной интеграции Молдавии с ЕС, правые политические силы предлагают наделить правом политического участия румынизированных молдаван.

В этом состоит кардинальное отличие популизма правого толка от левого, который рассматривается в современной науке как отражение стратегии включения «подавленных» слоев населения в «квазигосударственную, напрямую подконтрольную лидеру и клиентельную систему» [Priester, 2012: 3].

Популисты левой направленности (ПСРМ, Наша партия, ШОР, ПКРМ, Гражданский конгресс), базируясь на левых ценностях социальной справедливости, народовластия, солидарности², строят свои электоральные программы на острой критике экономического блока правительства, что во многом ведет к делегитимизации власти, особенно после очередных выборов, когда разочарование от несбывшихся надежд охватывает молдавское общество. При этом в политической практике представители левого блока не отказываются от сотрудничества с правыми силами, если это не идет в ущерб собственным интересам. По своим внешнеполитическим устремлениям левые партии, среди которых ПСРМ является наиболее крупной, ориентированы как на восточный, так и на западный векторы развития. Такого рода политика сидения на двух стульях является уже устоявшимся трендом молдавской политической жизни в левой части политического спектра. Мы далеки от того, чтобы причислять ПСРМ к популистским организациям, однако некоторые элементы популизма, несомненно, присутствуют и в ее программных документах, и в риторике политических лидеров.

Для левых политических партий свойственны постоянные апелляции к русскоязычному населению Молдавии: в 2016 г., когда были обещаны союзнические отношения с Россией и особый статус русскому языку, а позже в 2020–2021 гг. – обращение к тем же тезисам и похожей риторике. В структуре левого популизма в

¹ Досрочные парламентские выборы в Молдове – 2021: прямая трансляция. 12.07.2021. Sputnik.md. URL: https://ru.sputnik.md/vybory_parlament_2021/20210709/35429926/vybory-parlament-moldova-2021-online-translyatsiya.html (дата обращения: 12.07.2021)

² Программа Партии социалистов Республики Молдова. Утверждена на XII внеочередном съезде 28 сентября 2014 г. E-democracy. URL: <http://www.e-democracy.md/files/parties/psrm-program-2014-ru.pdf> (дата обращения: 09.01.2021)

Республике Молдове можно выделить и т.н. протестный сегмент (Гражданский конгресс, Наша партия), который оппонирует и части правых, и части левых сил.

Результат левых популистских партий (блок ПСРМ–ПКРМ) на выборах в 2021 г. составил 27,17%. Политическая сила, идеология которой содержит в себе элементы левого популизма, – партия ШОР на парламентских выборах в 2021 г. набрала 5,74% голосов.

Политическая партия ШОР особенно выделяется из всего разнообразия имеющихся форм молдавского популизма. Левая программа этой политической силы контрастирует с фигурой ее лидера – Иланом Шором, олигархом, который был объявлен в международный розыск по делу о преступлениях в банковской сфере¹, когда около миллиарда долларов были выведены за пределы государства. Для партии ШОР характерно сотрудничество с европейскими правыми популистами, например, с Австрийской партией свободы.

И правый, и левый популизм в Молдавии включает в свою повестку проблемы регионализма. Административно-территориальная политика Молдавии основана на унитаризме и любые региональные преференции, даже потенциальные, трактуются молдавскими политическими силами как шаг на пути к регионализации и даже федерализации, что воспринимается в качестве угрозы молдавской государственности.

Для молдавской партийно-политической системы характерно отсутствие состоявшихся региональных политических партий. Существовавшие в Гагаузии в 1990-е гг. политические силы трансформировались в региональные движения – Единая Гагаузия и Новая Гагаузия, а с 2018 – Народно-патриотический союз «Девлет», выступающие за сохранение Гагаузии как административно-территориальной единицы [Боцан, 2018: 43]. Характерной особенностью молдавских правых и левых политических сил является чрезвычайная сдержанность в вопросах предоставления дополнительных полномочий административно-территориальным единицам первого порядка, при декларировании своей готовности вести диалог со всеми политическими силами страны.

Таким образом, сущностные основы нового популизма молдавских политических сил сочетают в себе разнородные элементы, образующие псевдо-идеологические конструкты, которые трудно идентифицировать по традиционной право-левой шкале. Масштабы использования механизмов популизма также варьируются: если ПСРМ и PAS прибегают к популистским лозунгам главным образом в предвыборные периоды, то Наша партия, Партия ШОР, Демократическая партия, Платформа DA, Либеральная партия и весь унионистский блок используют популизм как средство, способное обеспечить их политическое долгожительство. Общей для молдавских политических сил является высокая способность сочетаться с другими идеологиями правого и левого толка.

¹ МВД Молдовы: Илан Шор объявлен в международный розыск. 30.07.2019. Sputnik.md. URL: <https://ru.sputnik.md/society/20190730/27060812/MVD-Moldovy-Ilan-Shor-obyavlen-v-mezhdunarodnyu-rozysk.html> (дата обращения: 09.02.2021)

Перспективы нового популизма правой направленности в период президентства Майи Санду

Вместе с тем в современной Молдавии имеется запрос электората на политическую силу центристского толка, которая будет учитывать интересы всех групп населения и реализовывать сбалансированную внутреннюю и внешнюю политику.

Отчасти это предопределило приход к власти в 2020 г. Майи Санду, которая активно выступала с предложением о роспуске парламента. Победа Санду во втором туре во многом стала возможной благодаря коалиции с Р. Усатым, которого ранее она публично называла «бандитом» [Кандель, 2020: 60]. Голосование за Санду было по большей части протестным, вызванным заметным падением рейтинга Додона в последние годы его президентства.

В условиях, когда абсолютное большинство в парламенте составляет PAS, можно предположить, что в будущем во внутренней политике Молдавии, вероятно, будут превалировать вопросы, связанные с необходимостью реформирования не только правоохранительных органов и судебной ветви власти, но и политической системы в целом. Также очевидно, что приоритетом будет борьба с коррупцией.

Экономические проблемы, вопросы обеспечения благосостояния граждан также останутся важнейшим направлением государственной политики. В случае реализации программы действующего президента могут создаваться предпосылки для улучшения положения граждан Молдавии, однако следует принять во внимание, что долгосрочная стратегия по этому вопросу чрезвычайно зависима от внешних источников. Поэтому переменный успех правых будет, с одной стороны, сопровождаться новыми обещаниями улучшения условий жизни граждан Молдавии, а с другой, вероятно, будет нарастать критика со стороны левых сил, и затрагивать она будет в основном российско-молдавские отношения и процесс урегулирования отношений на Днестре.

В области внешней политики, вероятно, будут наблюдаться шаги по более тесной интеграции с институтами ЕС и НАТО, а также по более тесному сотрудничеству с Румынией. При этом российский вектор будет оставаться в числе важных в силу ранее достигнутых договоренностей, включая вопросы урегулирования молдавско-приднестровских отношений.

Качественный контент-анализ показывает, что частотность употребления в риторике Санду приднестровской тематики достаточно высока. Вероятно, на решение данного вопроса будет направлена большая часть ресурсов молдавского внешнеполитического потенциала. При этом поддержку Санду будет искать на Украине, в Евросоюзе, США и НАТО, выступающих за вывод российских миротворцев из Приднестровья. Практические шаги в политике Санду будут значительно отличаться от ее предвыборных обещаний, поскольку заявления о необходимости исключения Приднестровья из диалога вряд ли будут поддержаны как Европейским союзом, так и США, выступающими наблюдателями в международно-признанном формате переговоров 5+2 (Россия, Украина, ОБСЕ, ЕС, США, а также Приднестровье и Республика Молдова).

При этом важнейшей дискурсивной стратегией Санду должно быть противопоставление популистским заявлениям оппонентов и позиционирование себя как по-

литика умеренного толка, ориентированного на выражение интересов подавляющего большинства молдавского общества.

Выводы

Сущностные основы молдавской модели популизма характеризуются апелляцией к широким слоям населения, использованием в риторике позитивных образов европейской либо евразийской интеграции.

Учитывая имеющийся баланс между проевропейскими настроениями и пророссийскими, политическая ситуация будет выводить на поверхность новые политические силы, которые также будут использовать популистские лозунги в своей деятельности. При этом внешнеполитическая тематика продолжительное время будет выступать стержнем предвыборных кампаний кандидатов и политических партий.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о преобладании в политическом поле Молдавии т.н. электорального популизма, когда партии, участвующие в выборах, не скупаются на обещания, озвучивая преимущественно те тезисы, которые хочет слышать избиратель. Тактическая и идеологическая гибкость дополняется в этом случае выстраиванием партийных и избирательных структур на базе протестных движений.

Новый популизм в Молдавии можно квалифицировать как стратегию, консолидирующую различные социальные и этнические группы, способную встраиваться в разные идеологические конструкты. Модель нового популизма в Республике Молдова охватывает широкий спектр системных и несистемных политических сил, приобретающих политический капитал на острой критике действующей власти, констатации ее нелегитимного характера.

Особенности партийно-политического спектра и специфика политического процесса в Молдавии позволяют выдвинуть предположение о долгосрочном характере функционирования различных популистских партийных проектов, которые хорошо адаптируются к меняющимся условиям и демонстрируют приверженность ценностям то правого, то левого толка. Такая электоральная стратегия присуща как системным парламентским партиям, так и политическим организациям, не входящим в национальный парламент.

«Маятник» нового популизма из раза в раз качается то в правую, то в левую сторону. Неизменными остаются те внешние силы, которые определяют амплитуду и скорость его движения, заставляя политические партии мимикрировать под систему меняющихся интересов, включать в свои политические программы взаимоисключающие положения.

Список литературы

Боцан И. (2018) Региональные партии и их эволюция в Республике Молдова. Пилигрим-демо. Комрат. – 61 с.

Кандель П. (2020) Президентские выборы в Молдове и парламентские – в Румынии. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 6. С. 59–65. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620205965>

Функе Х., Ренсманн Л. (2004) Новый правый популизм в Европе: сравнительный анализ политических партий и движений. *Актуальные проблемы Европы*. № 2. С. 74–98.

Швейцер В.Я. (2018) Партия и движения политической альтернативы современной Европы. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 3. С. 43–47.

References

Aslanidis P. (2016) Is populism an ideology? A refutation and a new perspective *Political Studies*. No 64 (1S), pp. 88–104. DOI: 10.1111/1467-9248.12224

Boczan I. (2018) Regionalnuje partii i ih evolucija v Respublike Moldova. [Regional parties and their evolution in Republic Moldova]. "Pilgrim-Demo". Komrat.

D'Eramo M. (2013) "Populism and the new oligarchy". *New Left Review*. No 82. July-August. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii82/articles/marco-d-eramo-populism-and-the-new-oligarchy> (accessed 15.01.2021)

Funke Kh., Rensmann L. (2004) Novyi pravyy populizm v Evrope: sravnitel'nyy analiz politicheskikh partii i dvizhenii. [New Right-wing Populism in Europe: A Comparative Analysis of Political Parties and Movements]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No 2, pp. 74–98. (in Russ.).

Jagers J. and Stefaan W. (2007) "Populism as political communication style: an empirical study of political parties' discourse in Belgium". *European Journal of Political Research*. No 46 (3), pp. 319–345. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00690.x

Kandel P. (2020) Presidentskiye vybory v Moldove I parlamentskiye v Rumunii. [Presidential election in Moldova and parliament election in Romania]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, No 6, pp. 59–65. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620205965> (in Russ.).

Laclau E. (2005) *On Populist Reason*. Verso. London.

Mouffe C. (2018) *For a Left Populism*. Verso. London.

Priester K. (2012) „Wesensmerkmale des Populismus“. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. No. 5–6, pp. 3–9.

Shvejcer V.Ya. (2018) Partiya i dvizheniya politicheskoy al'ternativy sovremennoj Evropy. [Party and Movements of the Political Alternative of Modern Europe]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, No 3, pp. 43–47. (in Russ.).

Van Elsas E.J., A. Hakhverdian & W. van der Brug (2016) United against a common foe? The nature and origins of Euroscepticism among left-wing and right-wing citizens. *West European Politics*. Vol. 39. No 6, pp. 1181–1204. DOI: 10.1080/01402382.2016.1175244

Eternal Allies and Non-Permanent Interests: Pendulum of New Populism in Republic of Moldova

Received 21.01.2021

Authors: Velikaya N., Doctor of Science (Politics), Professor, Deputy Director, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Dean of Sociology Faculty, Russian State University for the Humanities. **Address:** Foteieva str., 6, bld. 1, Moscow, Russia, 119333. **E-mail:** natalivelikaya@gmail.com ORCID iD: 0000-0001-5532-844X

Tatarov R., Postgraduate Student, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Lecturer, Pridnestrovian State University. **Address:** st. October 25, 128, Tiraspol, Pridnestrovie, 3300. **E-mail:** tatarov-roman.93@mail.ru ORCID iD: 0000-0003-2315-5008

Abstract. The article outlines the main populist political parties of the Republic of Moldova, the main reasons for their appearance and socio-political factors that determined the content of the populist discourse in the post-Soviet period. Firstly, the phenomenon of new populism in Moldova arises from the high involvement of external players in its internal political life, who often associate themselves with the Moldovan political forces, acting as their constant allies. Secondly, the political forces of Moldova are characterized by impermanence of interests, which under the influence of external forces are able to transform, sometimes taking cardinal forms. Considering populist rhetoric and technologies as the main resource of political actors in conditions of uncertainty, the authors assess parties on both the right and left sides of the political spectrum. It is highlighted that the dominant themes of populist discourse in modern Moldova are the following: the opposition of the European integration model to the alternative movement for closer cooperation with Russia, the traditional left-wing opposition to liberal constructs in the economic sphere, and the problem of corruption. It is concluded that populist rhetoric may expand in the coming years and that a number of populist parties will consolidate on both the left and right flanks of the political spectrum. Populist rhetoric is presented in one way or another in almost all political parties, but the real populist forces will not enter the political establishment and will remain non-majoritarian.

Key words: populism, political parties, right and left populism, Transnistria, Unirea, corruption, Euro-Atlantic institutions.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021140150>

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 327.7, 34161

Игорь ЩЕРБАК

СТРАТЕГИЯ КРИЗИСНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ЕВРОСОЮЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Статья поступила в редакцию 23.04.2021

Аннотация. В статье проанализирована эволюция стратегии кризисного реагирования Евросоюза в условиях вызовов глобальной и европейской безопасности. Обозначены основные направления кризисного реагирования ЕС. Особое внимание в этом контексте уделено политике Европейского союза применительно к гибридным угрозам, обеспечению кибербезопасности, использованию информационно коммуникационных технологий, а также инструментов посредничества. Рассмотрены вопросы сотрудничества ЕС с ООН в сфере миротворческих операций и практики военных миссий Евросоюза. Показаны особенности концепции комплексного подхода ЕС в сфере кризисного реагирования.

Ключевые слова: стратегия кризисного реагирования Евросоюза, информационно-коммуникационные технологии, гибридные угрозы, кибербезопасность, посредничество.

Эволюция стратегии кризисного реагирования Евросоюза проходит с учетом адаптации к новым вызовам европейской и глобальной безопасности. На современном этапе политика ЕС в этой сфере формируется под воздействием целого ряда факторов. На первый план выходит проблема увеличения географической зоны нестабильности и «несостоявшихся государств», а также гибридных угроз (инфильтрация террористических группировок в зоны конфликтов, информационные войны и т.д.). В результате динамичных процессов глобализации практически исчезли различия между внутренней безопасностью Евросоюза и обеспечением международной безопасности в приоритетных для ЕС сферах.

Параметры политики Евросоюза в сфере кризисного реагирования по-прежнему определяются модернизированной в 2016 г. Глобальной стратегией ЕС, которая продолжает сохранять свою актуальность. В соответствии с ее установками корректируется концепция кризисного реагирования. Адаптация антикризисной стратегии была продиктована стремлением не только выработать оптимальный ориентир для Евросоюза в эпоху флуктуаций и нестабильности, но и использовать ее как ин-

© **Щербак Игорь Николаевич** – к.и.н., ведущий научный сотрудник ИЕ РАН, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3. **E-mail:** inshcherbak@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021151160>

струмент для консолидации внешней и внутренней политики Союза перед лицом новых угроз и в связи с выходом из него Британии¹².

Основные направления эволюции стратегии кризисного реагирования

Современная стратегия кризисного реагирования ЕС ориентируется на следующие приоритеты:

– интегрированный подход к кризисным ситуациям на основе предотвращения конфликтов и их урегулирования;

– стабилизация властных структур «несостоявшихся государств», укрепление устойчивости государства и общества как на востоке, так и на юге и, прежде всего, в географической зоне Западных Балкан, странах к югу от Сахары и в Центральной Азии, а также на Южном Кавказе;

– принятие мер по укреплению безопасности Евросоюза с упором на противодействие терроризму, гибридным угрозам, глобальным инфекциям; укрепление энергетической безопасности и эффективная защита окружающей среды³.

Основное внимание будет уделяться противодействию гибридным угрозам и обеспечению кибербезопасности. По этому кругу вопросов Евросоюз продолжит сотрудничество с Североатлантическим альянсом. На это, в частности, указывает доклад ЕС и НАТО о реализации совместно разработанных и утвержденных предложений в сфере обороны и безопасности⁴.

К гибридным угрозам в ЕС относят асимметричные конфликты низкой интенсивности, скрытое развертывание неаффилированных вооруженных подразделений, терроризм, нелегальную миграцию, получение контроля над природными ресурсами, пиратство, финансовые, экономические и дипломатические рычаги влияния, транснациональную преступность, киберпреступность, дезинформацию, акции гражданского неповиновения, уличные беспорядки и информационные войны⁵.

Европейский союз только за последние годы принял ряд инициатив для ускоренного реагирования на гибридные угрозы, координации действий государств-членов и

¹Tocci N. Framing the EU global strategy. A stronger Europe in a fragile World, Basingstoke, United Kingdom: Palgrave Macmillan. 2017 URL: https://CLDdnprRio2sbUSsC3Nkn82C4AR3wG8UmXjOYcg6tGMzZCDsUBLiw_&Key-Pair-Ld=APKAJLOHF5GGSLRBV4ZA (дата обращения: 05.04.2021)

² Barbe E., Morillas P. The EU global strategy: the dynamics of a more politicized and politically integrated foreign policy, 08 April 2019. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09557571.2019.1588227> (дата обращения: 15.04.2021)

³ Ferreira L. Implementing the Global Strategy for the EU's Foreign and Security Policy, February 2020. URL: http://www.tepsa.eu/wp-content/uploads/2020/02/EUGS-TEPSA-Briefs_Final.pdf (дата обращения: 13.04.2021)

⁴ Progress report on the implementation of the common set of proposals endorsed by NATO and EU Councils on 6 December, 2016. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_06/20170619_170614-Joint-progress-report-EU-NATO-EN.pdf (дата обращения: 14.04.2021)

⁵ Bajarūnas E. Addressing Hybrid Threats: Priorities for the EU in 2020 and Beyond, 22 March, 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1781685820912041> (дата обращения: 14.04.2021)

противостояния вызовам на национальном уровне. Предусмотрен также анализ уязвимых мест в защите от таких угроз, их раннее обнаружение и соотношение внешних и внутренних аспектов этого явления с точки зрения последствий для безопасности.

Среди этих инициатив следует выделить выпуск операционного протокола по противодействию гибридным угрозам («Сборник ЕС» – 2016 г.)¹.

В дополнение к этому стратегические ориентиры Евросоюза по противодействию гибридным угрозам были изложены в принятых в декабре 2019 г. заключениях Европейского совета по вопросу о расширительных мерах по повышению стрессоустойчивости и противодействию гибридным угрозам (документ 14972 от 10 декабря 2019 г.). Особое внимание уделялось адаптации механизмов и инструментов Евросоюза по борьбе с гибридными угрозами к современным реалиям в условиях совершенствования новейших технологий и использования искусственного интеллекта, что одновременно создает возможности для более эффективного сдерживания гибридных угроз и осложняет работу по противодействию им².

Евросоюз разрабатывает множество концептуальных подходов по противодействию гибридным угрозам с целью усиления внутривластной стрессоустойчивости государств-членов Союза и их потенциальной способности оперативно реагировать на кризисные ситуации, созданные внешними игроками.

Роль информационно-коммуникационных технологий

Использование новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ – ICTs) для целей кризисного регулирования и восстановления в странах, пострадавших от вооруженных конфликтов и деградации государственного управления, становится одним из важных направлений стратегии ЕС по стабилизации кризисных ситуаций на периферии и минимизации последствий для государств-членов ЕС (масштабная миграция, терроризм, религиозный экстремизм). Это служит также целям усиления влияния Союза в перспективе в стратегически важных регионах.

Официальная политика Евросоюза в отношении целей ИКТ применительно к постконфликтному восстановлению привязана к «Повестке цифровых технологий для Европы». При этом одной из целей Брюсселя является продвижение своей модели управления цифровыми технологиями для выработки совместно с партнерами коллективных ответов на современные вызовы и общих подходов к блокчейну, искусственному интеллекту и высокопроизводительным вычислениям (high performance computing) в интересах глобальной безопасности и стабильности³.

¹ Fiott D. and Parkes R. Protecting Europe. The EU 's response to hybrid threats 2018. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_151.pdf (дата обращения: 18.04.2021)

² Council of the European Union Conclusions, Complementary efforts to enhance resilience and counter hybrid threats, 10 December 2019. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14972-2019-UNIT/en/pdf> (дата обращения: 10.04.2021)

³ Promoting Europe's interests and protecting European Values in the global digital transformations, European Commission 2019. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=61697 (дата обращения: 02.01.2021)

Особенностью стратегии Евросоюза в этой сфере становится создание глобальной и региональной сети цифровых платформ для диалога с партнерами в целях решения разнообразных задач – от борьбы с терроризмом, обеспечения кибербезопасности и управления интернетом до защиты прав человека и развития современной экономики, цифрового сельского хозяйства, новейших систем связи (5G) и демократии в соответствии с «европейскими ценностями». Необходимая инфраструктура цифровой сети создается путем формирования альянсов с заинтересованными странами и регионами на основе специальных соглашений о сотрудничестве или путем совместных проектов при содействии представительств Евросоюза в странах и регионах, представляющих особый интерес.

При этом курс ЕС на цифровизацию мотивирован необходимостью содействовать экономическому росту и устойчивому развитию потенциально кризисных регионов в рамках Повестки дня ООН в области устойчивого развития до 2030 г.¹

Создание современной информационно-коммуникационной инфраструктуры и цифровых платформ в различных регионах мира, находящихся в стадии социально-экономической и политической трансформации, значительно расширяет технические возможности ЕС. Речь, в частности, идет о мониторинге, раннем предупреждении и прогнозировании потенциальных кризисных ситуаций и вооруженных конфликтов, а также планировании оптимальных параметров помощи Евросоюза как в области развития, так и в постконфликтном восстановлении.

В вопросах использования информационно-коммуникационных технологий для целей постконфликтного восстановления ЕС делает ставку не только на технические аспекты (инструменты, обработка объемных данных, информационные сети), но предпочитает комплексный подход, соединяющий техническое и социальное измерение своей стратегии как для пользователей, так и для получателей этих технологий. Развертывание и использование ИКТ входит в сферу компетенции Европейской внешнеполитической службы, которая отвечает за операции и программы ЕС по миротворчеству и постконфликтному восстановлению, а также координирует эту деятельность через «инструменты, способствующие стабильности и миру» (Instruments Contributing to Stability and Peace) и Партнерство ЕС в сфере миротворчества (the EU Peacebuilding Partnership)².

Еще одним важным направлением использования ИКТ являются посреднические миссии ЕС и ООН, которые приобретают все большее значение в контексте предотвращения и мирного урегулирования кризисных ситуаций.

Новые технологии могут содействовать повышению эффективности кризисного управления. С их помощью можно решить проблему сбора масштабной информации о позициях сторон в конфликте, реальной обстановке в кризисных районах, а также об их планах и приоритетах с точки зрения конфигурации политического урегулирования. Как правило, именно недостаток информации обостряет конфликтную ситуацию. Преимущество современных информационно-

¹ Foreign Policy, Shaping Europe's digital future, European Commission, 16 December 2020. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/foreign-policy> (дата обращения: 03.01.2021)

² Gaskell J., Larrauri H., Rieken J., Ali A., Ritgerink A. Uses of Information and Communication Technologies (ICT's) for EU Conflict Prevention and Peacebuilding, March 2016. URL: <https://dataverse.nl/api/access/datafile/4112?gbrecs=true> (дата обращения: 07.01.2021)

коммуникационных технологий в том, что они открывают беспрецедентные возможности для быстрого анализа большого массива данных, получаемых в режиме реального времени из социальных сетей Фэйсбук, Скайп, Твиттер, Вотсап, Вайбер, Клубхаус и др. Кроме того, в этих целях могут использоваться такие технологии, как машинное обучение (*machine learning*) (позволяет с помощью искусственного интеллекта анализировать большие данные, включая идентификацию голоса на основе ввода стандартной информации); блокчейн (*blockchain*) (обеспечивает максимальную прозрачность и безопасность загруженной информации); спутниковые сенсоры/*remote sensing*; различные системы раннего предупреждения (*early warning systems*) (предупреждают о масштабных передвижениях и скоплениях людей, связанных с угрозой кризисных ситуаций).

Социальные сети и создаваемые на их базе мобильные цифровые платформы позволяют устанавливать диалог между соперничающими сторонами и вырабатывать решения на основе консенсуса. Примером может служить цифровая консультативная платформа, созданная в ходе международной конференции по Ливии (апрель–июль 2018 г.)¹.

Приоритеты интегрированного подхода в ЕС

Появление концепции всеобъемлющего подхода Евросоюза к кризисному управлению и поддержанию глобальной безопасности связано с трансформацией природы современных региональных конфликтов. В ЕС исходят из того, что эффективное урегулирование подобного рода кризисных ситуаций требует изменения традиционных подходов, основанных преимущественно использовании силовых методов. Прежние виды действий оказались неэффективными в отношении современных конфликтов. Альтернатива основывается на интеграции всех ключевых элементов кризисного управления (предотвращение конфликтов, планирование стратегии по их урегулированию, помощь постконфликтному развитию) в единый пакет.

В Евросоюзе комплексный подход определяется как «стратегически интегрированное использование механизмов и инструментов ЕС для внешнеполитической деятельности в кризисных ситуациях». Интеграция военных и гражданских компонентов кризисного управления – залог успеха операций в рамках Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) для решения следующих приоритетных задач:

- повышение уровня операционной готовности Евросоюза с целью управления кризисными ситуациями в условиях расширения географической зоны стратегических интересов Союза и масштабов кризисов;
- компенсация отсутствия возможностей для проведения масштабных военных операций в условиях вооруженных конфликтов высокой интенсивности;

¹ Jenny J., Greenberg R., Lowney V., Banim G. Peacemaking and new technologies, Dilemmas & options for mediators. December 2018. URL: <https://www.hdcentre.org/wp-content/uploads/2018/12/MPS-8-Peacemaking-and-New-Technologies.pdf> (дата обращения: 14.01.2021)

– интеграция военных и гражданских компонентов для эффективного кризисного управления для повышения уровня координации между военными и гражданскими механизмами ЕС при планировании операций¹.

С помощью комплексного подхода к обеспечению безопасности Брюссель рассматривает повысить эффективность координации своих институтов и инструментов в процессе управления кризисами.

Такой подход вытекает из положений Лиссабонского договора, на основе которого была реформирована внешнеполитическая служба Евросоюза и создан пост Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности. В рамках внешнеполитической службы сформированы гражданские и военные структуры по кризисному менеджменту, а также межправительственные комитеты, включая Директорат по кризисным ситуациям и планированию (Crisis Management and Planning Directorate- CMPD), а также военный штаб ЕС (EU Military Staff-EUMS). Директорат по кризисным ситуациям выполняет задачи стратегического планирования операций и обеспечения координации их военных и гражданских аспектов.

Важную роль в становлении комплексного подхода Евросоюза сыграли две концепции. В 2002 г. по рекомендации военного комитета и в соответствии с решением Совета ЕС была одобрена концепция гражданско-военной координации (CMCO), позволившая существенно улучшить взаимосвязь всех ключевых институтов на политическом уровне и устранить конкуренцию между ними на стадиях планирования и принятия решений². Концепция гражданско-военного сотрудничества на тактическом уровне (CIMIC) связана с обеспечением координации между различными институтами и инструментами Союза.

Предпосылкой для практической реализации этой концепции стало одобрение Европейским советом в декабре 2013 г. общего стратегического документа, разработанного Европейской комиссией и Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Он стал основой для практической реализации комплексного подхода применительно к операциям в регионах Африканского Рога и Сахеля³. Реальным мотивом ставки ЕС на концепцию комплексного подхода было не столько желание переориентироваться на преимущественное использование «мягкой» силы, сколько использовать ее для усиления роли институтов Союза в планировании и в процессе принятия решений за счет сужения компетенций государств–членов ЕС и тем самым укрепления политического единства Евросоюза.

Параллельно в целях повышения уровня операционного военного планирования Евросоюз принял на вооружение стандарты и инструменты НАТО в этой сфере. Речь идет об инструкциях Альянса по операционному планированию (Guidelines for Operational Planning – GOP и Comprehensive Operational Planning Directive – COPD)⁴.

¹ Faleg G. (2017) The EU's Common Security and Defense Policy, 2017, Brussels, Belgium. DOI 10.1007/978-3-319-41306-8_3

² Там же.

³ Faleg G. A Comprehensive Approach to EU Security, 2017, Brussels, Belgium. ISBN 978-3-319-41305-1

⁴ Mattelaer A. The Empty Promise of Comprehensive Planning in EU Crisis Management, European Foreign Affairs Review 18, Special Issue, October 2013, pp. 125–158.

Важно также отметить роль Европейской внешнеполитической службы в интеграции военных и гражданских компонентов комплексного подхода, что существенно повысило уровень кризисного управления в ЕС. В частности, в соответствии с Лиссабонским договором во внешнеполитическую службу были включены департаменты, занимающиеся сквозной гражданской и военной тематикой. Речь, в частности, идет о помощи развитию и гуманитарному содействию – DEVCO, ECHO; вопросы обороны и безопасности – подкомитет по безопасности и обороне и центр по управлению кризисными ситуациями (СМВ).

Утверждению комплексного подхода ЕС содействовал консенсус, сложившийся не только между государствами-членами, но и среди большинства негосударственных организаций, а также неправительственных общественных институтов. Гармонизации гражданского и военного компонентов комплексного подхода во многом содействует инновационная политика Евросоюза по созданию сетевых социальных структур вокруг основного ядра институтов и органов Союза и состоящих из представителей общественных и академических организаций¹.

Социализация процесса подготовки и принятия решений в ЕС за счет расширения круга его участников целенаправленно используется для продвижения и лоббирования новых концепций и подходов Евросоюза в антикризисной дипломатии.

Взаимодействие ЕС и ООН

С 2017 г. операции в рамках Общей политики ЕС в сфере безопасности и обороны становятся главным инструментом кризисного урегулирования, в том числе в сотрудничестве с ООН. Лиссабонский договор (ст. 42.1) в максимальной степени приблизил модели операций ЕС и ООН, юридически закрепив возможность осуществления под эгидой ЕС как гражданских, так и военных миссий.

Военные операции в рамках ОПБО подпадают под общий критерий операций по кризисному реагированию, поскольку не предусматривают возможности прямого использования силы и принуждения к миру. Однако некоторые операции Евросоюза против пиратства и незаконного трафика мигрантов в Аденском заливе и в южной части Средиземного моря «София», «Аталанта» (EUNAVFOR Med – Sophia; Atalanta) в своих мандатах косвенно допускали применение силы. В отличие от операций НАТО в Ливии (2011 г.) и вооруженной операции Франции в Мали (продолжается в настоящее время), мандаты вышеупомянутых миссий ЕС на применение силы содержали четкие ограничители. Например, требуется консенсус ЕС для применения силы и соответствие принимаемых мер международному праву и позиций государств, на территории которых осуществляются данные операции. Такой подход указывает на то, что Брюссель особое внимание уделяет соответствию мандатов операций Уставу ООН и его главе VII (допущение применения силы в определенных обстоятельствах).

Бак правило, мандаты операций ЕС утверждаются на основе комбинаций перекрестных ссылок на решения Европейского совета, резолюции СБ ООН или приглашение/согласие принимающих государств. Мандаты операций ЕС в Боснии и Герцеговине, в Аденском заливе, в ЦАР, ДРК и Чаде содержали ссылки на резолю-

¹ Faleg G. A Comprehensive Approach to EU Security, 2017, Brussels, Belgium. ISBN 978-3-319-41305-1

ции СБ ООН. Часть других операций в Мали, Сомали была осуществлена на основе приглашений от принимающих государств¹.

За последнее десятилетие Евросоюз накопил определенный опыт в проведении как гражданских, так и военных операций в рамках Общей политики в сфере безопасности и обороны. Страны-члены Союза выборочно подходят к развертыванию военных миссий, стремясь максимально снизить риски потерь личного состава и вооружений. Это объясняется конституционными ограничениями в вопросах направления военных контингентов за пределы Союза. Евросоюз придает особое значение идеологическому обрамлению принимаемых решений о планировании и развертывании своих операций в кризисных регионах мира. При этом возможные варианты применения силы встраиваются в канву нормативных подходов, отдающих приоритет «мягкой» силе: оказание гуманитарной помощи, охрана гуманитарных конвоев, возвращение беженцев, разоружение комбатантов и их интеграция, проведение демократических выборов, защита прав человека, постконфликтное восстановление, стабилизация социально-экономической и политической обстановки и т.д. Как правило, военные операции ЕС в кризисных странах и регионах сопряжены с общими целями внешнеполитической стратегии.

Анализ четырех крупнейших военных операций ЕС – «Конкордия» (Concordia) в Северной Македонии, «Артемиды» (Artemis) в ДРК, «Алфея» (Althea) в Боснии и Герцеговине, «Аталанта» (EU NAVFOR Atalanta) и параллельная с ней Европейская учебная миссия «Сомали» (EUTM Somalia) – показывает, что все они различаются по соотношению военных и гражданских инструментов. Однако общим для них является стремление «растворить» военные цели в мандате операций и продемонстрировать подчиненность их гражданским приоритетам.

Операция Евросоюза «Артемиды» в ДРК в большей степени была ориентирована на решение военных задач. В этой связи западное экспертное сообщество признает, что данная операция является примером чисто интервенционистской модели, которая характеризуется отсутствием четкой связи с гражданскими инструментами кризисного урегулирования². Одна из недавних военных операций ЕС «Мали-2013» (EUTM Mali-2013) имела четко выраженный военный компонент, поскольку ее цель состояла в восстановлении территориальной целостности страны и нейтрализации угрозы со стороны террористических группировок. Особого внимания в контексте обеспечения интересов безопасности Евросоюза заслуживают результаты одной из последних военных операций по пресечению нелегальной миграции ЕС «София» (EUNAVFOR Med Sophia). В ее мандат входили силовые функции, связанные с идентификацией, захватом и уничтожением судов, используемых контрабандистами.

Таким образом, можно говорить о том, что основные военные операции ЕС направлены на практическое решение задач по обеспечению безопасности в зонах конфликтов, нейтрализации экстремистских и террористических группировок,

¹ Для полной картины в отношении мандатов миссий ЕС см: URL: https://www.eeas.europa.eu/csdp/missions-and-operations/index_en.htm. (дата обращения: 11.04.2021)

² См. Northheim- Martinsen, P.M. The EU and military force. Governance and strategy, 2013, Cambridge: University press.

предотвращения незаконной миграции в Евросоюз, постконфликтного восстановления кризисных регионов и стран с учетом своих долговременных экономических и торговых интересов.

* * *

Пандемия COVID-19, глубинная трансформация международных отношений и новые вызовы ускорили адаптацию стратегии кризисного реагирования ЕС. Этот процесс обусловлен синхронизацией мер по обеспечению безопасности (сочетание «мягкой» и «жесткой» силы) на глобальном и региональном уровнях для усиления влияния ЕС. При этом важное значение имеет тесное взаимодействие Евросоюза с ООН и другими влиятельными международными организациями. Стратегия кризисного реагирования ЕС ориентирована на реализацию интегрированного подхода к кризисным ситуациям при активном использовании новейших информационно-коммуникационных технологий. Особый акцент сделан на возрождении государственных структур «несостоявшихся государств», укреплении их устойчивости и недопущении возобновления «конфликтного цикла» в регионах, имеющих стратегическое значение для ЕС. Основная цель состоит в недопущении «перетекания» последствий кризисных ситуаций в зону ЕС (гибридные угрозы, незаконная миграция, терроризм, организованная преступность и т.д.). Модернизация антикризисной стратегии стала составной частью стратегической автономии ЕС. Она используется для укрепления его политического единства и повышения эффективности механизмов принятия важнейших политических решений.

Список литературы

- Громько Ал. А. (2020) Коронавирус как фактор мировой политики. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 2. С. 4–13. DOI: [dx.doi.org/10.15211/vesntnikieran20200413](https://doi.org/10.15211/vesntnikieran20200413).
- Данилов Д.А. (2018) ЕС–Россия: возможности и препятствия сотрудничества в сфере безопасности. *Европейская аналитика*, ИЕ РАН, Нестор-История, Москва. С. 46-55
- Европа между трех океанов. (2019) Под общей редакцией Ал.А. Громько и В.П. Федорова. Изд. Нестор-История, Москва. – 608 с.
- Кавешников Н.Ю. (2020) Сценарии развития Европейского союза. РСМД. 19.06. URL: <https://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/stsenarii-razvitiya-evropeyskogo-soyuza/> (дата обращения: 21.10.20)
- Портанский А.П. (2019) США–Европа: союзнические отношения под угрозой. *Современная Европа*, No 6. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620193039>.
- Потемкина О.Ю. (2020) Новая стратегия Совета Безопасности ЕС. Аналитическая записка No 32, (No 215). <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an215.pdf>. (дата обращения: 21.10.20)
- Щербак И.Н. (2019) Роль ООН, ЕС и ОБСЕ в кризисном урегулировании. Доклад ИЕ РАН, № 367. Москва. – 126 с.

References

- Council of the European Union Conclusions, Complementary efforts to enhance resilience and counter hybrid threats, 10 December 2019. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14972-2019-UNIT/en/pdf> (accessed 10.4.2021).
- Danilov D.A. (2018) EC – Russia: vozmozhnosti i prepytstvia sotrudnichestva v sfere bezopasnosti [EU-Russia: possibilities and obstacles for security cooperation]. *Evropeyskaya Analitika*. Moscow, Russia. P. 46-55 (in Russ.).
- Esther Barbe & Pol Morillas, The EU global strategy: the dynamics of a more politicized and politically integrated foreign policy, 08 April 2019, URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09557571.2019.1588227> (accessed 05.4.2021)
- Giray Sadik (ed), Europe ‘s Hybrid Threats: What kind of Power Does the EU Need in the 21st Century, 2017. URL:<https://www.cambridgescholars.com/download/sample/63904> (accessed 16.4.2021)

Gromyko Alexey (2018) Political Landscape of Europe. The Spectre of Geopolitical Solitude. Series "Analytical papers of IE RAS". Working paper No 2 (No 31). IERAS, Moscow. (in Russ.).

Gromyko A.I.A., Fedorov V.P. (2019) (eds.), *Europam Ejdtrehokeanov* [Europe between three oceans], Nestor-Istoriya, Moscow. 608 p. (in Russ.).

Gromyko A.I.A. (2020) Coronavirus Kak Faktor Mirovoi Politiki [Coronavirus as factor of world policy]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*. No 2, pp. 4–13. DOI: [dx.doi.org/10.15211/vesntnikieran22020413](https://doi.org/10.15211/vesntnikieran22020413) (in Russ.).

Kaveshnikov N.Yu. (2020) Scenarii razvitiyu Evropeyskiy soyuz [Scripts of the EU's development] RSMД. 19.06. <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/stsenarii-razvitiya-evropeyskogo-soyuza/> (accessed: 21.10.20) (in Russ.).

Liliana Reis Ferreira, Implementing the Global Strategy for the EU's Foreign and Security Policy, February 2020, URL: http://www.tepsa.eu/wp-content/uploads/2020/02/EUGS-TEPSA-Briefs_Final.pdf (accessed 21.04.2021)

Potemkina O.Yu. (2020) Novaya strategiya Soveta bezopasnosti EC [New strategy of the Security Council of the EU]. *Analiticheskaya Zapiska* No 32 (215). <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an215.pdf> (accessed: 21.10.20) (in Russ.).

Portnyansky A.P. (2019) SSHA–Evropa: sousnicheskiyotnosheniypodugrozoy [USA-EU- alliance is under threat], *Sovremennaya Evropa*, No 6. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620193039> (in Russ.).

Progress report on the implementation of the common set of proposals endorsed by NATO and EU Councils on 6 December, 2016. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/_pdf/2017_06/2017_06/20170619_170614-Joint-progress-report-EU-NATO-EN.pdf (accessed 19.04.2021)

Shcherbak I.N. (2019) Role OON, ES, OBSE vregulirovaniiconfliktov [Role of the UN, EU and OSCE in crisis regulation]. *Doklad Institui Evropy* No 367. Moscow. 126 p. (in Russ.).

The European Union's Global Strategy Three Years on, looking forward, 2019. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_2019.pdf (assessed 15.04.2021)

Tocci, Nathalie (2017) Framing the EU global strategy. A stronger Europe in a fragile World, Basingstoke, United Kingdom: Palgrave Macmillan, URL: https://CLDdnnprRio2sbUSsC3Nkn82C4AR3wG8UmXjOYcg6tGMzZCDsUBLiw_&Key-Pair-Ld=APKAJLOHF5GGSLRBV4ZA (accessed 05.04.2021)

EU's Crisis Response Strategy in Light of Global Challenges

Received 23.4.2021

Author: Shcherbak I., Candidate of Science (History), Leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Leading Research, IMI, MGIMO. **Address:** 11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** inshcherbak@gmail.com

Abstract. The author explores the key aspects of EU's crisis response strategy evolution. Special attention is paid to the EU's policy countering hybrid threats and promoting cyber security, information-communication technology, mediation. The article shows that the EU's strategy aimed at creation of modern information-communication infrastructure and digital platforms in different regions of the world significantly broaden the technical capacity of the EU to monitor crisis situations, to take measures for an early prevention of conflicts and to timely forecast potential armed conflicts and optimal parameters of the EU's technical assistance for the purpose of development and post-conflict reconstruction of conflict-affected states. The author underlines that the modernization of the EU's crisis prevention strategy is driven by the new challenges to global and European security as well as by a profound transformation of modern international relations. Cooperation of the EU and the UN in the sphere of peacekeeping and the EU's military operation in the framework of the crisis management strategy has also been analyzed. Specific details of the EU's concept of "complex approach" to the crisis prevention strategy have been equally presented in the paper.

Key words: EU's crisis response strategy, hybrid threats, information-communication technology, mediation, cyber security, mediation.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021151160>

УДК 316.74:2

Сергей МУДРОВ

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, ВЫБОРЫ И ПРОТЕСТЫ В БЕЛОРУССИИ

Статья поступила в редакцию 03.03.2021

Аннотация. В статье проанализировано отношение Белорусской православной церкви (БПЦ) к выборам и протестному движению в Белоруссии. Президентские выборы 2020 г., на которых было объявлено о победе президента А. Лукашенко, вызвали неоднозначную реакцию в белорусском обществе. В стране начались массовые протесты, при подавлении которых были зафиксированы факты насилия и жестокости со стороны представителей силовых структур. Белорусская православная церковь, являясь наиболее многочисленной религиозной организацией в стране, предпочла в целом остаться в стороне от политических баталий. Тем не менее отдельные священники публично выражали свои политические предпочтения, а также говорили о необходимости честных выборов и недопустимости жестокости и насилия. В первые недели после выборов церковь избрала путь миротворчества, призывая к прекращению насилия, а также оказывая деятельную помощь пострадавшим. В целом можно отметить, что действия и слова представителей БПЦ исходили из понимания духовного и социального характера миссии церкви, с осознанием того факта, что политическая и идеологическая составляющая не могут и не должны иметь приоритетный характер в этой миссии.

Ключевые слова: Белорусская православная церковь, Лукашенко, выборы, протесты, миссия.

Президентские выборы 2020 г. в Белоруссии стали неординарным событием в истории страны. Впервые за многие годы на высший государственный пост претендовали не только представители «традиционной» (и малопопулярной) оппозиции, но и люди, находившиеся в стороне от оппозиционных партий и движений и даже в свое время работавшие на А. Лукашенко и созданную им систему. О намерении баллотироваться на должность главы государства заявили, помимо многих других претендентов, Виктор Бабарико – руководитель одного из крупнейших банков «Белгазпромбанка»; Валерий Цепкало, ранее занимавший должности замести-

© **Мудров Сергей Александрович** – к.социол.н., доцент кафедры социальных коммуникаций Полоцкого государственного университета. **Адрес:** Республика Белоруссия, Новополоцк, ул. Блохина, 29. **E-mail:** s.mudrov@psu.by

Данная статья написана в рамках проекта «Религия в постсоветском нациестроительстве». Проект финансируется Фондом Балтийских и Восточно-Европейских исследований (Östersjöstiftelsen), Швеция (61/2017).

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021161171>

теля министра иностранных дел, посла Белоруссии в США и директора «Парка высоких технологий», а также независимый блогер Сергей Тихановский.

Президентская кампания с момента ее официального объявления в мае 2020 г. вызвала большой общественный интерес, а также повысила градус конфликтных настроений в обществе. Недопуск Тихановского к регистрации в качестве претендента для сбора подписей, а также отказ в регистрации в качестве кандидатов в президенты Цепкало и Бабарико привели к аккумуляции ресурсов вокруг Светланы Тихановской – жены блогера, выдвинувшейся в президенты вместо своего мужа. Именно Тихановская, поддержанная штабами Бабарико и Цепкало, стала основным оппонентом Лукашенко на выборах 2020 г., получив, по официальным данным, немногим более десяти процентов голосов.

Результаты выборов, объявленные с традиционными для Лукашенко «восьмью-десятью процентами» поддержки, усилили негодование и протесты среди части белорусского общества, – той части, которая была несогласна с методами избирательной кампании и озвученными цифрами. Ответ власти на вспышку протестного движения был жестким, а порой – жестоким¹. В условиях гражданского противостояния и роста напряженности взоры многих людей обратились к церкви – как к институту, который, пользуясь высоким доверием в обществе, призван играть роль миротворца, транслятора справедливости и примирения [Безнюк 2006; Котляров и Земляков 2004]. Вполне естественно, что в условиях растущей поляризации и враждебности основные конфессии Белоруссии не обошли вниманием выборы-2020, озвучивая свои позиции как на республиканском, так и на региональном уровне.

В данной статье проанализировано отношение Белорусской православной церкви (БПЦ) – крупнейшей религиозной организации в стране² – к событиям, связанным с президентскими выборами 2020 г. При подготовке статьи были исследованы публичные выступления иерархов и священников, заявления Синода БПЦ, а также проведены экспертные интервью с несколькими представителями церкви, вовлеченными в рассматриваемые события.

Православная церковь и избирательная кампания

Среди исследователей сложилось несколько основных мнений и подходов к определению роли и места Православной церкви в белорусском государстве и обществе. Разнообразие мнений порождено различной интерпретацией получаемой информации и доступом к источникам информации. Часть исследователей утверждает, что БПЦ является «заложником государства», которое использует церковь в своих интересах. Сторонники иного подхода подчеркивают определенное влияние церкви, сложившуюся продуктивную систему взаимоотношений с государством и возможность для церкви (пусть и частичную) достичь поставленных целей [Ворса 2016; Озимко 2018; Низович 2019; Vasilevich 2015; Bekus 2016; Mudrov 2017].

¹ 13 августа 2020 г. министр внутренних дел Белоруссии Ю. Караев извинился за травмы случайных людей на акциях протеста.

² 73% жителей Белоруссии считают себя православными (Pew Research Center 2017); число общин БПЦ составляет более половины всех религиозных общин в стране (1709 из 3389).

Вопросы участия духовенства БПЦ в политике и избирательных кампаниях регулируются Социальной концепцией Русской православной церкви (принятой в 2000 г.) и документом «Практика заявлений и действий иерархов, духовенства, монашествующих и мирян во время предвыборных кампаний», принятым Архиерейским собором РПЦ в 2011 г. В этом документе обозначена недопустимость участия лиц в священном сане и монашествующих «в предвыборной агитации и их членство в политических организациях»¹. Если священник, монах или мирянин выражает собственные политические убеждения, он должен говорить «только лично от себя или от имени той или иной группы единомышленников, но не от имени Церкви». Не допускается излагать личные политические взгляды с церковного амвона, а также предоставлять для политических мероприятий церковные помещения. В то же время считается уместным призывать граждан к осмысленному участию в голосовании, а политиков – к «проведению честных выборов, к снижению накала политических страстей, к заботе о мире, солидарности и согласии в обществе»². Примечательно, что Православная церковь признает право на мирные протесты и мирное гражданское неповиновение.

Анализируя отношение БПЦ к избирательному процессу 2020 г., необходимо разделять официальный уровень (иерархи) и уровень рядовых священников. За несколько месяцев, предшествовавших выборам, со стороны иерархов было сделано только два заявления. Одно из них прозвучало от лица предстоятеля Церкви митрополита Павла (Пономарева), возглавлявшего БПЦ с 25 декабря 2013 г. до 25 августа 2020 г. Второе – от почетного патриаршего экзарха митрополита Филарета (Вахромеева), управлявшего Минской епархией/Белорусским Экзархатом в 1978–2013 гг. Особенность этих заявлений заключалась в следующем. Митрополит Павел примерно за полторы недели до выборов признал «заметное обострение» общественно-политической ситуации в стране, но попросил людей воспользоваться правом на выбор «не на баррикадах и митингах, а на избирательных участках»³. Митрополит Филарет воздержался от оценки политической ситуации, но подчеркнул важность мира, отметив, что «мы – одна семья», и что «брат не должен поднимать руку на брата». Почетный экзарх призвал всех соблюдать закон и слушать голос своей совести⁴.

¹ Практика заявлений и действий иерархов, духовенства, монашествующих и мирян во время предвыборных кампаний. Проблема выдвижения духовенством своих кандидатур на выборах (02.02.2011). URL: <http://pravminsk.by/doc/obshhecerkovnyedokumenty/praktika-zajavlenij-i-dejstvij-ierarhov-duhovenstva-monashestvujushih-i-mirjan-vo-vremja-predvbornyh-kampanij-problema-vydvizhenija-duhovenstvom-svoih-kandidatur-na-vyborah> (дата обращения: 02.03.2021)

² Там же.

³ Обращение митрополита Павла к белорусскому народу в преддверии выборов главы государства (31.07.2020). URL: <http://church.by/pub/obrashenie-mitropolita-minskogo-i-zaslavskogo-pavla-patriarshego-ekzarha-vseja-belarusi-k-belorusskomu-narodu-v-preddverii-vyborov-glavy-gosudarstva-2> (дата обращения: 02.03.2021)

⁴ Обращение митрополита Филарета к белорусскому народу в преддверии выборов Президента Республики Беларусь (31.07.2020). URL: <http://church.by/pub/obrashenie-mitropolita-filareta-k-belorusskomu-narodu-v-preddverii-vyborov-prezidenta-respubliki-belarus-2> (дата обращения: 02.03.2021)

В ходе избирательной кампании подавляющее большинство священников БПЦ избегали политических заявлений и публичной поддержки одной из сторон. Исключение составили в основном те представители духовенства, которые и ранее не скрывали своих политических предпочтений. Например, протоиерей Федор Повный – настоятель Всехсвятского прихода в Минске, – выступая по телевидению, высоко оценил достижения А. Лукашенко, отметив, что «диктатура никогда не будет давать бесплатное образование». Отец Федор объяснил, что для него нынешняя Белоруссия является сильным суверенным государством¹, а кандидаты в президенты «предлагают белорусам программы слома, а не развития страны»².

В то же время публичные высказывания духовенства против Лукашенко практически отсутствовали. Правда, протоиерей Сергей Лепин – многолетний руководитель Синодального информационного отдела и пресс-секретарь БПЦ (2011 – ноябрь 2020 гг.), – признавал, что «были случаи, когда священнослужители публично высказывались не в пользу иных кандидатов, а таким образом, что их выступления можно было расценить как протест против власти действующей – прежде всего против насилия и пыток, совершенных акторами, представляющими эту власть»³. Действительно, в большинстве случаев священники, решившие сказать свое слово, выступали против лжи и насилия, что отражало общую озабоченность в белорусском обществе. По словам иерея Алексея Залицаева, еще в период предвыборной агитации люди приходили в храм с вопросами о недопуске к выборам альтернативных кандидатов, а также выражали свое несогласие с тем, что государство «не считается с их мнением»⁴. Несколько священников сочли возможным поддержать публикацию «Православные против фальсификаций». Но вряд ли это можно считать выступлением против Лукашенко. Хотя символическое присутствие двух цветов на рисунке этой публикации – красного и белого – можно интерпретировать как созвучие с бело-красно-белым флагом, ставшим символом оппозиции. Диакон Дмитрий Павлюкевич из Гродно, опубликовавший на своей странице в «Фейсбук» цитаты из Библии, аргументировал свой поступок следующим образом:

¹ «Я люблю Беларусь и пойду голосовать досрочно, потому что доверяю государству» – настоятель храма в честь Всех Святых. 30.07.2020. URL: <https://ont.by/news/ya-lyublyu-belarus-i-pojdu-golosovat-dosrochno-potomu-chto-doverayu-gosudarstvu-nastoyatel-hrama-v-chest-vseh-svyatyh> (дата обращения: 02.03.2021)

² «Нам не предлагают программы развития Беларуси, а только программы слома»: протоиерей Федор Повный – о предвыборной кампании (30.07.2020) URL: <https://ont.by/news/nam-ne-predlagayut-programmy-razvitiya-belarusi-a-tolko-programmy-sloma-protoierej-fedor-povnyj-o-predvybornoj-kampanii> (дата обращения: 02.03.2021)

³ Мудров С. «Наши священники были у изоляторов на Окрестина». Об отношении Белорусской Православной Церкви к протестам. 06.09.2020. URL: <https://www.pravmir.ru/nashi-svyashhenniki-byli-u-izolyatorov-na-okrestina-ob-otnoshenii-belorusskoj-pravoslavnoj-czerkvi-k-protestam/> (дата обращения: 02.03.2021)

⁴ Костарнова Н. «В такие дни священники призваны быть миротворцами». Иерей Алексей Залицаев – о событиях в Белоруссии. 18.08.2020. URL: <https://www.pravmir.ru/v-takie-dni-svyashhenniki-prizvany-byt-mirotvorcami-ierej-aleksej-zaliczaev-o-sobytyah-v-belarusi/> (дата обращения: 02.03.2021)

Я был автором картинки и текста [«Православные против фальсификаций, унижения личности и давления на личность»] с тремя цитатами из Библии [«не лгите и не обманывайте друг друга», «возлюби ближнего твоего», «не обижай»], которые разместил на своей личной страничке в фейсбуке. Этой публикацией начали делиться другие люди. То, что цитаты из Священного Писания о недопустимости лжи, насилия и унижений вызвали отклик у православных людей, а тем более у священников, не может являться чем-то удивительным. Это же Библия, с которой по умолчанию согласен каждый православный христианин... В то же время в использовании мной белого и красного цветов не было желания вызвать ассоциации с бело-красно-белым флагом. Я не агитировал ни за одну из сторон; думаю, что большинство священников волновал нравственный аспект вопроса¹.

Протоиерей Сергей Лепин признал, что инициатива была воспринята некоторыми настоятелями и иерархами «с опаской», а отдельные участники решили отозвать свои подписи — либо «на всякий случай», либо «по прямому требованию властей». Несколько человек присоединились к этой инициативе после выборов, что, «с точки зрения некоторых», могло быть расценено как «непризнание работы Центральной избирательной комиссии и оспаривание результатов выборов». Сам о. Сергей утверждал, что БПЦ выступает за все честное, в том числе и выборы, и фальсификация выборов является уголовным преступлением, «с точки зрения Уголовного кодекса нашего государства и, разумеется, это грех — обмана, лжесвидетельства и воровства»². Диакон Димитрий Павлюкевич отметил, что не может согласиться с мнением, что заявления «не лги» являются политическим манифестом, поскольку, если принять такую точку зрения, то следует признать, что «Десять Заповедей — это не нравственный, а политический манифест, что само по себе абсурдно»³.

Церковь после президентских выборов

В первые дни после выборов в Белоруссии происходили столкновения протестующих с ОМОНОм; также были отмечены факты провокаций со стороны протестующих и случаи насилия и жестокости со стороны силовиков. В контексте поствыборной ситуации только два иерарха БПЦ выступили с открытыми письменными заявлениями: архиепиеи из Бреста и Гродно (областных центров с самым высоким уровнем протестов). 15 августа 2020 г. архиепископ Брестский Иоанн выразил особую обеспокоенность о «безосновательно задержанных», а также попросил обе стороны «охладить пыл, не брать греха на душу»⁴. Гораздо более жестким было

¹ Интервью с диаконом Дмитрием Павлюкевичем (по эл. почте). 31.08.2020.

² Мудров С. «Наши священники были у изоляторов на Окрестина». Об отношении Белорусской Православной Церкви к протестам. 06.09.2020. URL: <https://www.pravmir.ru/nashi-svyashhenniki-byli-u-izolyatorov-na-okrestina-ob-otnoshenii-belorusskoj-pravoslavnoj-czerkvik-protestam/> (дата обращения: 02.03.2021)

³ Интервью с диаконом Дмитрием Павлюкевичем (по эл. почте). 02.09.2020.

⁴ Обращение архиепископа Брестского и Кобринского Иоанна к православным верующим Брестской епархии. 15.08.2020. URL: <https://pravbrest.by/archives/9718> (дата обращения: 02.03.2021)

заявление (14 августа) архиепископа Гродненского Артемия, подчеркнувшего, что «кровь жертв и тяжкие страдания людей в эти дни – на совести тех, кто сознательно сам убивал либо принуждал других убивать Правду!»¹. Владыка Артемий не стал уточнять, о какой правде идет речь, но, учитывая контекст заявления, можно предполагать, что он говорил о фальсификациях на выборах. Буквально через два дня, на воскресной проповеди 16 августа 2020 г., архиепископ Артемий выступил еще более жестко, заявив, что «наши люди становятся как звери», и приведя при этом несколько примеров избиений и унижений со стороны «силовиков». Он также подверг критике старшее поколение и учителей, говоря, что им нужно стоять на коленях «за всю фальсификацию, всю ложь, которую давали нашим детям. За БРСМ², за комсомол, за все, что было атеистическое». В результате такого воспитания, по мнению гродненского владыки, «воспитанники с цепи сорвались», стали невменяемыми и «жаждут крови»³. Эти слова прозвучали диссонансом в среде белорусского епископата: прочие иерархи БПЦ предпочли воздержаться от подобных оценок. Примечательно, что даже такие жесткие заявления не привели к немедленной отставке архиепископа Артемия: он продолжал управлять Гродненской епархией до июня 2021 года.

Митрополит Павел, предстоятель БПЦ, занял более осторожную, дипломатичную позицию: 14 августа, выступая на торжественной закладке храма в одном из районов Минска, владыка обратился к Лукашенко с просьбой «сделать все возможное, чтобы остановить насилие». Экзарх призвал жителей Белоруссии не поддаваться на провокации, содержащие призывы к насилию, а стремиться сохранить мир⁴. Кроме этого, митрополит принес извинения всем, кто был «оскорблен» его поздравлениями Лукашенко в связи с победой на выборах⁵. С другой стороны, в коротком интервью 28 августа, уже после отставки с поста экзарха, митрополит высказался в более провластном тоне. Так, он призвал верующих действовать в соответствии с Конституцией и Евангелием, но «не путем забастовок и каких-то митингов». Владыка Павел назвал выходы на митинги «не православным и не консти-

¹ Обращение архиепископа Гродненского и Волковысского Артемия к клиру и пастве Гродненской епархии. 14.08.2020 URL:

<https://orthos.org/eparhiya/bishop/speech/2020/08/14/obrashchenie-arhiepiskopa-grodnenskogo-volkovysskogo-artemiya-k> (дата обращения: 02.03.2021)

² Белорусский республиканский союз молодежи — провластная молодежная организация.

³ Слово архиепископа Артемия о насилии в Белоруссии. 16.08.2020 – 15.20. URL: <https://orthos.org/media/video/2020/08/16/slovo-arhiepiskopa-artemiya-o-nasilii-belarusi> (дата обращения: 02.03.2021)

⁴ Патриарший Экзарх: обращаюсь к главе государства и прошу сделать все возможное, чтобы остановить насилие. 14.08.2020. Доступ: <http://church.by/news/patriarshij-ekzarh-obrashajus-k-glave-gosudarstva-i-proshu-sdelat-vse-vozmozhnoe-chtoby-ostanovit-nasilie> ((дата обращения: 02.03.2021)

⁵ Мудров С. «Наши священники были у изоляторов на Окрестина». Об отношении Белорусской православной церкви к протестам. 06.09.2020. URL: <https://www.pravmir.ru/nashi-svyashhenniki-byli-u-izolyatorov-na-okrestina-ob-otnoshenii-belorusskoj-pravoslavnoj-czerkvik-protestam/> (дата обращения: 02.03.2021)

туционным методом»¹, даже невзирая на то, что для православных нет запрета на участие в ненасильственных акциях, включая мирные протесты и гражданское неповиновение.

Символические акции против насилия прошли в нескольких храмах по всей Белоруссии. Например, в Покровском кафедральном соборе Гродно в течение всего Успенского поста (14–27 августа) каждый час днем бил колокол. Это было сделано для того, чтобы призвать, как пояснил настоятель собора протоиерей Георгий Рой, к «миру и гражданскому согласию, ...положить конец неоправданному насилию, жестокому избиению людей и нечеловеческим пыткам». Кроме этого, колокол звонил один раз во всех церквях Гродно в 18.00 14 августа². Символизм звучащего колокола стал не только напоминанием о жертвах насилия, но и призывом к состраданию и молитве.

Заявление Синода БПЦ и другие выступления

Официальная реакция БПЦ на поствыборные события последовала почти через неделю после голосования 9 августа. Заявление Синода, опубликованное 15 августа, отличалось взвешенностью и дипломатичностью, в то же время отражая переживания по поводу происходящих в стране событий. Подчеркивая внеполитичность церкви, Синод отметил, что «Церковь всегда была с людьми». Неделя после выборов была названа «временем народного потрясения»; при этом Синод говорил о пострадавших с обеих сторон: о раненых «сотрудниках правоохранительных органов» и «избитых и искалеченных в следственных изоляторах». Белорусские епископы выразили надежду, что власть прекратит насилие и «услышит голоса обиженных и невинно пострадавших в период противостояния, а проявивших зверство и жестокость – предаст законному суду и осуждению». Важно отметить, что Синод признал страдания «огромного количества невинных людей»³.

Примерно через неделю после синодального заявления было опубликовано разъяснение Отдела по взаимоотношениям церкви и общества под названием «Об участии верующих в политической и общественной жизни». Судя по тексту, разъяснение потребовалось главным образом для того, чтобы суждения из Гродно не воспринимались как мнение всей Белорусской церкви. В документе подчеркивалось, что заявления духовенства отражают их личное мнение, а не позицию БПЦ. Дистанцируясь от политических акций, авторы «Разъяснений...» все-таки обозначили осуждение церковью «любых форм насилия» и выразили надежду «на прове-

¹ Митрополит Павел об уходе с поста главы БПЦ: «Настало время передать эстафетную палочку другому – более молодому, энергичному». 26.08.2020. URL: <https://www.kp.by/daily/217174/4276903/?fbclid=IwAR30StCaeeDzmVN9V0R45tHUIF1bpt9ICNcUgprw-JadkXH6basxIyEqyHg> (дата обращения: 02.03.2021)

² Информация предоставлена протоиереем Георгием Роем.

³ Обращение Синода Белорусской православной церкви к народу Республики Беларусь о прекращении народного противостояния. 15.08.2020. URL: <http://church.by/news/obrashenie-sinoda-belorusskoj-pravoslavnoj-cerkvi-k-narodu-respubliki-belarus-o-prekrashenii-narodnogo-protivostojanija> (дата обращения: 02.03.2021)

дение расследования компетентными органами всех вопиющих случаев проявления жестокости»¹.

Следует отметить, что тема насилия и жестокости не стала доминирующей для всех иерархов БПЦ. Например, архиепископ Новогрудский Гурий (Апалько) в своем заявлении, опубликованном 19 августа и посвященном в первую очередь Успенскому посту и празднику Преображения Господня, говорил о важности – в контексте происходящих событий – покаяния и молитвы². Епископ Борисовский Вениамин (Тупеко) в обращении 24 августа предпринял попытку отыскать духовные корни кризиса, но в то же время отметил, что должна быть ответственность за происходящее в стране и «виновные в пролитии крови и насилии, а также подстрекатели к противостоянию должны понести законное наказание»³. Буквально через два дня – 26 августа – он уже обращался к верующим как новоизбранный глава БПЦ. Размышляя еще раз о важности покаяния, поста и молитвы, владыка Вениамин обозначил причины «скорбных событий» в Белоруссии: «сердца наши склонились в недобрую сторону» и «свет Христов не смог воссиять в это темное время, когда проявился грех беззакония»⁴.

Среди духовенства, публично выступившего в поддержку Лукашенко и его действий, следует отметить протоиерея Андрея Лемешонка из Свято-Елизаветинского монастыря в Минске. Во многом приводимые им аргументы были созвучны аргументации других представителей пропрезидентской стороны. Не отрицая факты насилия после выборов, о. Андрей возложил ответственность за случившееся на «провокаторов». По мнению о. Андрея, Лукашенко «болеет за страну», а во время эпидемии коронавируса президент «не закрыл церкви и дал нам молиться». Для о. Андрея важное преимущество Лукашенко как руководителя заключается еще и в том, что он имеет свое мнение, независим и не слушает, что скажет «дядя за океаном»⁵.

Практическая помощь

В практическом плане представители БПЦ оказывали деятельную помощь пострадавшим – как в Минске, так и в регионах. Например, митрополит Павел наве-

¹ Об участии верующих в общественно-политической жизни. Разъяснение синодального отдела Белорусской православной церкви по взаимоотношениям церкви и общества. 21.08.2020. URL: <http://church.by/news/ob-uchastii-verujushih-v-obshestvenno-politicheskoy-zhizni> (дата обращения: 02.03.2021)

² Обращение архиепископа Новогрудского и Слонимского Гурия к пастве Новогрудской епархии. 21.08.2020. URL: <https://www.slonves.by/obrashhenie-arhiepiskopa-novogrudskogo-i-slonimskogo-guriya-k-pastve-novogrudskoj-eparhii/> (дата обращения: 02.03.2021)

³ Епископ Вениамин предостерегает от гнева и мстительности и призывает к единению в молитве и любви. 24.08.2020. URL: http://www.sobor.by/page/Episkop_Veniamin_predosteregaet_ot_gneva_i_mstitelnosti_i_priziva_et_k_edineniyu_v_molitve_i_lyubvi?fbclid=IwAR0xnZ8 (дата обращения: 02.03.2021)

⁴ Епископ Вениамин: сейчас совершается духовная борьба за наше отечество (26.08.2020) URL: <http://church.by/news/episkop-veniamin-sejchas-sovershaetsja-duhovnaja-borba-za-nashe-otchestvo?fbclid=IwAR28-15WE0zHw3PPvOtAk87ywg0M> (дата обращения: 02.03.2021)

⁵ Собрание в Свято-Елисаветинском монастыре. 18.08.2020. URL: <https://www.facebook.com/churchby.info/videos/321881342345477/> (дата обращения: 02.03.2021)

щал раненых и избитых людей в больнице. А священники помогали с необходимыми вещами/одеждой тем, кто находился в изоляторах временного содержания (ИВС). Общие объемы и география этой помощи неизвестны; достоянием общественности стали сведения о помощи в Минске и в Гродно. Как пояснил протоиерей Сергей Лепин, «около центров изоляции на Окрестина и Володарского (в Минске) присутствовали наши священники. Мы держали руку на пульсе, и если бы это понадобилось, то священников появилось бы больше»¹. В Гродно священники передавали задержанным в ИВС воду, еду и туалетные принадлежности, а социальный отдел Гродненской епархии занимался духовно-психологической помощью пострадавшим².

Иерей Александр Кухта, который, вероятно, был первым православным священником, пришедшим к одному из минских изоляторов, описывает происходившие события следующим образом:

«Это была моя личная инициатива – пойти на улицу Окрестина [место расположения ИВС и ЦИП в Минске], но правящий архиерей знал, что я туда иду. Первоначально я был там в четверг [13 августа], чтобы помочь нуждающимся. Уже на месте я обнаружил, что моя помощь нужна волонтерам – встречать людей, выпускаемых из изолятора. Я провел там весь четверг; кроме меня, в тот день был еще ксендз. В другие дни у Окрестина было около пяти православных священников (время от времени). Некоторые из них общались с родственниками задержанных, другие развозили людей по домам. Был дежурный священник, который общался с собравшимися. Люди терялись, злились (действительно, они не могли найти своих родственников, иногда с воскресенья – 9 августа). Меня спрашивали, могу ли я попасть внутрь [изолятора] и передать лекарства [заключенным]. Нам удалось вместе с ксендзом добраться до тюремных ворот; мы сидели на лестнице и ждали. Я пытался передать вещи внутрь, хотя официально это было запрещено. Здесь мое священническое облачение оказалось особенно полезным. Насколько я знаю, то, что я передал (с машинами скорой помощи), было получено заключенными»³.

Как пояснил иерей Георгий Глинский, который также находился у изолятора на Окрестина, люди положительно воспринимали священников. Тем более, православное духовенство взяло на себя еще одну миссию – посещение раненых в больницах. Пострадавшим предлагалась как духовная, так и материальная поддержка (предметы первой необходимости, в том числе еда и одежда)⁴. Судя по имеющейся информации, священники принимали решение о визитах, не дожидаясь формальных распоряжений архиереев, но исходя из необходимости христианской помощи людям, оказавшимся в бедственном положении. Особо следует отметить, что эта

¹ Мудров С. «Наши священники были у изоляторов на Окрестина». Об отношении Белорусской Православной Церкви к протестам. 06.09.2020. URL: <https://www.pravmir.ru/nashi-svyashhenniki-byli-u-izolyatorov-na-okrestina-ob-otnoshenii-belorusskoj-pravoslavnoj-czerkvik-protestam/> (дата обращения: 02.03.2021)

² Интервью с диаконом Дмитрием Павлюкевичем (по эл. почте). 31.08.2020.

³ Интервью со священником Александром Кухтой (по скайпу). 01.09.2020.

⁴ Интервью со священником Георгием Глинским (по телефону). 05.09.2020.

помощь предлагалась в ситуации, когда подобные действия могли быть неоднозначно восприняты представителями государственных структур.

Заключение

Белорусская православная церковь в условиях противостояния 2020 г. заняла взвешенную позицию, стремясь к сохранению мира и ненасильственному разрешению конфликта. Церковное руководство смогло принять и учесть тот факт, что среди верующих и духовенства БПЦ есть как сторонники, так и противники Лукашенко. Поэтому церковь старалась следовать «генеральной линии» умиротворения, признавая некоторые очевидные факты (насилие и жестокость на массовых демонстрациях и в изоляторах), но воздерживаясь от каких-либо политических оценок – например, о возможных фальсификациях на выборах или количестве голосов, полученных кандидатами в президенты.

Белорусские священнослужители в основном проигнорировали политические акции, но в то же время старались на словах и на деле поддерживать пострадавших и выступать против несправедливости. Символически это прозвучало в звоне церковных колоколов в гродненском Покровском соборе; практически воплотилось в помощи тем, кто находился в местах лишения свободы или в больницах. Заявления, имевшие политическую окраску, были очень немногочисленны. Наибольшую известность получила проповедь архиепископа Гродненского Артемия, подвергнувшего критике старшие поколения и официальный союз молодежи – БРСМ. Выступления критиков режима уравнивались публичной поддержкой Лукашенко отдельными представителями духовенства. Например, протоиерей Андрей Лемешонок возложил на «провокаторов» ответственность за насилие в Белоруссии в дни после выборов 9 августа. При этом в официальных заявлениях Синода БПЦ и его отделов звучали преимущественно призывы к молитве и покаянию, хотя говорилось и о необходимости надлежащего расследования всех случаев насилия и пыток.

Подтверждая важность молитвенного подвига, Синод ввел в богослужебный оборот специальные молитвы за мир и белорусский народ, читаемые во всех православных храмах Белоруссии. Очевидно, для БПЦ духовное понимание миссии Церкви оказалось в условиях кризиса на первом месте, оттеснив иные, в том числе политические мотивы.

Список литературы

Безнюк Д. (2006) Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь (социологический анализ). Минск: РИВШ, 2006. 216 с.

Ворса Д. (2016) Ретроспективный анализ нормативной правовой базы Республики Беларусь по вопросам взаимодействия государственных органов с Белорусской Православной Церковью в сфере образования. *Высшая школа*, № 4. С. 48–51.

Котляров И., Земляков Л. (2004). Республика Беларусь в конфессиональном измерении. Минск: Издательство МИУ. 231 с.

Низович Д. (2019) Предпосылки и содержание социально-культурной деятельности Православной церкви в Республике Беларусь. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. Минск: РИВШ. С. 380–388.

Озимко К. (2018) Образ Русской Православной Церкви в оппозиционных СМИ Белоруссии. *Наука, образование и культура*, № 8 (32). С. 56–58.

Уполномоченный по делам религий и национальностей (н.д). Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь. URL: <https://belarus21.by/Articles/1439296790> (дата обращения: 02.03.2021)

References

Bekus, N. (2016) On the political mission of Orthodoxy in Belarus and its consequences for the church and state, in Michal Wawrzonek, Nelly Bekus and Mirella Korzeniewska-Wiszniewska. *Orthodoxy Versus Post-Communism: Belarus, Serbia, Ukraine and the Russkiy Mir*. Cambridge Scholars Publishing.

Beznyuk, D. (2006) Gosudarstvenno-konfessional'nyye otnosheniya v Respublike Belarus (sotsiologicheskiy analiz) [State-confessional relations in the Republic of Belarus (sociological analysis)]. Minsk: RIVSH. 216 p.

Kotliarov, I. and Zemliakov, L. (2004). Respublika Belarus v konfessionalnom izmereniyi [The Republic of Belarus in Confessional Dimension]. Minsk: Izdatelstvo MIU. 231 pp.

Mudrov, S. (2017) Church-State relations in the post-Communist world: the cases of Belarus and Estonia. *Journal of Church and State*. Vol. 59, Issue 4, pp. 649–671.

Ozimko, K. (2018) Obraz Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v oppozitsionnykh SMI Belarusi [Image of the Russian Orthodox Church in the opposition mass-media of Belarus]. *Nauka, obrazovaniye i kultura*. No 8 (32), pp. 56–58.

Nizovich, D. (2019) Predposylki i sodержaniye sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti Pravoslavnoy tserkvi v Respublike Belarus [Preconditions and content of social and cultural activity of the Orthodox Church in the Republic of Belarus]. *Historical and psychological- pedagogical sciences: collection of research articles*. Minsk: RIVSH, pp. 380–388.

Pew Research Center (2017) Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. URL: <https://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe/> (accessed: 15.03.2021)

Upolnomochenny po delam religii i natsionalnostey. Informatsiya o konfessionalnoy situatsii v Respublike Belarus [Plenipotentiary on Religions and Nationalities. Information on confessional situation in the Republic of Belarus]. URL: <https://belarus21.by/Articles/1439296790> (accessed: 02.03.2021)

Vasilevich, N. (2015) Unequal by default: Church and state in Belarus in the period of consolidated authoritarianism, in 'Civil society in Belarus 2000–2015. Collection of texts'. East European Democratic Centre. Warsaw 2015, pp. 97–128.

Vorsa, D. (2016) Retrospektivnyy analiz normativnoy pravovoy bazy Respubliki Belarus' po voprosam vzaimodeystviya gosudarstvennykh organov s Belorusskoy Pravoslavnoy Tserkov'yu v sfere obrazovaniya [Retrospective analysis of the legal basis of the Republic of Belarus on the issues of interaction of governmental institutions with the Belarusian Orthodox Church in the sphere of education]. *Vysheishay shkola*, No 4, pp. 48–51.

The Orthodox Church, Elections and Protests in Belarus

Received 03.03.2021

Author: Mudrov S., Candidate of Science (Sociology), Associate Professor at the Department of Social Communications of Polotsk State University. **Address:** ul. Blokhina, 29, Novopolotsk, Republic of Belarus. **E-mail:** s.mudrov@psu.by

Abstract. The article analyzes the attitudes of the Belarussian Orthodox Church towards the election and the protest movement in Belarus. The 2020 presidential election, where A. Lukashenko's victory was declared with more than 80% of the popular vote, caused a mixed reaction in the Belarussian society. The mass protests occurred in the country; during the suppression of these protests, the facts of violence and cruelty on the part of the national security forces were recorded. The Belarussian Orthodox Church, being the most numerous religious organisation in Belarus, preferred in general to stay away from the political turmoil. None the less, some priests publicly expressed their political preferences; they also spoke about the need for fair elections and the inadmissibility of cruelty and violence. In the first weeks after the election, the Church chose the path of peacemaking, calling for an end to the violence, as well as providing active help to the victims. It is outlined that the actions and words of the representatives of the Belarussian Orthodox Church proceeded from the understanding that the mission of the Church is of a spiritual and social nature, while the political and ideological component cannot and should not have a priority character in this mission.

Key words: Belarussian Orthodox Church, Lukashenko, elections, protests, mission.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021161171>

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

УДК 327

Александр ШУМИЛИН

**ЭПОХА ТРАМПА: «ТОК-ШОУ»,
КОТОРОЕ ПОТряСЛО МИР**

Статья поступила в редакцию 18.05.2021

Аннотация. Настоящая статья представляет аналитический обзор фундаментального исследования российских авторов, посвященного причинам, времени и последствиям пребывания в Белом доме 45-го президента США Дональда Трампа. Его каденция оказалась уникальной в современной истории Америки: две процедуры импичмента, несколько массовых взрывов беспорядков на межэтнической почве и штурм Капитолия. И это все он – бизнесмен с сомнительными успехами, шоумен и, в конечном счете – первое лицо Америки. Президент «на интуиции», «несистемный» – без опыта работы в структурах госуправления, вполне преуспевший в углублении политико-идеологического раскола своей страны. Спустя почти год те американцы, которые 3 ноября 2020 г. голосовали за Трампа, продолжают говорить о нем в положительных тонах, а остальные – немногим больше половины от общего числа голосовавших – в резко отрицательных. Период нахождения Трампа в Белом доме требует многостороннего осмысления.

Ключевые слова: президентские выборы, трампизм, США, Евросоюз, популизм, новая нормальность.

Многосторонний и основательный анализ предлагают авторы коллективной монографии «Феномен Трампа» [Феномен... 2020]. Эта книга предельно актуальная и весьма познавательная. Ее можно рассматривать как тщательно документированную летопись четырех лет необычного президентства в Соединенных Штатах, а можно и как успешный продукт комплексного анализа причин появления такого феномена на вершине исполнительной власти этой страны. Отправная точка исследования выражена в словах научного редактора монографии, члена-корреспондента РАН А.В. Кузнецова: «Что бы ни говорили недоброжелатели Д. Трампа, особенно среди американцев, его появление на вершине власти США никоим образом *нельзя, на наш взгляд, считать случайностью* (выделено нами, – А.Ш.)» [Феномен... 2020: 7].

© Шумилин Александр Иванович – д.полит.н., главный научный сотрудник Отдела европейской безопасности, главный редактор Научно-аналитического вестника ИЕ РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** mideast@bk.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021172183>

Трамп в Белом доме: гримасы «новой нормальности»

Победа Д. Трампа в ноябре 2016 г. отнюдь не была легко предсказуемой. По голосам избирателей, заметим, Трампа опережала его соперница от Демократической партии Хиллари Клинтон, что дало основания для победной эйфории демократов в первые часы подсчета бюллетеней. На утро следующего дня, однако, перспектива преобладания демократов выглядела туманной. Несмотря на то что в итоге Клинтон набрала 59,94 млн голосов, а Трамп – только 59,71 млн, выборщики решили дело в его пользу. Таковы исторические особенности избирательной системы США: Клинтон получила всего 43% голосов коллегии выборщиков.

Поляризация давно стала привычной в этой стране с устоявшейся двухпартийной системой. Случай же с Трампом особый: уже в ходе кампании он позиционировал себя как «анти-Обама», обещая покончить с наследием предшественника. Это означало стартовую нацеленность нового президента на фактический раскол не только американского политикума, но и, как стало ясно позднее, многих страт американского общества.

Конечно, огромную роль в становлении Трампа как «президента, расколовшего Америку», сыграли его личные качества: например такие, как заносчивость, самолюбование. Сказалось и отсутствие политического опыта, восприятие им общественных процессов в логике сделок по бизнес-моделям. При этом в работе справедливо констатируется, что «не только Трамп меняет политический ландшафт американского социума, но и общество влияет на 45-го президента» [Феномен... 2020: 9].

Формально демократы и их сторонники согласились с итогом президентской кампании 2016 г., подвергнув, однако, сомнению не столько результаты голосования, сколько избирательную систему в целом¹. Произошедшее противники Трампа описывали такими словосочетаниями, как «дисфункция системы», «случайная аномалия» и, наконец, результат «инострannого вмешательства» (главным образом, российского). Авторы же монографии аргументированно расставляют акценты, опровергая роль случая в этой истории. И они правы: спектр причин, приведший к победе «нестандартного (несистемного) кандидата», самый широкий и в основном он связан с «неоднозначным наследием Обамы». Это и положение экономики на тот момент, и социальные проблемы, и положение США в международных альянсах², и сохранявшееся внушительное присутствие американских военнослужащих в конфликтных зонах (прежде всего, на Ближнем Востоке), это и деградация американского лидерства в западном сообществе и мировых делах [Травкина, 2018], да и многое другое.

¹ От 70 до 80% сторонников Демпартии выступают за изменение избирательной системы. См. <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/01/27/majority-of-americans-continue-to-favor-moving-away-from-electoral-college/> (дата обращения: 18.02.2021)

² Ford L., Goldgeier J. Who are America's allies and are they paying their fair share of defense? Brookings, December 17, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/policy2020/votervital/who-are-americas-allies-and-are-they-paying-their-fair-share-of-defense/> (дата обращения: 15.02.2021)

«Популист Трамп», как его обоснованно определяют авторы соответствующих разделов монографии, умело воспользовался некоторым разочарованием в обществе политикой Обамы, чтобы дискредитировать и ее реальные достижения. Например, команда 45-го президента старательно предавала забвению тот факт, что улучшение ряда базовых показателей в сфере экономики началось еще при Обаме и во многом благодаря его целенаправленным усилиям¹.

Одна из важных сторон феномена Трампа (без кавычек) сводится к манипулятивной тактике обыгрывания реального и вымышленного применительно практически ко всем аспектам его внутренней и внешней политики. Но многим это стало ясно уже после того, как он оказался у руля исполнительной власти в Вашингтоне. Преуспел же Трамп в избирательной гонке, подчеркивает А.В. Кузнецов, в результате реальных процессов, выразившихся в «фундаментальных общественно-политических сдвигах» [Феномен... 2020: 8]. Многостороннему и глубокому анализу состояния американского общества, экономики этой страны на момент избрания Трампа посвящена первая часть монографии.

Реальность, однако, такова, что, как отмечает д.э.н. Л.Ф. Лебедева, Трамп «пришел к власти на волне экономического подъема» [Феномен... 2020: 237]. Отмечая это благоприятное для 45-го президента обстоятельство, авторы статей монографии по экономической политике склонны положительно оценивать его личный вклад в этой сфере. Так, д.э.н. В.С. Васильев определяет Трампа как «главного экономиста своей администрации», «мощного демиурга» и «глашатая» ее экономического курса, как президента, в принципе способного «формировать новые закономерности» развития экономики США [Феномен... 2020: 188, 189, 216]. К.э.н. Л.М. Григорьев пишет, что «заслугой данного правительства дополнительно к мощным объективным факторам роста... стали действия администрации Трампа, которые создали стимулы для роста занятости и курсов акций» [Феномен... 2020: 235]. Аргумент экономической успешности и должен был обеспечить победу Трампа на выборах 2020 г., но пандемия основательно его девальвировала, полагает к.социол.н. М.А. Ядова [Феномен... 2020: 84].

В этой же части монографии подробно описываются особенности традиционно-го соперничества двух основных партий – Республиканской и Демократической. Излагая фактуру в этом ракурсе, к.полит.н. П.А. Шариков в своем разделе работы подчеркивает, что на выборах 2008 г. кандидат от Демократической партии Обама уверенно обошел республиканца Джона Маккейна во многом благодаря «леволиберальному антикризисному плану» [Феномен... 2020: 69]. Тезис, следует признать, значимый, но не получивший обобщения и развития в других статьях о «наследии Обамы». Тем самым, на наш взгляд, оказался недостаточно подкреплен и сформулирован еще более весомый постулат продолжающегося в США дискурса о том, что якобы «левый поворот» в политике администрации Обамы во многом и спровоцировал «переток» симпатий части избирателей от демократов к республиканцам в 2016 г. Таким образом, в монографии оказался смикшированным один из важнейших нарративов

¹ Трамп: такого мощного экономического роста в США не было никогда. Проверяем, так ли это, BBC.com, 20 октября 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45920241> (дата обращения: 15.01.2021)

тивов американского дискурса, а именно о том, что правый радикализм Трампа якобы стал «ответной реакцией» части общества на «левачество» Барака Обамы¹.

Между тем во многом именно на запугивании обывателя перспективой «со-скальзывания к социализму» и выстраивался образ Трампа – президента-популиста. Подробному анализу самого феномена популизма в США посвящена вторая часть коллективной монографии. А.Г. Володин и С.М. Хенкин объясняют всплеск восприимчивости к популизму в американском обществе сегодня усилением антиглобалистских и антиэлитных настроений: «Трамп победил, – пишут они, – благодаря протестному голосованию десятков миллионов граждан США против неолиберальной парадигмы глобализации и воплощаемой ею модели демократии, отдаляющей власть от людей с улицы, становящейся к ним все менее отзывчивой (хорошо известно: лишь 20% американцев «встроились» в процессы глобализации)». «Популист Трамп обращается одновременно и к правым, и к левым группам избирателей», – констатируют авторы статьи под названием «Феномен популизма: американское измерение» [Феномен... 2020: 98, 99].

Казалось бы, перечисленные параметры, как и изложенные авторами статьи другие проявления популистского инструментария Трампа, свидетельствуют о том, что 45-й президент заявил себя сторонником классики этого жанра (в статье показана история формирования данной модели политического поведения в США с момента появления Народной партии в 1891 г. и по сегодняшний день). Однако название всей второй части монографии – «"Новый популизм" и Дональд Трамп» – явно интригует читателя, озадаченного вопросом – а в чем, собственно, новизна популизма 45-го президента? Можно предположить, что под новизной авторы понимают вводимый ими термин «популизм власти»? Однако в подобном словосочетании не так много нового: явление это распространено сегодня в большинстве стран с авторитарными режимами, а также отчетливо заметно в «неустоявшихся демократиях», в том числе и в странах Европы. Дело в том, что неперемennым условием эффективности «популизма власти» был и остается контроль государства над большей частью медиаресурсов в стране. При демократии достичь этого труднее. Трамп же пытался (и временами небезуспешно) реализовать данное условие посредством ставки на социальные сети (прежде всего, Твиттер), стигматизировав ведущие американские СМИ как «носителей фейковых новостей».

Ясность в трактовку термина «новый популизм» привнес В.С. Авдонин. В своей статье он выделяет следующие критерии новизны: а) «рост влияния в политике многих стран в начале XXI в. популистских партий и лидеров, особенно правого толка, после экономической рецессии 2008–2009 гг.» (новая локация популизма в результате его смещения с периферии к центру мировой системы); б) сочетание праворадикальных и леворадикальных идеологических концептов и особой роли масс-медийной составляющей». Автор отмечает: «В более узком смысле он (термин, – А.Ш.) применяется рядом левых постмарксистских теоретиков для характеристики режима преобладания прямой демократии, противопоставляемого либе-

¹ Chait, J. The New Socialism Panic Is the Right's Trick to Justify Supporting Trump, New York magazine, May 22, 2019. URL: <https://nymag.com/intelligencer/2019/05/against-socialism-national-review-against-trump-obama-sanders-aoc.html> (дата обращения: 2.02.2021)

ральной демократии «позднего капитализма», пораженного «либеральным консенсусом» [Феномен... 2020: 124].

Термин «новый популизм» звучит привлекательно, но, по существу, он вряд ли безупречен: так, в отношении «новой локации» этого феномена – режимы Гитлера, Муссолини, Франко и Салазара, опиравшиеся на популизм, десятилетия существовали в центре Европы; они же демонстрировали в своих концептах сочетание правых и левых идеологических конструкций, а идея прямой демократии («подлинной, народной демократии для большинства») лежала в основе и политической практики в СССР, а сегодня остается незыблемой в Китае как инструмент легитимации политической системы Поднебесной. Фундаментальная проблема, пожалуй, в том, что популизм (классический) сегодня прорывается в пространство демократий, угрожая самим устоям этих политических систем. Это вторжение, судя по всему, и воплотил собой Трамп¹.

Делал он это через систему коммуникации, специфику которой подробно описал Е.А. Казак. Автор концентрирует внимание на медиалингвистических особенностях поведения 45-го президента, пытаясь найти ответ на вопрос, «в какой степени коммуникативная эксцентричность (Трампа, – А.Ш.) оказалась отвечающей наметившейся в обществе ситуации» [Феномен... 2020: 385]. На наш взгляд, особенно важен следующий вывод автора касательно «технологичности его коммуникативной стратегии»: «Популизм Трампа – скорее, популизм консервативного, традиционного толка, вполне согласный его лозунгу “Make America great again” В то же время консервативная идеология причудливым образом сочетается в речевой активности с техническим новаторством медийного аппарата и соответствующими дискурсивными приемами» [Феномен... 2020: 398]. Таким образом, популизм Трампа, согласно и Е.А. Казак, и автору этих строк, не столько «новый», сколько вполне традиционный, но вооруженный «новыми» медиа.

Упоминание роли и оценки сетевых коммуникаций в реализации политических установок Трампа проходит красной нитью через многие статьи монографии. Именно в ключе «Трамп и социальные сети» освещен в основном феномен взаимоотношений 45-го президента с информационной средой. Между тем сама эта проблема более многолика: по сути, впервые в американской истории глава Белого дома развернул словесную войну против традиционно могущественных национальных медиа. В работе уделено меньше внимания этой войне, хотя попытки 45-го президента подорвать влияние традиционных СМИ могут иметь серьезные последствия – и не только для США. С подачи Трампа, данная проблема начинает резонировать и в других странах. Более рельефно она выглядит на фоне сравнения медийного поведения Трампа с его предшественником Обамой – обе эти модели основательно изучались в последние годы российскими политологами [Шумилина, 2011; Кошкин, 2019].

Таковы некоторые важные параметры новой реальности, которая возникла под воздействием «феномена Трампа» во внутривнутриполитической жизни США. При всей

¹ На этом строится и антитеза мейнстрима политической культуры в сегодняшней Германии, согласно которой в ФРГ – в отличие от США – партии и лидеры популистского толка якобы не могут прийти к власти демократическим путем. См. подробнее главу 6.3 монографии (с. 497–510).

основательности приводимого в монографии анализа влияния 45-го президента на экономику, на американский политикум и социальную проблематику, остался недостаточно, на наш взгляд, освещенным такой аспект, как межэтнические и межрелигиозные отношения в стране. Между тем роль Трампа в эскалации напряженности в этой сфере оказалась за последние годы не только значительной, но и во многом определяющей. Число выступлений на расовой и этнической почве в США значительно возросло именно в годы правления 45-го президента, который прилагал немало усилий, чтобы сохранить преимущественное положение «белого большинства»¹. Апогеем протестного движения со стороны «небелых» стали масштабные беспорядки, оформившиеся весной–летом 2020 г. под лозунгом „Жизнь черных имеет значение» (Black Lives Matter). Они потрясли страну и стали одним из самых запоминающихся явлений «эпохи Трампа». Как, впрочем, и штурм Капитолия 6 января 2021 г. толпой, в которой заметно преобладали активисты праворадикальных группировок.

Внешняя политика: изоляционизм vs традиционализм

Большинство предшественников Трампа в Белом доме рассматривали внешнюю политику как инструмент обеспечения благоприятной внешней среды для концентрирования на по-настоящему приоритетных вопросах – внутриполитических и экономических. В случае с американским президентом акценты были смещены по причине того, что, как справедливо подчеркивает А.В. Кузнецов, «в основе большинства шагов президента Трампа (на международной арене, – А.Ш.) лежат главным образом экономические соображения» [Феномен... 2020: 400]. Это выражалось в особенностях его подхода к международным проблемам через логику бизнеса: 45-й президент был явно склонен рассматривать субъекты международных процессов и отношений в качестве потенциальных партнеров по «сделке» (это ключевое слово), а не многоплановых участников международных договоренностей. Сфера международных отношений воспринималась Трампом как среда, в которой, прежде всего, должны были решаться вопросы экономики и торговли с целью улучшить экономическое положение в самих США. Причем, решаться эти вопросы должны были быть порой путем ломки уже отлаженных процессов и пересмотра ранее заключенных договоренностей. Более того, получалось, что именно на такого рода трансформацию за пределами американских границ и был рассчитан главный лозунг 45-го президента – «America First» (вариант – «America Great Again»).

«Попытки ревизии международной системы при Д. Трампе» – таким заголовком открывается часть 5 монографии. В ней отражена главная мысль, которая, по замыслу составителей, должна проходить красной нитью через другие главы, включенные в эту часть монографии: Трамп пытается (намеренно или нет) перестроить международную систему. Здесь возникает вопрос: какие аспекты/элементы

¹ Balco, R. Trump spurred major shifts in public opinion on race, policing and protests — toward his opponents. The Washington Post, Feb.3, 2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/02/03/trump-blm-george-floyd-police-polls/> (дата обращения: 14.02.2021)

этой системы он намеревался трансформировать, а какие – сохранить в прежнем виде? Забегая вперед, можно утверждать, что по-настоящему пострадали от усилий администрации Трампа разве что системы и характер отношений США с их стратегическими партнерами и соседями – Евросоюзом, Канадой, Мексикой, Республикой Корея. Характер же отношений с «враждебной» средой в целом сохранялся прежним. Это касалось проблематики диалога с Россией, Китаем, странами Ближнего Востока, Африки и некоторых других.

Для примера кратко остановимся на одном из самых показательных актов администрации Трампа – выход из договоренностей с Ираном («ядерная сделка» – Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД)). Этим, казалось бы, «разрушительным» действием Трамп на самом деле попытался изменить тактический подход к ядерной проблеме Ирана, преследуя все те же цели, которые ставили перед собой участники СВПД (пять постоянных членов СБ ООН и Германия). А именно – добиться подписания второго дополнительного соглашения с Ираном или пересмотра нынешнего. Примечательно, что в рамках этого целеполагания намерена действовать и нынешняя администрация Джо Байдена, тактика которой на данный момент, впрочем, остается неясной¹.

В целом же вполне можно согласиться с оценкой Д.А. Красикова, который, анализируя международно-правовые аспекты деятельности администрации Трампа, отмечает в главе 5.2, что его отказ от участия в ряде многосторонних форматов международно-правового сотрудничества в пользу двусторонних инструментов регулирования отношений с иностранными партнерами «согласуется с провозглашаемыми Д. Трампом интересами США в сфере внутренней политики» [Феномен... 2020: 424].

Проблематика, связанная с контролем над вооружениями и режимом нераспространения ядерного оружия, освещена в главе 5.5 А.М. Понамаревой. Сосредоточенность этих вопросов только в одной главе выгодно отличает данную монографию от многих других работ российских авторов по США, в которых стратегической стабильности чаще всего отводится намного больше места, чем она того порой заслуживает. Показательно, что и автор этой главы считает, что кризис системы контроля над вооружениями обусловлен «не только и не столько действиями отдельных глав государств, но общей перестройкой глобальной системы безопасности» [Феномен... 2020: 453].

По мнению Понамаревой, «в области контроля над вооружениями 45-й президент США не инициировал кардинальных переворотов. Он просто довел начатое предшественниками до логического завершения. Его политика ... стала воплощением этики унилатерализма» [Феномен... 2020: 464].

Вместе с тем нельзя не обратить внимание и на еще более значимый вывод автора о том, что «оплакивая систему контроля над вооружениями, доставшуюся нам в наследство от долгого мира холодной войны, не следует забывать, что у международного сообщества есть опыт успешного существования и без подобного рода договоренностей. Достаточно вспомнить период до Карибского кризиса и появле-

¹ Goldberg R., Dubowitz M. Why Biden's Plan to Rejoin the Iran Deal Makes No Sense. Foreign Policy, January 8, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/08/biden-iran-nuclear-deal-sanctions-uranium-enrichment/> (дата обращения: 01.02.2021)

ния тандема Кеннеди–Хрущева... Подписанный ими на посткризисной волне Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах 1963 г. не имел механизмов верификации, но при этом соблюдался» [Феномен... 2020: 465]. Главный акцент в своем видении проблематики автор делает на вере в рационализм действующих политиков, на их готовности запастись «стратегическим терпением».

Логически и концептуально важной для всей монографии является часть 6 – «Трансформация политики США при Трампе на европейском направлении». Применительно к этой проблематике вполне оправданы упомянутые выше определения в стиле «ревизионизма». Хотя автор главы 6.1 к.и.н. Т.Г. Пархалина предпочитает употреблять осторожный термин «непредсказуемость», вполне правомерны и такие параметры анализа, которые подводят к мысли о системности шагов Трампа в этой области. Например, поощрение его администрацией брекзита, предпочтительные союзнические отношения со странами Центральной и Восточной Европы в ущерб традиции фундаментального взаимодействия с «моторами» европейской интеграции (Францией, Германией, Италией), эскалация отношений с ФРГ, растущее взаимопонимание с «ситуативным оппонентом» Евросоюза – Турцией и т.д. Эти проявления политики Трампа в отношении Европы стали устойчивыми и – повторим – системными, что вызывало мало скрываемое даже за дипломатическими формулами возмущение представителей истеблишмента в Брюсселе и в ведущих столицах ЕС¹. Ярko и образно выразил глубину этого возмущения работающий в США известный германский аналитик Карл Кайзер. Он сказал так: «Двух лет (правления, – А.Ш.) Трампа оказалось достаточно для того, чтобы большинство французов и немцев начали больше доверять России и Китаю, чем Соединенным Штатам»².

Т.Г. Пархалина приходит к ряду важных и обоснованных выводов. Один из них таков: «Былая атлантическая солидарность, базирующаяся на определенной системе ценностей, будет меняться в сторону большего прагматизма со стороны Вашингтона, который и при Трампе, и после него, будет заинтересован в том, чтобы снять с себя часть бремени по защите Европы от реальных и мнимых угроз» [Феномен... 2020: 482]. Добавим, что эта тенденция начала проявляться в политике Вашингтона задолго до Трампа. При 45-м же главе Белого дома она стала во многом определять характер трансатлантического партнерства. В результате отношения между союзниками по обе стороны Атлантики осложнились до такой степени, что трудно себе представить их декларированное Байденом возвращение «к прежним временам». Речь, скорее, может идти о «новой нормальности», при которой стороны будут опираться на прежние ценностные основы, но при этом учитывать новые реалии в их взаимоотношениях, возникшие за время правления Трампа.

Важным фактором, влияющим на отношения трансатлантических партнеров, становится и «синдром возвращения Трампа», – опасения европейских политиков повторения феномена победы на выборах в США кандидата-популиста в духе Трампа (или даже возвращения его самого в 2024 г.). Иными словами, «необходи-

¹ Erlanger, S., Bennhold, K. Rift Between Trump and Europe Is Now Open and Angry. The New York Times, Feb. 17, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/17/world/europe/trump-international-relations-munich.html> (дата обращения: 14.02.2021)

² Ibidem.

мость подстраховаться от аналога Трампа в Белом доме», несомненно, будет сказываться на процессе эволюции трансатлантического партнерства [Шумилин, 2020].

Удачный ракурс для трактовки комплекса вопросов, связанных с позицией 45-го президента относительно выхода Великобритании из Евросоюза, выбрала автор главы 6.2 к.филос.н. Е.В. Ананьева, сделавшая акцент на разительном контрасте в его подходе к данной проблеме с таковым у Обамы. Эти два подхода полярно противоположны. Неординарным, но достаточно обоснованным выглядит и следующий вывод автора: «Представляется, что, осознавая снижение роли США в мире, президент Трамп счел выгодным снизить мощь ЕС, а потому поддерживал выход Британии из этого интеграционного объединения, предпочитая иметь дело с неизбежно более слабыми (по сравнению с США) отдельными странами, а не из уважения к суверенным национальным государствам» [Феномен... 2020: 496].

Если президентство Трампа совпало с преобладанием евроскептиков в британском политикуме, что способствовало взаимопониманию между Вашингтоном и Лондоном по многим вопросам, то прямо противоположная ситуация сложилась в этот период в отношениях между США и ФРГ. Ее основательно проанализировала в своей главе 6.3 С.В. Погорельская. Описав особенности восприятия немцами политики и мировоззрения 45-го президента США, автор делает вывод, что «Германия извлекает внешнеполитическую и внутриевропейскую выгоду из трампизма, показывая, что она – не такая, как трамповская Америка, и никогда не будет такой. Политику ценностей она демонстративно противопоставляет трамповской политике интересов» [Феномен... 2020: 509].

Автор также справедливо подчеркивает, что отторжение немцами Трампа и трампизма отнюдь не означает поощрения антиамериканизма. Более того, в Германии негативно восприняли громкое заявление Трампа о его намерении вывести значительную часть американского контингента с территории этой страны. Заморозив это решение предшественника, Джо Байден направил вполне однозначный сигнал Берлину о своем намерении восстановить особый характер американо-германских отношений¹.

Автор главы 6.4 В.Н. Чернега концептуально точно выстроил анализ отношений между Вашингтоном и Парижем в период президентства Трампа, поставив во главу угла проблему столкновения, по сути, великодержавных курсов правящих политических кругов в обоих государствах. «Э. Макрон, перенесший голлистские представления о „державности” и суверенитете на уровень ЕС, сразу же выказал себя убежденным сторонником превращения ЕС в мировой „центр силы”, способный противостоять другим „центрам”, в том числе США», – констатирует автор [Феномен ... 2020: 511]. Установка на продвижение им идеи углубления «самостоятельности ЕС», на создание «европейской армии», которая защищала бы Евросоюз от Китая, России и США (что было воспринято в Вашингтоне как «оскорбление») во многом объяснялась и усилением амбиций, связанных с тем, что после завершения брекзита Франция остается единственным ядерным государством в ЕС. Немало вы-

¹ Cooper, H. Biden Freezes Trump's Withdrawal of 12,000 Troops from Germany, The New York Times, Feb. 12, 2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/02/04/us/politics/biden-germany-troops-trump.html> (дата обращения: 01.03.2021)

сказываний Э. Макрона в «суверенистском» стиле (отчасти в контексте противостояния во Франции с «суверенистами» во главе с Марин Ле Пен) провоцировали скандальные ситуации не только с Вашингтоном, но и с Берлином (например, его громкое заявление о «смерти мозга НАТО»)¹. Автор приходит к обоснованному выводу, что «отмечаемое Макроном ослабление западной гегемонии в мире побуждает олицетворяемое им течение искать альтернативу равнению на американского союзника (т.е. на США, – А.Ш.). Однако уже сейчас можно сказать, что оно не носит конъюнктурного характера» [Феномен... 2020: 522]. Отметим, что тенденция к утверждению «европейской самостоятельности» через дистанцирование от Вашингтона стала одной из составляющих конструкции «новой нормальности», которая формировалась во многом под воздействием политики Трампа в отношении ЕС.

Бизнес-подход к международным делам, перераставший время от времени в торговые войны на самых разных направлениях (с Канадой, Мексикой, Евросоюзом, Китаем), стал одной из преобладающих характеристик внешней политики администрации Трампа². По отношению же к странам, обозначенным в качестве противников США (в частности, к Китаю, Ирану и России), он сопровождался комплексом мероприятий из разряда стратегического сдерживания. Одержимость 45-го президента избавиться от внешнеполитического наследия своего предшественника Обамы обернулась усилением противостояния Вашингтона с Пекином и Тегераном (в меньшей степени с Москвой). Парадокс, однако, в том, что бенефициарами этого противостояния – как минимум в экономическом плане – становятся страны Евросоюза. Они попытались сохранить минимальный уровень торговли с Ираном через систему INSTEX (этот механизм часто именуют европейским проектом дедолларизации³), а КНР в 2020 г. вышел на первое место в списке важнейших торговых партнеров ЕС, опередив США⁴. Несмотря на давление Вашингтона, Германия также продолжает реализацию совместного с Россией энергетического проекта «Северный поток – 2».

Выводы

Для мира феномен Трампа обернулся всплеском торговых войн, «новой нормальностью» в отношениях Вашингтона с союзниками и партнерами, выходом США из ряда значимых международных соглашений, а также усилением их кон-

¹ Assessing Emmanuel Macron's apocalyptic vision. Economist, Nov. 7, 2019. P. 1. URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/11/07/assessing-emmanuel-macrons-apocalyptic-vision> (дата обращения: 01.03.2021)

² Paramuk, J. It's not just China: Trump's trade war is raging on several fronts, CNBC, 13/05/2019. URL: <https://www.cnbc.com/2019/05/13/trump-carries-out-tariff-trade-wars-with-china-eu-canada-and-mexico.html> (дата обращения: 03.03.2021)

³ Шитов А. "INSTEX — это дедолларизация". Как "евротройка" бросает вызов США ради сделки с Ираном. ТАСС, 19.02.2019. URL: <https://tass.ru/opinions/6134800> (дата обращения: 21.02.2021)

⁴ Объем внешнеторгового товарооборота ЕС с КНР в 2020 г. составил 586 млрд евро. Объем торговли ЕС с США за тот же период достиг 555 млрд евро. См. <https://www.dw.com/ru/kitaj-stal-vazhnejshim-torgovym-partnerom-es/a-56574955> (дата обращения: 17.02.2021)

фронтации со странами—«противниками». Все это, несомненно, повысило градус военно-политической напряженности в мире, стало ударом по существующей системе международных отношений, попыткой ее, как отмечается в монографии, ревизии с целью утверждения американского доминирования. Такова реальность. Главный вывод состоит в следующем: подобно тому, как американские общество и политическая среда смогли «переварить» Трампа, устояла под ударами 45-го президента США и мировая система политических и экономических отношений. Многочисленные расхождения между громкими фразами и реальными делами – неотъемлемая характеристика его администрации. Не удивительно, что не только в странах Востока (Китай, Иран), но и в США оппоненты нередко называют его «бумажным тигром»¹.

Америка и мир пережили президентство Дональда Трампа. Удастся ли преодолеть последствия трампизма – определенной системы взглядов, круто замешанной на популизме? Монография «Феномен Трампа» – первый в российской историографии значимый вклад во всестороннее изучение данного явления.

Список литературы

Кошкин П.Г. (2019) Американская журналистика и постправда. Москва: «Весь Мир». – 288 с. ISBN 978-5-7777-0796-3

Россия и США в XXI веке. Особенности отношений (2020) Под ред. Т.А. Шаклеиной. Москва: «Аспект Пресс». – 352 с. ISBN 978-5-7567-1066-3.

Травкина Н.М. (2018) США: меняющийся алгоритм развития. Москва: «Весь Мир». – 264 с. ISBN 978-5-7777-0752-9

Феномен Трампа: монография. (2020) Под ред. А.В. Кузнецова, Москва: ИНИОН. – 642 с. ISBN 978-5-248-00968-8

Шумилин А. И. (2020) ЕС–США: на пути к «новой нормальности», *Современная Европа*, № 5. С. 54–64. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520205464>

Шумилина И.В. (2011) За кулисами Обамагии: искусство убеждать американцев и мир (О роли СМИ и PR в формировании образа главы Белого дома и оправдании его внешней политики). Москва: «Русь-Олимп». – 223 с. ISBN: 978-5-9648-0347-8

References

Assessing Emmanuel Macron's apocalyptic vision. (2019) *Economist*, Nov. 7, 2019. P. 1.

Balco, R. (2021) Trump spurred major shifts in public opinion on race, policing and protests – toward his opponents. *The Washington Post*, Feb.3, 2021.

Chait, J. (2019) The New Socialism Panic Is the Right's Trick to Justify Supporting Trump, *New York magazine*, May 22, 2019.

Cooper, H. (2021) Biden Freezes Trump's Withdrawal of 12,000 Troops From Germany, *The New York Times*, Feb. 12, 2021.

Erlanger, S., Benthold, K. (2019) Rift Between Trump and Europe Is Now Open and Angry. *The New York Times*, Feb. 17, 2019.

Fenomen Trampa: monografiya [The Trump Phenomenon: Monograph]. (2020) Pod red. A.V. Kuznetsova. INION. Moscow. 642 p. ISBN 978-5-248-00968-8 (in Rus.).

Ford LW, Goldgeier J. Who are America's allies and are they paying their fair share of defense? *Brookings*, December 17, 2019.

¹ Nexon, D. Trump's a Paper Tiger, and Everyone Knows It, *The Atlantic*, October 17, 2-19. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2019/10/trumps-foreign-policy-disaster/600181/> (дата обращения 05.01. 2021)

Goldberg R., Dubowitz M. Why Biden's Plan to Rejoin the Iran Deal Makes No Sense. *Foreign Policy*, January 8, 2021.

Koshkin P.G. (2019) *Amerikanskaya zhurnalistika i postpravda*. [American Journalism and Post-Truth]. «Ves Mir». Moscow. 288 p. ISBN 978-5-7777-0796-3 (in Rus.).

Nexon, D. Trump's a Paper Tiger, and Everyone Knows It, *The Atlantic*, October 17, 2–19.

Paramuk, J. It's not just China: Trump's trade war is raging on several fronts, *CNBC*, 13/05/2019.

Rossiya i SShA v XXI veke. Osobennosti otnošeniy [Russia and the USA in the XXI century. Features of relations]. (2020) Pod red. T.A. Shakleinoi. «Aspekt Press». Moscow. 352 p. ISBN 978-5-7567-1066-3. (in Rus.).

Shitov A. (2019) "INSTEX — eto dedollarizatsiya". Kak "evrotroyka" brosayet vyzov SShA radi sdelki s Iranom. *TASS*. 19.02.2019.

Shumilin A.I. (2019) Evrosoyuz v poiskakh novoy roli na Blizhnem Vostoke [The EU's search for a new role in the Middle East]. *Sovremennaya Evropa*. No 3, pp. 25–35. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320192535> (in Rus.).

Shumilin A. I. (2020) ES-SShA: na puti k «novoy normalnosti» [European Union – USA: On the Way to a “New Normality”]. *Sovremennaya Evropa*. No 5, pp. 54–64. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520205464> (in Rus.).

Shumilina I.V. (2011) *Za kulisami Obamamanii: iskusstvo ubezhdad amerikantsev i mir (O roli SMI i PR v formirovanii obraza glavy Belogo doma i opravdaniy ego vneshney politiki)*. [Behind the Scenes of Obamamania: The Art of Persuading Americans and the World (On the Role of Media and PR in Shaping the Image of the Head of the White House and Justifying His Foreign Policy)]. "Rus-Olimp". Moscow. 223 p. ISBN: 978-5-9648-0347-8 (in Rus.).

Trump: takogo moshchnogo ekonomicheskogo rosta v SShA ne bylo nikogda. *Proveryayem. tak li eto*. *BBC.com*. 20 oktyabrya 2018.

Travkina N.M. (2018) SShA: menyayushchiysya algoritm razvitiya. [USA: A Changing Development Algorithm]. «Ves Mir». Moscow. 264 p. ISBN 978-5-7777-0752-9 (in Rus.).

The Trump Era: The Talk-Show that Shook the World

Received 18.05.2021

Author: **Shumilin A.**, Doctor of Science (Politics), Chief Researcher, Head of the Center «Euro-Atlantic – the Middle East» of the European Security Department, Editor-in-Chief of the Scientific Analytical Herald at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** mideast@bk.ru

Abstract. This article aims to review a fundamental study by Russian authors of the causes, course and consequences of the 45th US President's stay in the White House. His cadence turned out to be unique in modern American history: two impeachment procedures, several massive explosions of interethnic riots, and finally the storming of the Capitol. This is him – a businessman with dubious success, a showman, and ultimately – the first person of America. The president is called "on intuition", "non-systemic" – without experience in government structures. However, he was quite successful in deepening the political and ideological divide in his country. And today, almost a year later, those Americans who voted for D. Trump on November 3, 2020 continue to speak of him in positive tones, and the rest – a little more than half of the total number of those who cast their votes – do it in sharply negative manner. The period of the 45th president's stay in the White House requires comprehensive understanding.

Keywords: Donald Trump, Hillary Clinton, Barack Obama, USA, European Union, populism, new normality.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021172183>

УДК 327

Иван СКРИПКА

ЭЛЕКТРОННЫЕ СМИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ПОЛИТИКЕ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

Статья поступила в редакцию 02.06.2021

Аннотация. В статье проанализирована взаимосвязь политического процесса и развития «новых» средств массовой информации, под которыми подразумевают, прежде всего, социальные сети. Электронные медиа стали вызовом для сложившихся отношений в мировой и региональной политике. В связи с этим ряд государств (Белоруссия, Россия, Великобритания) и надгосударственные структуры (Европейская комиссия, ООН) вырабатывают цифровое законодательство для контроля за онлайн-пространством. Многие европейские политики и политические партии активно используют интернет-ресурсы и микротаргетинг для привлечения избирателей. Задача правительств и исследователей в этой сфере заключается в том, чтобы выявить плюсы и минусы наступившей «цифровой эры» и разработать план интеграции новых технологий в привычный политический процесс. Сделан вывод, что страны Евросоюза и другие государства находятся на стадии разработки единых правил регулирования интернета, а тенденция к формированию единого правового поля сочетается с принятием законодательства на национальном уровне, поскольку данная сфера затрагивает вопросы безопасности и суверенитета.

Ключевые слова: «новые» СМИ, цифровое законодательство, Европейская комиссия, Испания, Великобритания, Норвегия, протесты, избирательный процесс.

Влияние «новых» СМИ и других электронных средств коммуникации на общественно-политические процессы вызывает беспокойство в мире. Власти разных стран ведут дискуссию о выработке и изменении цифрового законодательства. Например, в апреле 2019 г. правительство Британии приняло Белую книгу «О вредоносном контенте онлайн» («*Online Harms White Paper*»)¹. В ней было закреплено требование к технологическим компаниям защищать интересы пользователей, а на социальные СМИ возлагалась ответственность за достоверность распространяемого контента. Другим важным аспектом стал контроль за иностранным влиянием на

¹ On-Line Harm White Paper. 2019 г. URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/online-harms-white-paper/online-harms-white-paper#executive-summary> (дата обращения: 30.08.2021)

демократический избирательный процесс [Европа в поиске..., 2020: 65–66]. На основе этого документа 12 мая 2021 г. правительство подготовило проект закона «О безопасности в Интернете» («*Online Safety Bill*»)¹.

Летом 2020 г. Евросоюз выдвинул инициативу о разработке Закона о цифровых услугах (DSA)². 15 декабря 2020 г. Европейская комиссия опубликовала пакет законодательных инициатив, включая Закон о цифровых рынках (DMA)³. Главная цель – модернизация контроля за электронной торговлей и разработка правил, регулирующих контент, прозрачность рекламы и правдивость информации. В ходе обсуждения законопроект периодически сталкивался с критикой (например, с требованием установить четкие определения вредоносного контента), в связи с чем его отправляли на доработку. По прогнозам экспертов, закон будет принят лишь через полтора года⁴. В то же время в феврале 2021 г. члены Европейского парламента (ЕП) призвали ускорить принятие законодательства, касающегося «новых медиа», объясняя это необходимостью контроля за интернет-пространством со стороны демократических институтов.

Ранее ЕП вводил законодательные меры против вмешательства в выборы с помощью соцсетей, в частности, после скандала 2018 г. вокруг «Фэйсбук» и компании «Кэмбридж Аналитика». По результатам расследования было выявлено, что личные данные пользователей социальной сети попадали в кембриджскую компанию с помощью приложения «Это наша цифровая жизнь» (*thisisyourdigitallife*). Инцидент привлек особое внимание Европейского парламента. Сообщалось, что эти данные могли повлиять на результаты референдума о членстве Британии в ЕС. Компания, в частности, объясняла, как именно использовать персональные данные для влияния на поведение избирателей⁵. Кроме того, в 2019 г. проходили выборы в Европарламент, поэтому принятие мер по регулированию социальных сетей стало частью защиты этих выборов от вмешательства. В результате на социальные сети распространялись обычные правила предвыборных кампаний: прозрачность и границы расходов, соблюдение предвыборного молчания и равное отношение к кандидатам [Потемкина, 2019].

В странах СНГ также адаптируют законодательство, регулирующее информацию в интернет-сфере. Так, в РФ 18 марта 2019 г. были приняты два закона⁶,

¹ Draft Online Safety Bill, 2021 г. URL:

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/985033/Draft_Online_Safety_Bill_Bookmarked.pdf (дата обращения 30.08.2021)

² The Digital Services Act: ensuring a safe and accountable online environment. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act-ensuring-safe-and-accountable-online-environment_en (дата обращения: 08.05.2021)

³ The Digital Markets Act: ensuring fair and open digital markets. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-markets-act-ensuring-fair-and-open-digital-markets_en (дата обращения: 08.05.2021)

⁴ Плексида Е. Новости Евросоюза: Закон о цифровых услугах. ICANN. 15.07.2020. URL: <https://www.icann.org/ru/system/files/files/ge-004-15jul20-ru.pdf> (дата обращения: 08.05.2021)

⁵ Bulletin Quotidien Europe, 05.06.2018.

⁶ Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях", 2019 г. URL:

предусматривающие запрет на публикацию в СМИ и интернете недостоверной общественно значимой информации, а также информации, оскорбляющей общество, государство, органы власти и государственные символы. Президент Белоруссии А. Лукашенко 24 мая 2021 г. подписал закон о внесении изменений в законодательство о СМИ¹. Решение было принято на фоне протестов белорусской оппозиции после президентских выборов 2020 г. В результате был введен запрет на публикацию опросов общественного мнения, касающихся общественно-политической ситуации и проведенных без соответствующей аккредитации. СМИ лишили права размещать гиперссылки на материалы, распространение которых запрещено. Прокуратура получила право ограничивать доступ к интернет-ресурсам, через которые распространяется информация, направленная на пропаганду экстремистской деятельности или способная нанести вред национальным интересам.

В современной российской науке термином «новые» СМИ определяют все, что связано с интернетом и взаимодействием между технологией, изображениями и звуком [Манович, 2018: 46]. Другое определение «новых» СМИ оценивает их как приложения любого типа, предназначенные для передачи информации с помощью цифровой техники, компьютерных систем и сетевых баз данных. Помимо этого, существует мнение, что под «новыми» СМИ можно подразумевать динамичное сетевое образование, включающее в себя как сбор, обработку и распространение информации, так и функцию удобной обратной связи между аудиторией и автором, а также способность связывать людей друг с другом и обмениваться огромным объемом данных [Каминченко, 2013: 140]. Эти определения характеризуют новый феномен с позиций структурно-функционального подхода.

В рамках данной статьи мы рассматриваем «новые» СМИ (или «новые медиа») как формы коммуникации, которые способствуют созданию, распространению информации, в том числе общественно-политической, на электронных платформах и в социальных сетях [Балуев, Каминченко, 2016: 155].

Цифровые средства массовой информации имеют большое значение для современного демократического управления и политической практики. Они влияют на способы работы государственных институтов и формы общения политических лидеров между собой и с избирателями. Кроме того, «новые» СМИ изменяют роль журналистов в политической системе, способы проведения выборов и форму участия граждан в политике. Задача настоящей статьи – проанализировать взаимосвязь политического процесса и развития «новых» средств массовой информации на европейском опыте.

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180010?index=0&rangeSize=1> (дата обращения 30.08.2021); Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ "О внесении изменения в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", 2019 г. URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180022?index=0&rangeSize=1> (дата обращения 30.08.2021)

¹ Закон Республики Беларусь 24 мая 2021 г. № 110-3 «Об изменении законов по вопросам средств массовой информации», 2021 г. URL:

<https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100110&p1=1> (дата обращения 30.08.2021)

Угрозы и достоинства «новых медиа»

Появление «новых» СМИ усложнило устоявшуюся политическую медиасистему. Традиционные средства массовой информации (газеты, радиопередачи, новостные телепрограммы) вынуждены сосуществовать с новыми источниками информации. Разница подходов состоит в том, что традиционные медиа поддерживают относительно стабильные форматы, а «новые медиа», которые включают веб-сайты, блоги, цифровые приложения и социальные сети, постоянно развиваются, благодаря появлению новых технологий [Stroud, 2011].

Принятие законодательства в этой сфере продиктовано потенциальными угрозами электронных СМИ и отсутствием возможности контроля над ними.

Во-первых, «новые» СМИ способствуют развитию «постправды». Под этим термином понимают обстоятельства, в которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем воздействие на эмоции и личные убеждения» [Чугров, 2019: 46]. Это явление представляет собой информационный поток, который намеренно создается в современном обществе с помощью СМИ для формирования виртуальной реальности для манипуляции общественным сознанием [Николаевич, 2018].

Иллюстрацией концепции журналистики «постправды» является рост количества фейковых новостей. Современное понимание этого термина сложилось в ходе президентской кампании 2016 г. в США. Оно стало ассоциироваться с вымышленными историями, которые выглядели как настоящие новостные статьи. Эти истории распространялись на веб-сайтах, которые имели вид новостных платформ или авторитетных блогов. Наибольшее число фальшивых новостей появлялось о Хилари Клинтон. Два из наиболее популярных сюжетов утверждали, что Клинтон продавала оружие «Исламскому государству»¹, третий – что папа римский поддержал кандидатуру Трампа на пост президента США (что было опровергнуто самим понтификом)².

Людям становится трудно отличить актуальные новости о серьезных политических проблемах от сопутствующей шумихи, которая пронизывает СМИ. Качественные журналистские расследования затмевают потоки скандалов, которые занимают большое место в «новых» медиа. Например, в ходе кампании накануне референдума 2016 г. в Соединенном Королевстве организация «Голосуй за выход» (*Vote Leave*) неоднократно заявляла, что членство в ЕС обходится британцам в 350 млн ф.ст. в неделю. Многие СМИ не стали проверять эти данные. Институт фискальных исследований назвал эту сумму «заведомо неверной» [d'Ancona, 2017: 104], но сторонники брекзита продолжали использовать их до голосования.

Во-вторых, современная система онлайн-СМИ способствует падению качества выпускаемого продукта как в интернете, так и в традиционных источниках. Новости, распространяемые через электронную сеть, охватывают большой диапазон данных – от основанных на фактах расследований профессиональных журнали-

¹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

² Ritchie H. Read all about it: The biggest fake news stories of 2016. CNBC. 30.12.2016 .URL: <https://www.cnbc.com/2016/12/30/read-all-about-it-the-biggest-fake-news-stories-of-2016.html> (дата обращения: 19.06.2021)

стов до провокационных измышлений или «альтернативных фактов»¹. Основной целью СМИ стало привлечение любой аудитории для получения рекламных контрактов. С этой целью авторы используют скандальные новости и провокационные высказывания политиков и экспертов.

Третья опасность «новых» СМИ – использование их как площадки для продвижения своих взглядов запрещенными организациями или политическими силами, готовящими социальные потрясения (перевороты, забастовки и т.д.). Электронные медиа помогают подобным организациям выступать координаторами и сохранять анонимность, а также во многих случаях не требуют личного участия организаторов. Проблема заключается в том, что, не имея устоявшегося цифрового законодательства, государство часто не может отслеживать такие противоправные действия и наказывать за них.

Технологии электронных медиа впервые наиболее масштабно проявили себя в американской политике, поэтому именно в США сложились основные концепции, раскрывающие их суть. Одним из критиков «новых» СМИ выступает Диана Оуэн, профессор кафедры политологии в Университете Джорджтауна. В своих работах она сформулировала идею «популизма новых медиа» [Owen, 2018]. Эта теория заключается в том, что современные медиа снижают порог входа читателей и авторов, предоставляющих информацию. Подобная ситуация ведет к бесконтрольной борьбе за аудиторию, которая провоцирует популистские материалы.

Другой точки зрения придерживаются такие исследователи, как Г. Рейнгольд, М. Андреевич и Д. де Керкхов. Согласно их выводам, социальные сети и интернет-ресурсы способствовали распространению политической информации, которая становится альтернативой основным СМИ, носит централизованный характер и имеет высокий порог вхождения [Andrejevic, 2013: 128–129].

Французский социолог Деррик де Керкхов описал новую технологию в СМИ как «осуществление мечты Карла Маркса в интернете» [de Kerckhove, 2015: 57]. Такой вывод он объяснил тем, что в сетевом обществе реальная передача власти происходит от производителя (авторы, издания) к потребителю (блогер–любитель, авторы комментариев под статьями), что способствует естественному перераспределению контроля и власти.

Другая важная дискуссия касалась того, способствуют ли электронные СМИ развитию демократии или создают новый инструмент цензуры и авторитаризма.

Теория о переходе «власти» от производителей контента к получателю оспаривается на основании данных международного опроса новостного агентства Рейтер (*Reuters*)², которые показывают, что аудитория электронных медиа в основном является пассивной, а контент создает небольшое количество пользователей. Таким образом, контроль над дискурсом осуществляет малое количество людей, которые определяют повестку и могут подвергаться влиянию различных сил.

Ряд исследователей (например, Т. Филер и Р. Фредхейм) считают, что воздействии социальных сетей и электронных ресурсов в разных странах отличается [Filer, Fredheim, 2016]. При этом форма подачи информации и тон «новых медиа»

¹ Graham D. *Alternative Facts*: The Needless Lies of the Trump Administration. The Atlantic. 22.01.2017. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/01/the-pointless-needless-lies-of-the-trump-administration/514061/> (дата обращения: 19.06.2021)

² Newman, N.; Levy, D. (2013) "Reuters Institute Digital News Report 2013".

часто зависит от внутривнутриполитических структур. Так, в демократически развитых странах интернет-СМИ имеют большую свободу. В авторитарных странах государство осуществляет контроль над цифровым пространством, создавая видимость политического разнообразия в информации.

«Новые медиа» в политическом процессе

По мере развития интернет-технологий и признания «новых медиа» полноценным политическим субъектом в европейских странах накапливается уникальный опыт. Для понимания роли электронных СМИ в политическом процессе Европы были проанализированы разные явления: общий уровень использования «новых медиа» гражданами, технологии протеста и использование во время избирательных кампаний.

Во-первых, интересно обратиться к сравнительному исследованию М. Салдана и Ш. Макгрегора, в котором они провели анализ чтения электронных средств массовой информации в США и Британии [Saldaña et al., 2015]. В этой работе приведены результаты одинаковых социальных опросов в обеих странах и статистические показатели политического участия граждан.

Это исследование позволяет сделать ряд выводов об использовании «новых» СМИ британцами. Жители Соединенного Королевства, согласно опросам, менее глубоко погружаются в содержание политических новостей, нежели американцы. Подобная тенденция, по наблюдениям профессора Университета Калифорнии Даниэля Халлина и профессора Университета Перуджи Паоло Манчини, характерна для европейского континента, где люди довольствуются поверхностным знанием о ситуации в стране и мире [Hallin, Mancini, 2014]. В результате британцы имеют менее высокую политическую грамотность, чем американцы, несмотря на большую популярность СМИ¹. Другой вывод касается влияния «новых медиа» на политическое участие граждан. Существует тенденция к снижению активности избирателей. Результатом стала низкая явка на выборах, отсутствие общественной дискуссии при принятии политических решений. Более половины респондентов в Соединенном Королевстве объясняют свое нежелание участвовать в общественной жизни отсутствием времени и сложностью первичного входа. Падение политической активности прекратилось только с развитием «новых» СМИ и интернет-технологий в 2010-х гг. В Соединенном Королевстве 38% жителей принимают участие в политике только через электронную форму². Британцы отмечают, что они готовы больше влиять на политику, если это возможно осуществить в интернет-пространстве. Основной формой политического участия граждан становятся обсуждения новостей на сайтах СМИ или в социальных сетях, политические флэшмобы, которые проводятся на платформах «Фэйсбук» и «Твиттер».

Таким образом, на примере Британии можно сказать, что «электронные медиа» обеспечивают участие граждан в политическом процессе.

Второй важной сферой использования «новых» СМИ стала организация протестов и антиправительственных выступлений. Эта тенденция вытекает из нежелания

¹ Office for National Statistics. (2013). Internet access: Households and individuals. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/rdit2/Internet-access---households-and-individuals/2013/stb-ia-2013.html> (дата обращения: 19.06.2021)

² Там же.

людей принимать первичное политическое участие в реальной жизни (офлайн). Гражданам проще ознакомиться с проблемой и сформировать свое мнение, сидя за компьютером, а уже затем предпринимать активные действия. Во-вторых, как правило, организаторы акций протестов (как санкционированных, так и нет) не имеют доступа к традиционным СМИ, которые часто находятся под контролем правительства.

Одна из первых массовых демонстраций, которая была организована при помощи коммуникационных технологий, – собрание людей 13 марта 2004 г. после терактов в Мадриде. Главными методами мобилизации участников стали общение людей на форумах и пересылка сообщений о готовящихся демонстрациях по электронной почте. Эти действия можно считать попыткой мобилизовать массы не традиционным путем, а с помощью использования новых технологий, являющихся первым этапом развития «новых» СМИ [Luengo, Fernández-García, 2017].

Эта технология развивалась параллельно с ростом доступности интернета и появления новых социальных сетей и электронных СМИ. Так, «марши свободы» в Каталонии были организованы и координировались через виртуальное пространство. Продвижению способствовали аккаунты в социальных сетях лидеров протеста (К. Пучдемон, К. Торре, О. Жункерас) и политических организаций Каталонии, а также новостные сайты, редакции которых поддерживали каталонцев. Первая акция протеста была спланирована группой онлайн-активистов, которая называет себя «Демократический цунами» (*Tsunami Democratic*). Эта организация создала приложение, с помощью которого можно было узнать о протестах в режиме реального времени. Испанское правительство обвинило группу в нарушении законодательства, призывая людей сообщать о своем текущем местоположении. Группировка сохраняет анонимность, но СМИ и испанские правоохранительные органы считают, что за этим движением стоят лидеры протеста, хотя это отрицалось в официальных заявлениях организации¹.

Через эти каналы распространялась информация о дальнейших действиях митингующих (перекрытие автомобильных дорог, нарушение работы железнодорожных станций), а также время и место сбора. Обсуждение происходящего перетекло на электронные ресурсы, где пользователям было проще оперативно получать актуальные новости и высказывать свое мнение.

Сейчас организаторы многих протестных акций координируют массы с помощью «новых медиа». Наиболее популярно создание групп, посвященных митингу или его причине, в социальных сетях, сбор данных сторонников и их последующее оповещение по телефону или через электронную почту. В последние годы эти технологии применялись в ряде постсоветских стран (Белоруссия², Армения). Такой метод характерен и для организации антиковидных протестов, когда удаленная координация стала особенно актуальной в целях безопасности [Атанесян, 2019].

¹ Belén Couceiro. "Catalonia's Democratic Tsunami Movement – born in Geneva?" Swissinfo. 17.10.2019 URL: https://www.swissinfo.ch/eng/politics/unrest-in-spain_catalonia-s--democratic-tsunami--movement---born-in-geneva/45305162 (дата обращения: 19.06.2021)

² Александровская Б. IT-протест: как технологии помогают белорусам противостоять Лукашенко. DW. 23.11.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/it-protest-kak-tehnologii-pomogajut-belorusam-protivostojat-lukashenko/a-55700780> (дата обращения: 19.06.2021)

Наиболее востребованными «новые» СМИ становятся во время избирательной кампании. Интерес людей к новостям возрастает, а кандидатам и партиям необходимо проводить агитацию и мобилизацию сторонников всеми доступными средствами.

Для примера можно рассмотреть действия политических деятелей Норвегии во время избирательных кампаний 2013 и 2017 гг. Наиболее активны политики в крупнейших социальных сетях «Фэйсбук» и «Твиттер». При анализе постов политических партий и их лидеров в сети «Фэйсбук» Андерс Улоф Ларссон выделил шесть главных направлений, которые они использовали во время избирательной кампании [Larsson, 2015: 461–463]. Любимой темой постов среди избирателей стали «благодарности». В них политики выражали признательность своим сторонникам за поддержку, гражданам за интерес к политике и даже другим партиям – за политическую конкуренцию. Такая риторика не вызывает негативной реакции и при этом создает определенный информационный повод. Другие два направления – информирование и мобилизация – связаны между собой. Информирование включает в себя сведения о предстоящих встречах с кандидатами, телевизионных эфирах и стримах в интернете. Эти действия ведут к этапу мобилизации сторонников и интересующихся людей. Публикации о предстоящих событиях создают дискуссию, которая способствует более активному политическому участию граждан.

Кроме того, с помощью электронных СМИ избиратели получают текущие данные о ходе избирательной кампании. Социальные сети и партийные ресурсы облегчают процесс передачи этой информации от партий к сторонникам.

В Норвегии важный элемент в электронном пространстве – личная информация, биография и публикации о частной жизни. Согласно опросам норвежских социологических служб, избиратели тщательно знакомятся с этой информацией и относятся с подозрением к кандидатам, которые не афишируют свою свободную от политики жизнь. Наиболее часто о своей личной жизни упоминают политики, представляющие не самые популярные партии. В 2013 г. Лив Сигне Наварсете из Центристской партии посвятила своей личной информации треть публикаций. А Эрна Сульберг и Йенс Столтенберг – лидеры ведущих партий Норвегии – делали акцент на своих предвыборных программах и ходе кампании.

Наименее популярное и не получившее одобрения избирателей направление – критика других кандидатов и партий. На выборах в Стортинг меньше половины политических партий посчитали нужным уделить внимание критике своих оппонентов, а не собственным преимуществам. Такая стратегия наиболее характерна для партий, которые не входят в парламент, или для новообразовавшихся партий (Партия ценностей, Норвежская партия).

Выводы

«Новые» СМИ стали важнейшим инструментом для политиков не только во время избирательных кампаний, но и в промежутке между электоральными циклами. Фактически полноценное участие кандидата или партии в политическом процессе невозможно, если они не представлены в интернете. Тем не менее «новые медиа» меняют поведение и самих избирателей. Вместе с развитием современных технологий люди становятся менее активными в политических действиях, которые требуют их физического участия (голосование, митинги, пикеты). Гораздо более востребованными становятся такие формы политического участия, как опросы,

электронные референдумы, политическая дискуссия в социальных сетях. Европейский опыт использования «новых медиа» специфичен. Политики в ЕС применяют этот инструмент с учетом накопленного ранее американского опыта и адаптируют его к реалиям своей страны.

К числу проблем, связанных с растущей ролью интернет-медиа, относятся координация и организация незаконных акций и протестов, расширение возможности анонимного вмешательства в выборы из других стран и т.д. Эти проблемы имеют еще более серьезный характер из-за отсутствия полноценного международного цифрового законодательства. В настоящий момент Евросоюз и другие государства находятся на стадии разработки и вступления в силу единых правил регулирования интернета. Тенденция к формированию единого правового поля сочетается с законодательным регулированием на национальном уровне, поскольку данная сфера затрагивает вопросы безопасности и суверенитета. Примерами могут служить Россия и Белоруссия, которые приняли ряд законов, ограничивающих деятельность СМИ в электронном пространстве. Подобные правовые акты и выработка единых цифровых правил должны сократить количество угроз со стороны «новых» СМИ и дать толчок дальнейшему позитивному развитию этой сферы.

Список литературы

- Атанесян А.В. (2019) Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении). *Социологические исследования*, № 3. С. 73–84. DOI: 10.31857/S013216250004280-1
- Балуев Д.Г., Каминченко Д.И. (2016) Сравнительный анализ «Новых СМИ» и социальных медиа в контексте социально-политического и исторического факторов. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, №1 (33). С. 153–160.
- Европа в поиске новых решений / отв. ред. Р.Н. Лункин, П.В. Осколков. М., ИЕ РАН, 2020. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report52020_372. 140 с.
- Каминченко Д.И. (2013) «Новые» средства массовой информации в контексте концепции общества риска. *Приволжский научный вестник*, №3 (19). С. 140–143.
- Манович Л. (2018) Язык новых медиа. Ад Маргинем. 400 с.
- Николаевич И.С. (2018) Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. Питер, С.-Петербург, Россия. 320 с.
- Потемкина О.Ю. (2019) Проблема регулирования социальных сетей накануне выборов в Европейский парламент. *Современная Европа*, № 2 (87). С. 52–60. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220195061>
- Чугров С.В. (2019) Эпоха постправды как новая реальность. *Стратегические коммуникации в цифровую эпоху. Новые технологии: учебное пособие*. Под ред. Л.С. Сальниковой. Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА», Москва, Россия. С. 45–59.

References

- Allcott H., Gentzkow M. (2017) "Social Media and Fake News in the 2016 Election". *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 31. No 2, pp. 211–236.
- Andrejevic M. (2013). "Public Service Media Utilities: Rethinking Search Engines and Social Networking as Public Goods". *Media International Australia*. 146 (1), pp. 123–132. doi:10.1177/1329878x1314600116
- Atanesyan A.V. (2019) Vliyanie social'nyh setej na protestnoe povedenie (na primere Armenii), [Impact of social networks on protest behavior (on the example of Armenia)]. *Sociologicheskie issledovaniya*. No 3, pp. 73–84. (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250004280-1
- Baluev D.G., Kaminchenko D.I. (2016) Sravnitel'nyj analiz «Novyh smi» i social'nyh media v kontekste social'no-politicheskogo i istoricheskogo faktorov, [Comparative analysis of "New media" and social media in the context of socio-political and historical factors]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. No 1 (33). pp. 153–160. (in Russ.).
- d'Ancona M. (2017) Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back. Random House. 176 pp.

de Kerckhove D. (2015). E-motivity: the social impact of the Internet as a limbic system. *Matrizes*. 9 (1), pp. 53–65. DOI: 10.11606/issn.1982-8160.v9i1p53-65.

Filer T., Fredheim R. (2016). "Sparking debate? Political deaths and Twitter discourses in Argentina and Russia". *Information, Communication & Society*. 19 (11), pp. 1539–1555. doi:10.1080/1369118X.2016.1140805

Hallin D.C., Mancini P. (2004) Comparing media systems: Three models of media and politics. Cambridge: Cambridge University Press.

Kaminchenko D.I. (2013) «Novye» sredstva massovoj informacii v kontekste koncepcii obshchestva riska, ["New" media in the context of the concept of risk society]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*. No 3 (19), pp. 140–143. (in Russ.).

Larsson A.O. (2015) Pandering, protesting, engaging. Norwegian party leaders on Facebook during the 2013 'Short campaign', *Information, Communication & Society*, 18:4, pp. 459–473, DOI: 10.1080/1369118X.2014.967269

Luengo O., Fernández-García B. (2017). Political Participation and New Technologies of Communication in Spain. *Przegląd Politologiczny*. 3, pp. 21–31. DOI: 10.14746/pp.2017.22.3.2.

Lunkin, R.N., Oskolkov, P.V. (eds.) (2020) *Evropa v poiske novyh reshenij* [Europe in search of new solutions]. Moscow. (In Russian). DOI: 10.15211/report52020_372.

Nikolaevich I.S. (2018) *Kak nas obmanyvayut SMI. Manipulyaciya informaciej*, [How the media deceive us. Manipulation of information.] Piter, S.-Petersburg, Russia. P. 320. (in Russ.).

Owen D. (2018) "The New Media's Role in Politics", *The Age of Perplexity: Rethinking the World We Knew*, Penguin Random House Grupo Editorial, Barcelona, pp. 106–123.

Potemkina O.Yu. (2019) Problema regulirovaniya sotsialnykh setey nakanune vyborov v Evropeyskiy Parlament. *Sovremennaya Evropa*, [The problem of regulation of social networks on the eve of the elections to the European Parliament]. No 2 (87), pp. 52–60. (in Russ). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220195061>

Saldaña, M., McGregor, S., & Gil de Zúñiga, H. (2015) «European Public Sphere| Social Media as a Public Space for Politics: Cross-National Comparison of News Consumption and Participatory Behaviors in the United States and the United Kingdom». *International Journal of Communication*, 9, 23.

Stroud N.J. (2011) *Niche News: The Politics of News Choice*. Oxford University Press. p. 277. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199755509.001.0001

Electronic Media and Social Networks in Politics: European Experience

Received 02.06.2021

Author: Skripka I., Junior researcher at the Department for Country Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Science. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** iv.skripka@yandex.ru

Abstract. The article outlines the relationship between the political process and the development of "new" mass media which mainly means social networks. Electronic media, including social networks, pose a challenge to the current state of international relations. In this regard, a number of states (Belorussia, Russia, Great Britain) and supranational structures (European Commission, UN) are developing a digital legislation envisaging control over the online space. In addition to the negative aspects, the development of "new" media helps political forces in their activities. Many European politicians and political parties actively use Internet resources and micro-targeting to attract voters. The challenge for governments and researchers in this field is to understand the pros and cons of the new digital era and to develop a plan for integrating new technologies into the familiar political process. It is concluded that the European Union and other states are at the stage of development and entry into force of uniform rules regulating the Internet. The trend towards the formation of a single legal field is combined with legislative regulation at the national level, since this area affects issues of security and sovereignty.

Key words: "new" media, digital legislation, European Commission, Spain, Great Britain, Norway, protests, electoral process.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021184193>

IN MEMORIAM

Аркадий Олегович ЛАПШИН

(1948 – 2021)

16 августа ковид забрал очередную жертву – в возрасте 73 лет полный жизненных и творческих планов скончался главный редактор журнала «Власть» Аркадий Олегович Лапшин, давний партнер Института Европы РАН и «Современной Европы». Свой путь в науке он начал в далекие 70-е годы в Отделе идеологических и политических проблем Института мировой социалистической системы, заслуженно сльвиший рассадником «диссидентствующего марксизма». Не случайно имена многих его сотрудников прославились именно в «перестройку». Так и А.О. Лапшин смог в полной мере реализовать свой научный и человеческий потенциал лишь в новые, хотя и очень нелегкие для науки времена.

На посту редактора раскрылся его талант организатора и несравненного коммуникатора, умевшего находить общий язык с представителями самых разных социальных слоев: от академика до лаборанта, и не пасовавшего перед житейскими проблемами, решать которые ученым вообще-то не свойственно. Придя в журнал в 1993 г. и возглавив «Власть» в 2009 г., он с парой сотрудников все эти годы, несмотря на дефолт и все новые бюрократические препоны, обеспечивал без государственного финансирования существование независимого научно-политического издания, входящего в список ВАК.

Принципиальной его позицией была широта и репрезентативность журнала, чуждавшегося узости и предвзятости отдельных методологических школ, политических веяний и общественных течений. Во «Власти» статьи реномированных столичных авторов соседствовали с публикациями еще безвестных провинциалов. На его страницах смогли получить путевку в жизнь многие начинающие исследователи, но его не обходили стороной и авторитетные ученые академических институтов. О популярности его детища, ставшим для А. О. Лапшина главным делом жизни, говорит уже то, что по рейтингу цитируемости журнал превзошел многих маститых конкурентов – предмет особой гордости главного редактора. Аркадий Олегович не хотел расставаться со своим делом даже тогда, когда ему делались коммерчески выгодные предложения.

Светлая память нашему товарищу и достойного продолжения его труду!

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

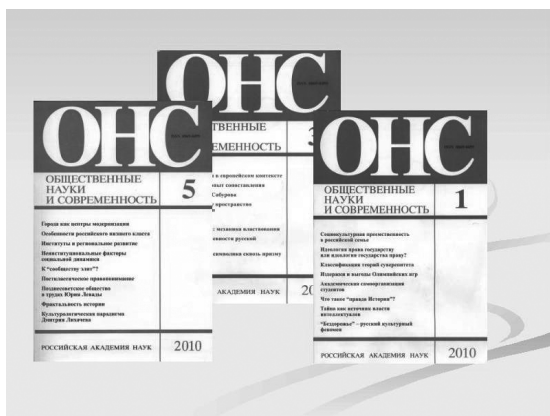
«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

- 08.00.00 – экономические науки;
- 22.00.00 – социологические науки;
- 23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**
 ISSN (print): 0869-0499
 Год основания: 1976
 Импакт-фактор: 0,862
 Подписной индекс: 70677
 Периодичность: 6 раз в год.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал “Современная Европа” статьи следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также в соответствии с правилами международных баз данных цитирования периодических и непериодических изданий (Scopus, Web of Science):

- объем рукописи не должен превышать 1 а.л. (35 тыс. знаков, включая пробелы, 25 тыс. знаков для соискателей и аспирантов), для раздела “Рецензии” – не более 3 страниц (около 10 тысяч знаков). Объем аннотации на русском языке должен быть не менее 150 слов, аннотации на английском языке – не менее 200 слов.

- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала (кегль 14) в электронном виде и присланы по электронной почте: sov_europe@mail.ru.

- все источники следует снабдить библиографическими ссылками и **пристатейным списком литературы в русском варианте (Список литературы) и английском (References)**. Ссылки оформляются по системе Harvard. Список литературы и References составляется без нумерации и в алфавитном порядке (не менее 15 наименований).

- Каждой статье в журнале присваивается DOI. Просьба также указывать DOI публикаций в списках литературы.

- Необходимо указать код статьи по УДК.

- Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

- Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

- Автор гарантирует что в представленном произведении (статье) отсутствует дословное копирование более 10% произведения другого лица без его надлежащего оформления и содержится не более 10% самоцитирования (перефразирование из ранее опубликованных работ автора).

- Статья принимается к публикации на основании порядка **рецензирования и правил редакционной этики**, принятых в журнале “Современная Европа”, которые отражены на сайте журнала www.sov-europe.ru.

Пример оформления статьи для журнала:

ФИО автора, должность, место работы (в именительном падеже), эл. почта. Адрес места работы.

Код статьи по УДК.

Название статьи.

Текст статьи (в тексте статьи при ссылке на источник необходимо указывать в квадратных скобках фамилию автора, год издания и страницу).

Список литературы.

References (с англоязычными ссылками и русскоязычными в транслитерации, оформленными в соответствии с Harvard style).

ФИО автора, должность, место работы, эл. почта, адрес места работы (на английском языке).

Название статьи на английском языке.

Аннотация (на русском, не менее 150 слов, и английском языках, не менее 200 слов).

Ключевые слова (на русском и английском языках, 5-10 слов).

Более подробно с содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте <http://www.sov-europe.ru>.

English version: <http://www.sov-europe.ru/english/index.htm>

С полной версией журнала в открытом бесплатном доступе также можно ознакомиться в каталоге “Научной электронной библиотеки”: <http://www.eLibrary.ru>

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope>

Редакция не имеет возможности вести переписку с читателями, рецензировать и возвращать неказанные материалы.

Адрес редакции: Россия, 125009, Москва, Моховая ул., 11-3.

Тел: /495/ 692-27-20. Факс: /495/ 629-92-96.

E-mail: sov_europe@mail.ru, ieras@mail.ru

Internet: <http://www.sov-europe.ru>

**Индекс журнала “Современная Европа”
в каталоге “Роспечать” — 79701 и
в объединённом каталоге “Пресса России” — 14492**

Подписано в печать 19.09.21 г.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Объём 10 п.л. Тираж 500 экз. Заказ 814.

Отпечатано в типографии “Технология ЦД”.